

Немеркнущая звезда

Часть третья

18+

А. С. Стрекалов

Александр Сергеевич Стрекалов

Немеркнущая звезда. Часть третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27450261

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-12406-6

Аннотация

Судьба молодого советского учёного, попавшего во второй половине 1980-х годов под каток “перестройки” и не пожелавшего вместе с товарищами по Университету навсегда покидать страну; наоборот – грудью вставшего на защиту Родины от марионеточной кремлёвской власти с Б.Н. Ельциным во главе и проигравшего схватку осенью 1993 года. Со всеми вытекающими отсюда лично для него печальными последствиями... На обложке: картина И.Н.Крамского "Лунная ночь" 1880 год.

Содержание

Глава 8	6
1	7
2	14
3	18
4	22
5	27
6	32
7	36
8	39
9	44
10	46
11	50
12	53
13	58
14	62
15	67
16	70
17	73
18	76
19	80
20	87
21	96
22	102

23	105
24	110
25	113
26	119
27	123
28	127
29	132
30	135
31	138
32	143
33	149
Глава 9	151
1	152
2	159
3	163
4	175
5	178
6	181
7	184
8	189
9	193
10	197
11	201
12	204
Глава 10	206
1	207

2	212
3	218
4	223
5	228
6	235
7	239
8	245
9	248
10	251
11	256
12	259
Конец ознакомительного фрагмента.	271

Глава 8

«Многие думают, что страну можно покорить только силой оружия. Это глубокая ошибка. Есть раны гораздо более чувствительные, чем те, которые проливают народную кровь: это – раны, наносимые душе народной!

Душа народа заключается в его традициях, в его вековых преданиях; эти традиции являются истинными источниками народной жизни...

Как ищут деревья в лесу своими корнями плодородную почву, сплочённую из пластов давно упавших листьев, так и народ живёт теми духовными устоями, которые создались от доблести, героизма, стремлений, страданий и надежд предшествовавших поколений. В этом заключается живительная сила, которую исчезнувшие поколения выработали для поколений грядущих...

Поэтому, если хотят убить душу народа, а следовательно и самый народ, – стоит только разомкнуть живущее поколение с прошлым, то есть изгладить из памяти народа его предания и заветы, внушить ему презрение и ненависть к его старине; подобно тому, как достаточно подрубить у дерева корни, дающие ему для питания растительный сок, чтобы умертвить его...» /А.Селянинов/

Не сосчитать, сколько раз приходилось слышать Стеблову рассказы отцовские, душещипательные, про его деревенскую невыносимо-тяжёлую жизнь, про голод, войну и разруху. Про то, что отец хлеба не наедался досыта до 30-ти с лишним лет, с голодухи еле ноги таскал и дома и на работе, копейки вечно считал, с нищетой, сколько себя помнил, боролся, хронической усталостью и безысходностью. Что, наконец, его, безотцовщину с 11-ти лет, долго все обижали и унижали. Лошадь в колхозе – и ту не давали, когда нужно было жену, матушку Вадика, в роддом везти, когда у той начинались уже первые предродовые схватки. А когда всё же сжалились, дали – то уже поздно было: не довезла своего первенца мать, не дотерпела. И Вадик в телеге на улице так и родился: его в роддом родившимся уже привезли, мокреньким, красненьким и кричащим.

«Как ты не умер, сынок, не замёрз по дороге?! Ведь тогда февраль-месяц стоял, морозы лютые и трескучие? – всегда в этом месте с недоумением тряс головою отец, мокрые глаза растирая. – Как твоя мать на холоде не умерла с перерезанной кое-как пуповиной – тоже мокрая вся, с послеродовым кровотечением? Загадка!... И меня, как на грех, с вами не было рядом, – уже по-настоящему плача, рассказывал далее батюшка. – Председатель-еврей не отпустил, скотина

безрогая: нарочно по делам куда-то услал, чтоб ему, паразиту злобному, пусто было!...»

«Конюх наш деревенский мать в город тогда повёз, одноногий дед Павел. Он и принимал в поле роды, вас обоих грязным тулупом своим прикрывал, а сам в одной холщёвой рубашке да в душегрейке старенькой до города ехал. Песни brave распевал, как когда-то на фронте, – тебя орущего, как потом мне рассказывал, веселил. Ну и попутно поддерживал обессиленную матушку нашу... Хороший был дед, сынок, боевой и прямой! – улыбался сквозь слёзы отец, вспоминая дорогого односельчанина. – Царство ему Небесное! Он один был в нашей деревне такой – с широкой русской душой нараспашку. Герой русско-японской войны, Георгиевский кавалер, красавец и богатырь в молодости! Правду-матку, помнится, резал прямо в глаза, и никого не боялся. Даже и жида-председателя... Здорово он вам помог – молодец, душа-человек! Мы его с матерью до сих пор свечками и молитвами за роды те и тулуп поминаем...»

Когда отец вспоминал это всё: своё детство и юность голодные и безденежные, и первые семейные годы, когда он жену беременную не мог по-человечески в роддом проводить, гнилых яблок не мог ей купить за неимением средств, и у жены его молодой зубы и волосы выпадали от истощения и авитаминоза, – он неизменно плакал, ущербным и маленьким становясь, без-помощным и беззащитным. И Вадим

ку было жалко отца, искренне жалко. Хотя и казалось порой, что родитель его переигрывает, напускает страху.

Да и матушка всякий раз шумела и махала руками на мужа: осаживала его. Говорила с неудовольствием, что хватит, дескать, тебе, родненький, плохое-то без конца вспоминать, выжили все – и слава Богу, мол! и хорошо! – чем, опять-таки, косвенно подтверждала то, что старший Стеблов у детишек своих сознательно слезу рассказами жалостливыми выбивал, что на самом-то деле всё было не так, было чуточку легче.

И “Путёвку в жизнь” Вадик несколько раз смотрел: как там пацаны без-призорные под котлами асфальтовыми ночевали, воровали каждый день с голодухи, гибли от драк, болезней и поножовщины. Бедствовали, короче, горе горькое мыкали. Но, переживая за Жигана отчаянного и чумазого Мустафу, всё равно малолетний Стеблов к ним как героям сказочным относился, а не как к реальным персонажам прошлого, к тому же – совсем недалёкого. Тяжело было представить ему, юнцу, росшему в относительном достатке и сытости, что когда-то у них было такое, такая ужасная жизнь: без-призорщина, голод и грязь, отсутствие родителей, дома и денег, и надёжного светлого будущего. И понять его было можно.

Проведший детство и отрочество, а потом и мятежную юность в *золотую пору* последней русской мировой Державы под названием СССР – в правление Леонида Ильича Брежнева, человека добрейшего и гуманнейшего, миротворца ве-

ликого и строителя, кого трудолюбивые русские люди будут долго ещё вспоминать за советское райское время, – подросток Стеблов и помыслить не мог, что в их по-настоящему великой и замечательной стране кто-то мог жить по-другому: нищенствовать, бедствовать и голодать, умирать от отчаяния и безысходности. Это не укладывалось в голове – настолько вокруг (1960-1970 годы) всё выглядело кондово, мощно и справедливо, весело, сытно и правильно. Казалось: так было всегда. Так есть и так вечно будет...

Да и как иначе, скажите, мог думать и рассуждать на досуге добропорядочный советский гражданин, патриот своей Родины? – если к границам Советского Союза враги и на пушечный выстрел подойти боялись. При виде пограничных полосатых столбов с могучим советским гербом наверху у них у всех поджилки тряслись и “заячья болезнь” начиналась. Им с неизбежностью прокладки и памперсы требовались с таблетками закрепительными и успокоительными. Никакое передовое оружие их не спасало от диареи и трусости, не прибавляло сил... И враги разбегались прочь, не помышляя о нападении.

В 1970-х и 80-х годах поэтому в СССР про войну забыли. Казалось – что навсегда. Какая война при такой-то силе государственной и единении?! с кем?! Всех бы заткнули за пояс, на куски порвали играючи! – хоть западных наших соседей, хоть восточных... Даже и хвалёные и могучие Со-

единённые штаты Америки справедливо опасались нас, что с очевидностью и продемонстрировал известный “Карибский кризис”.

И внутри страны также всё было добротно и крепко; тихо, спокойно и сытно, что главное. Какой мог быть голод и холод при таком-то порядке и изобилии, какие нищие с без-призорниками?! откуда?! Разве ж позволили б детям при Брежнев под котлами грязными спать, бродяжничать, резать друг друга, пьянствовать и глупостями заниматься. Тут же в детдом отправили бы, приобщили к учёбе, к труду, к сытой правильной жизни. На то и существовала власть – советская, справедливая и народная, – чтобы заботиться обо всех, и каждого гражданина страны делать добрее, честнее, счастливее.

Женщин-рожениц государство на руках носило в 1970-ые и 80-ые годы, на каждом партийном съезде их славил за их самоотверженный труд по производству и воспитанию молодого поколения, будущих строителей коммунизма, каждом собрании, орден “Мать-героиня” ввело трёх степеней с немалыми денежно-компенсационными выплатами, а потом ещё и орден “Материнской славы”. К услугам матерей было всё: забота, почёт и внимание, добротные женские консультации и роддома, новые комбинаты питания, детсады и ясли, и железные четырёхколёсные “кони” вдобавок *Скорой медицинской помощи*, готовые примчаться на дом в любую точку страны и любую минуту, оперативно и грамотно вмешаться

в процесс, помочь разродиться молодой маме. Это тебе не телега с лошадьё и грязный полуистлевший тулуп, или иные какие проблемы. При Брежневe молодожёнам уже не надо было перед кем-то там кланяться и лебезить, неприятных случайностей опасаться. Любишь себе на здоровье, а потом рожай, не ленись – и о плохом не думай. А уж государство поможет тебе поднять своих чадушек на ноги...

С таким пониманием Вадик и рос, любил свою Родину, к счастью стремился, которого с каждым днём становилось всё больше и больше, словно деревьев в тайге, чему здоровье его богатырское и дружная семья способствовали. Но более всего – их могучее советское государство, конечно же, открывшее перед ним двери всех секций, клубов и школ, институтов и университетов самых главных и самых престижных, включая сюда и Московский, без замедленья, взяток и проволочек, без ежемесячной платы, тем более, позволившее все свои способности многочисленные реализовать, все наличествующие таланты. Стеблов нёсся вперёд как ласточка молодая, судьбу ухватив под уздцы, был человеком страшно счастливым, страшно!... Пока не грянула “перестройка” в середине 1980-х годов и не зашаталось, не рухнуло всё, чем он жил и дышал с малолетства, к чему подспудно готовился...

Вот когда он отчётливо вспомнил и по-новому, по-взрослому уже оценил трагедию погибших на фронте обоих дедов

своих и раскулаченных ещё раньше прадедов, когда рассказы отцовские, слёзные, ему уже не казались сказкой. Очувтившись на обочине жизни в 40 неполных лет – без цели и денег, и работы фактически, запаниковав и занервничав в наступившем хаосе и бардаке, что с неизбежностью принесла с собой хвалёная “западная демократия”, как-то сразу ослабнув, обезволив и растерявшись, и все свои знания потом и кровью добытые позабыв, – он, быстро поседевший и постаревший, почувствовал, к немалому ужасу, что пришла и его очередь испить с горькой интернациональной отравой чашу, что и его поколение не оставил в покое Господь. Как до этого – поколение отца, поколения дедов и прадедов...

Пик горбачёвской *перестройки*, конец 1980-х годов, Стеблову выпало встретить и пережить на самом взлёте, можно сказать, его самостоятельной послеуниверситетской жизни, будучи 30-летним уверенным в себе молодым человеком, старшим научным сотрудником одного из ведущих столичных оборонных НИИ, что разрабатывал *системы управления* для беспилотных космических аппаратов. Разведывательного характера в основном, летавших на околоземной и геостационарной орбитах.

К тому времени он уже благополучно окончил Университет и аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, женился в 24 года, двоих детишек завёл – сына Олега и дочку Светлану, – и около 5 лет работал в особо засекреченном институте в глубине Филёвского парка, окружённом старыми липами и высоченным бетонным забором с колючей проволокой наверху. Забор и “колючку” усиливала вооружённая охрана и сверхнадёжная проходная почти как на “зоне” (через которую на территорию даже и милицию не пропускали без надобности и разрешения руководства), обязательная сигнализация и видеокамеры по периметру. “*Ящичками*” такие НИИ тогда называли для маскировки тематики, что вели свою родословную от знаменитых сталинских “*шарашек*”, где и ковалась оборонная мощь страны: космическая и ра-

кетно-ядерная.

Его холостые товарищи-аспиранты, защитившиеся и “остепенённые” вместе с ним, пошли математику преподавать в различные вузы Москвы, или же в академический институт им. Стеклова (МИАН) устроились *мэнээсами* – чтобы иметь свободного времени побольше и продолжать заниматься наукой, писать там докторские. Звали с собой и Вадима, – но он отказался идти на грошовые вольные заработки. Ему нужно было кормить и содержать семью, к которой он с каждым днём всё сильнее и сильнее привязывался, которой в итоге жизнь свою посвятил – семье, а не математике, где он выдохся и иссяк после написания кандидатской, достигнув творческого предела.

А в “*ящике*”, куда он устроился, платили приличные деньги. Даже и в сравнение со средними заработками по Москве. Тем паче – с заработками его свободолюбивых и пока что неженатых друзей-преподавателей, за которые, правда, нужно было “пахать” от звонка до звонка по восемь часов в день, забыв про личное время и про науку.

Он и “пахал”, не унывал: он к работе, к труду был с малолетства приученный. Зато в 33 года он уже имел собственную 3-комнатную кооперативную квартиру в Москве, купленную на заработанные в стройотряде и оборонном институте деньги; имел автомобиль “Жигули” первой модели, который им с братом родители подарили. И, что самое-то главное, что было важнее квартиры и “Жигулей”, – он был абсо-

лютно уверен в завтрашнем дне: знал, что никогда не закроют их институт, и не останется он без работы и без зарплаты. Это было так упоительно сладко, поверьте, – такую перспективу жизненную и творческую осознавать, с без-конечностью отождествлявшуюся, с без-смертием, – это удесятеляло силы.

Стеблов был счастлив и горд в этот короткий период времени, и очень доволен собой... Ну и страной, соответственно, что создавала ему, молодому учёному, все условия – да какие! Думай только, изобретай – не ленись, трудись самоотверженно, честно и качественно; и потом получай за работу добротную, высокоинтеллектуальную, на укрепление стратегической оборонной мощи СССР направленную, подобающие советскому полувоенному специалисту-теоретику деньги. Хорошие деньги, повторимся, очень хорошие, на которые можно было и в столице безбедно жить, которыми можно было гордиться. Вектора развития страны и Стеблова в те годы в точности совпадали, и от этого ему было работать вдвойне, а то и втройне приятно. Как приятно, к примеру, в лодке по течению и по ветру плыть – и окружающей красотой любоваться.

Он жил и работал весело и легко – как в детстве далёком, как в отрочестве, – домой приносил *получки* огромные, строил с женой и детьми на будущее широкомасштабные планы, которое, будущее понимай, ему виделось до “перестройки” исключительно в розово-голубом цвете, в мажоре. Здоровье

недюжинное и красный диплом МГУ, глашатай обширных знаний, многократно усиливали те радужные видения-перспективы, ежедневно подпитывали и подтверждали их – что так оно всё и будет...

Но в марте 1985 года румяный краснобай М.С.Горбачёв взял в руки рычаги власти в стране, новый партийный Генсек – этакий чистоплюй и милашка, сталинский антипод или карикатура, шут гороховый и баламут, жалкая пародия на Вождя, великого лидера великого же государства.

И огромную Державу советскую, социалистическую, не подвластную никаким катаклизмам и завихрениям, как наивно думалось её жителям, тем более – разрушению и распаду, Державу вдруг начало лихорадить, шатать и трясти. Как лихорадит и трясёт, к примеру, старый и давно устоявшийся муравейник от всунутой в него лихими людьми палки. В СССР на официальном уровне были провозглашены “перестройка” и “новое мышление” вперемешку с “демократией”, “гласностью” и “оздоровлением”. А если по-русски и по-простому – была провозглашена “новая”, “свободная и демократическая, жизнь”. Взамен жизни старой – советской, “опостылевшей” и “несвободной”.

Брежневу, если кто помнит ещё, не забыл, в последние годы правления было тяжело говорить из-за проблем со здоровьем, с зубами, в частности: выступал он редко поэтому, только на съездах и пленумах. Про недееспособных Андропова и Черненко лучше и не вспоминать: те на своих постах и не работали-то толком, въехав в Кремль фактическими ин-

валидами. За них работали их соратники и помощники, пока они оба на больничных койках под капельницами валялись и под себя ходили – прислуживавшим медсёстрам жизнь портили.

А вот для молодого и ретивого Горбачёва выйти на публику и почесать языком половину рабочего дня было всё равно что на пляже позагорать или свежего мёду выпить, – было удовольствием и потехою. Говорил он с первого выхода в свет со всеми культурно, вежливо и с достоинством, долго и много везде говорил, народ свой доверчивый, по живому слову, живому общению истосковавшийся, неустанными монологами зомбировал и завораживал, в себя влюблял. Вот, мол, каков я удалец-молодец – и умный, и красивый, и знающий, образованный по самое некуда, кандидат наук, историк, правовед и философ, и всё такое. Не чета стоявшим до меня неучам-маразматикам, олухам Царя Небесного, у большинства из которых были лишь техникумы за плечами, ФЗО, рабфаки и партшколы; от которых-де было мало толку поэтому – только понты одни. Слушайте, мол, меня, люди добрые, верьте мне, смело идите за мной как за Иваном Сусаниным: я, как-никак, МГУ закончил, учёный юрист по специальности, во многих сложных вопросах большой дока – больше меня в Союзе нет. По определению, что называется.

Ну и давай часов пять-шесть без остановки и продыху лопотать-велеречить перед толпой на улице или собрании,

партийном пленуме или очередном съезде – везде. И всё об одном и том же: о “демократии”, “плюрализме мнений” и “правах человека”, “духовном раскрепощении” и “переоценке ценностей”, “свободе” и “диктатуре” с “тоталитаризмом”, чем они отличаются друг от друга, об “уникальности человеческой личности”. Да мало ли о чём ещё выходил и вещал товарищ – всего и не упомнишь, не перечесть, не передашь потомкам, как того хочется.

Советским избалованным брежневским райским правлением людям с высоких партийных трибун и на встречах уличных им, златоустом из Ставрополя, изо дня в день, из месяца в месяц настойчиво стало внушаться, что они-де перво-наперво были теперь обязаны – именно так! – в корне поменять свои взгляды на жизнь, на страну, на её историю и руководителей... И на соседние европейские государства, конечно же, что с запада окружают нас, которые, на его просвещённый взгляд, совсем не такие уж скверные, хищные и свирепые, как нам-де 70-т лет внушалось. Разбить стереотипы прошлого, короче, и снять идеологическую пелену с глаз одураченного и оболганного населения – вот-де задача задач и главная цель “перестройки” и “гласности”! Без чего не будет в Советском Союзе ни демократии, ни свободы, ни нормальной жизни! – вообще ничего! Именно и только так тогда Генеральным секретарём вопрос ставился! – безапелляционно, радикально и недвусмысленно! И он, историк, философ и юрист Горбачёв, “политик милостью Божией”, на-

роду в этом поможет...

Ну и началась после этого знаменитая, лихая и разудалая горбачёвская либеральная свистопляска вперемешку с реформами, что так насмешила мир, длилась семь лет по времени и кончилась катастрофой, как хорошо известно, – крушением СССР!... А может, и праздником! – как знать?! Для большинства православных русских людей итоговой *волей, свободой и праздником*, не смотря ни на что. Не смотря на циничный и подлый обман со стороны центральной московской власти, кровь, унижения и слёзы; и даже на очередное тотальное разграбление материальных, природных, научно-технических и культурных богатств, огромные территориальные и людские потери, финансовые и золотовалютные издержки?!...

И, тем не менее, до этого ведь было как?! – до Горбачёва то есть: если кто помнит, опять-таки, те пред'перестроечные времена и мысли авторские поддержит и подтвердит. До этого людям чуть ли ни с первого класса рассказывали (и они те рассказы-внушения родительские и учительские как пионерскую клятву помнили, как комсомольский и партийный устав), что живут-де они в самом лучшем и самом большом государстве – Союзе Советских Социалистических Республик. Величайшей мировой Державе по факту, площади

и цифрам, из руин сотворённой В.И.Лениным и И.В.Сталиным после Революции и Гражданской войны и основанной на безусловных принципах социального равенства и справедливости. Чего в России прежде целых 300 лет не было, не наблюдалось – со времён порабощения Западом Московского Царства в 1613 году через марионеточную Династию Романовых, – и о чём православные русские люди так долго и страстно мечтали; ради чего, собственно, и поддерживали всем сердцем и всей душой Великий Октябрь Семнадцатого и грандиозное социалистическое строительство, за что, наконец, воевали и слагали головы на фронтах Великой Отечественной войны. И это всё – тоже факты.

Оба они поэтому, Ленин и Сталин, справедливо и обоснованно провозглашались партией и правительством гениями всех времён и народов, титанами, богами земными, перед которыми все остальные деятели мировые, как нынешние, так и прошлые, – пигмеи презренные и ничтожества. Или детишки малые, несмышлёные, если уж совсем аккуратно и мягко про остальных сказать, не боясь никого напрячь и обидеть... И для большинства народонаселения СССР это историко-идеологическое утверждение было очевидной и безусловной истиной, которая сомнению не подлежала и не подвергалась! Ни сомнению, ни обсуждению! Зачем?! чего обсуждать-то, действительно?! – когда и так было всё ясно всем! И обледенелым чукчам, и жителям Средней Азии, и народам Кавказа и Закавказья.

Советские граждане 1970-х – 80-х годов в основной массе своей были искренне и от души благодарны и Владимиру Ильичу, и Иосифу Виссарионовичу за воссозданную и оставленную им в наследство величайшую и хорошо отлаженную страну. И очень гордились тем, что в их государстве могучем и непобедимом без-платная медицина, образование и жильё, копеечный хлеб, вода, электричество, газ и уголь. А все недра, леса и поля, все заводы и фабрики – общенародные. Что отсутствует безработица и биржа труда, кризисы политические, экономические и социальные; как и всякие там зерновые, промышленные и банковские турбулентности с завихрениями, с внезапными обвалами и взлётами цен – потому что мы не зависим от кабальной мировой экономики и биржевых спекулянтов, что безраздельно правят там бал, на колебаниях цен наживаются.

Нет, у нас всё было не так: у нас существовал план, а не дикий западный рынок с его непредсказуемостью и депрессиями, неподъёмными ценами на продукты питания, лекарства и жильё, и свободной рабочей силой. Миллионами безработных сиречь, а по сути – элементарных *бомжей, изгоев общества, лузеров*, что являются следствием постоянного обанкрочивания и перепроизводства.

А ещё советские люди верили и гордились, что они – хозяева своей страны, где каждый каждому друг, товарищ и брат, вне зависимости от национальности, цвета кожи и вероисповедания. В отличие от хищного и злобного Запада, опять-

таки, от Северной Америки той же с её Ку-Клукс-Кланом и расовым расслоением и угнетением, где люди живут по звериным фашистским законам, по сути, и где их не интересует ничто, кроме самих себя, доллара и наживы.

Там, на Западе, учили всех в школе, техникуме и институте, готовы поработить и закабалить весь мир ради собственной выгоды и комфорта, что *цивилизацией* у них зовётся, словно в насмешку; готовы всех до единого изничтожить и истребить, кто мешает им сладко жить, крепко спать, собственную волю навязывать повсеместно. И Великая Отечественная война 1941-45 годов, обрушившаяся на советское государство и с великим трудом и потерями выигранная, – это убедительно показала: кто на самом-то деле есть кто, и кто чего хочет в действительности, кто что думает.

Поэтому-то они, хваленые европейцы и американцы, – враги всех советских людей – самые главные и давнишние, заклятые и коварные! – от которых следует ожидать всего, любой провокации, подлости и вероломства; против которых нужно всеми силами и ресурсами обороняться, имеющимися в наличии, на пушечный выстрел к границам собственным не подпускать; тем паче – к разуму, науке и культуре, душам... Ибо цивилизация, основанная на безжалостно-безпощадной эксплуатации и ограблении других и возведённом в культ эгоизме, дьявольской гордыне и себялюбии, долго не продержится, не проживёт. Она чахнет и гниёт на корню – и пусть себе догнивает к лешему. От неё, прокажён-

ной и проклятой, подальше-де надо держаться: нам, добропорядочным русским людям, ни с Америкой, ни с Западом не по пути...

Так думали в СССР при Сталине и при Брежневе, да и при троцкисте-Хрущёве том же (хотя Н.С.Хрущёв – это особая тема). Такое внушали народу партия и правительство всё предвоенное и послевоенное время при помощи радио с телевидением, различных журналов, фильмов, газет. Стеблов это помнил отлично – те партийно-правительственные публичные проповеди и наставления, был абсолютно согласен с ними, всем сердцем поддерживал их, детям своим их внушал регулярно. Они были истинной правдой, по сути, истинной: руководителей ленинско-сталинского государства здесь особенно-то не в чем было и упрекнуть. Которых в этом активно поддерживали и литература с искусством в лице своих лучших представителей – писателей, режиссеров, художников с музыкантами, – патриотов-велико-державников от рождения...

Но вот пришёл Горбачёв – “большая-пребольшая умница”, повторимся, лапочка и чудодей! И народу стали внушать обратное его нукеры – диаметрально-противоположное фактически, лживое и заезженное. Да ещё и примитивное и крамольное, плюс ко всему, враждебное и взрывоопасное, что уже слышалось прежде не раз и не два из уст далёких предшественников Михаила Сергеевича: князя Курбского того же и первых Романовых, декабристов, Бакунина, Герцена и Чернышевского, Нечаева, Плеханова и Кропоткина, Милюкова, Керенского и Троцкого, и многих-многих других “радетелей за народное дело”, – и всегда приводило к трагедии и разрухе, неизбежному последствию ликвидации государства, тотальному обнищанию и бедствию.

И ведь опять привело – в который уж раз по счёту! – теперь уже в 1990-е годы. Потому что пропагандисты и агитаторы Горбачёвские, жидомасоны всех уровней и степеней, работали по до мелочей и деталей отлаженным в былые времена программам и схемам, приносившим отличные результаты их разработчикам, помноженные на богатые дивиденды. Понимай: заставляли доверчивых русских людей терять собственный разум и веру, вверяться антинародным трибунам бездумно и безоговорочно – и начинать под их руководством торить изъезженные стёжки-дорожки по переустрой-

ству российского общества по европейскому образцу. И при этом неизменно, с гарантией наступать на старые, почерневшие от времени “грабли”, что больно били по лбам, так что искры из глаз сыпались, опустошали народные карманы и кошельки, — но ума и опыта, увы, массам не прибавляли...

Так, со дня прихода Горбачёва в Кремль они, его лукавые помощники-идеологи с А.Н.Яковлевым во главе, получив полную свободу действий от партии и правительства по перестройке общественного сознания на “современный цивилизованный лад”, принялись усердно рассказывать-разъяснять разбуженному в политическом смысле народу, что Держава наша советская есть-де наиотвратительнейшее дерьмо, *“империя зла и насилия”, “тюрьма народов и кабала”, “душителница свободы, правды, прогресса”* (как и Московия времён Ивана IV Грозного, на их “просвещённый” взгляд, да и Держава Романовых та же до Февраля Семнадцатого). И никакой справедливости, прав человека, счастья, тем более, в ней, Советской России, и в помине нет — потому что построена она была, якобы, на крови, слезах и горе людском двумя отъявленнейшими “громилами” и “шарлатанами”, “тиранами”, “безбожниками” и “палачами” — Лениным со Сталиным, понимай, — “демонами в человечьем обличии”, которых и людьми-то назвать нельзя, которых-де непонятно как и земля-то наша носила. Ведь ничего, кроме ужаса, голода и страданий, они народу, дескать, не дали, не принесли, увы,

по причине своей природной никчёмности и пустоты, кро-
вожадности и садизма.

---

*) Доказательством чему и раньше и теперь якобы слу-
жит знаменитый “Архипелаг ГУЛАГ” А.И.Солженицына –
“Библия” всех российских перестроечников-реформаторов,
этакий заострённо-пропагандистский псевдо-литературный
шедевр и, одновременно, ярчайший образчик либерально-
го глумливого Агитпропа. А по сути – примитивная и по-
шлая книжица-страшилка, задуманная на Западе задолго до
самого автора как некий универсальный идеологический мо-
лот-топор, который призван был в перспективе изнутри раз-
рушить Советский Союз, сознание и душу народа изгадить и
испоганить, выбить из-под ног народонаселения почву. Что,
собственно, и случилось, увы.

Значит, Солженицына кормили и поили, и раскручивали
не зря западные спецслужбы. Он своё подлое дело сделал.

И его “Архипелаг...” всё ещё в чести и приносит пользу:
уже, вон, и в среднюю школу пробрался по личной указке са-
мого президента Путина, горячего поклонника Александра
Исаевича и ельцинского протеже, прошедшего кагэбэшную
выучку и подготовку. Им, “Архипелагом”, всё ещё пытаются
заслонить – и небезуспешно – современные российские ли-
беральные идеологи, пришедшие к власти в августе 1991-го,
ленинско-сталинский подвиг величайшего государственного
социалистического строительства. Надолго ли их ещё хватит

– дурить народу мозги, идиотов из русского люда делать?! Когда же “Архипелаг”, как и жвачка западная, всем до чёртиков надоест?!...

Поэтому-то народ советский, якобы одураченный и обманутый за 70-т последних лет, но чести и совести не утративший, должен-де (по внушениям Яковлева и его команды) дружно начать обоих их ненавидеть и проклинать. Построенную же ими Державу “тоталитарную” и “кровососущую” до основания опять разрушить: в пыль, в труху превратить, в пустыню. И возвести на её месте новую, по западному образцу: образцу какой-нибудь Англии или Америки, – где всё честно, чётко и гладко (Яковлев так считал, а за ним – Горбачёв), сытно, тепло и светло, празднично и весело. И где людишки тамошние такими земными ангелами живут, ездят на “мерседесах” и джипах по миру, барствуют, наслаждаются, золотистое пиво каждый день пьют с душистыми свинными сардельками и гамбургерами – и зла никому не желают. Упаси Бог! Тем более, нам, одурманенным русским людям, которых-де они и жалеют и любят, уму-разуму, демократии задарма хотят научить вкупе с другими дурнями из Азии и Африки, и Латинской Америки, на истинный путь нас наставить: и англичане с американцами, и немцы с французами, все...

Народу рассказывалось и внушалось всё то, одним сло-

вом, что было старо как мир, что говорилось, повторим, до этого тысячи раз, набило оскомину и обрыдло думающим образованным людям своим кренинизмом и дебилизмом, и примитивной пошлостью. Но что, тем не менее, давало отличные результаты из века в век по тотальному разрушению и закабалению России, и потому давно уже превратилось в российской революционной и антинациональной среде в некие универсальные заклинания-мантры, в идеальные символы и идеологические клише для промывания мозгов, зомбирования и политического разогрева. С непременным последующим превращением одураченных и возбуждённых народных масс в агрессивно-послушное стадо сначала, а потом – и в стихию огненную, лава-образную, способную разгромить и спалить что угодно по указке вождей. В том числе – и собственную страну, их благодетельницу, охранительницу и кормилицу...

Подобными антироссийскими проповедями по поводу уже и *“советской империи зла”* запестрели тогда страницы большинства союзных толстых журналов и выходящих миллионными тиражами газет. И наиболее гнусными и оголтелыми из них, наиболее выдающимися по своей изощрённой лживости, цинизму и лицемерию были журнал “Огонёк”, несомненно, Виталия Коротича и газета “Московский комсомолец” Павла Гусева – два омерзительно-тошнотворных “рупора перестройки”, самых подлых, пошлых и гадких из всех, самых грязных и мерзких, самых вонючих, главные редактора которых были отъявленными антисоветчиками и анти-националистами, жизнь положившими, по примеру дедов и отцов, на борьбу с *“великодержавным русским шовинизмом”*.

Не сосчитать, не измерить, не осознать, сколько они помоев и грязи вылили на страну, скольких прекрасных и честных людей, молодых и старых, образованных и не очень, этой зловонной газетно-журнальной жижей запачкали и задурили, с толку сбили. Но больше, но сильнее всего досталось от них Ленину и Сталину, безусловно! Двух этих выдающихся деятелей, лидеров большевистской партии в первые и самые тяжелейшие годы, там полоскали печатными помоями каждый день в течение нескольких лет – так они оба были рав-

шимся к власти мировым финансовым воротилам до тошноты, до болей головных враждебны и ненавистны! Все их семейные тайны “выведали” и “раскрыли” борзые пронырливые писаки, все недостатки со слабостями, все “кашли” и “чихи”. Уже чуть ли ни в штаны к каждому из них забрались и всё там с увеличительным стеклом рассмотрели: кто был *обрезанный*, а кто нет; кто из них двоих был еврей, а кто – шабесгой-полукровок. И заставили читателей вместе с ними, похабниками бессовестными и помоешниками, весь этот кошмарный ужас читать, брезгливо плевать сквозь зубы и морщиться.

А уж про ленинско-сталинскую партийную и государственную работу и говорить не приходится: всю её буквально по полочкам разложили с первого и до последнего дня сопливые столичные журналисты с двумя извилинами в башке и жидо-масонским поверхностным образованием – и ничего там кроме фатальных и катастрофических “ошибок” вперемешку с репрессиями не нашли, кроме жажды власти, крови и подлости. Представляете?!

После чего читателям было объявлено с радостью, с некой ребяческой гордостью даже, замешанной на полном невежестве и незнании, кретинизме собственном и слабоумии, что ничего другого там и не было, дескать, да и быть не могло по причине умственной отсталости и Владимира Ильича, и Иосифа Виссарионовича! Вот ведь до чего додумались-дописались в итоге газетно-журнальные борзописцы, “*убогие*

по уму и по сердцу”, к чему подвели честной православный люд! Измерили своими блошиными мерками двух Великанов, сравнивали Великанов с собой – и раструбили об этом на всю страну: вот, мол, какие мы удалыцы-молодцы, как на бумаге ловко с ними расправились. Да руководи мы тогда государством, дескать, – в СССР всё по-другому было бы! Тихо, спокойно и благодно – как в раю! Молочные реки текли бы повсюду в кисельных берегах. А на заборах вместо галок и голубей жирные индюки сидели.

И обожранные академики-обществоведы, завсегдатаи общественно-политических телепрограмм, редакций самых крутых и издательств, и масонских клубов, лауреаты всех мыслимых и немыслимых наград и премий, как и маститые сочинители и публицисты из элитарного и высокооплачиваемого “Нового мира”, дружно трезвонили и строчили про то же самое, ничем не отличаясь, по сути, от глупеньких бульварных газетных писак, вторя им в унисон, соревнуясь в хуле и чернении героической советской эпохи с ними... Что только подтверждало “огоньковско-московско-комсомольский” бред, придавало ему вид правды и общественный вес и силу.

Только анатоль-ивановская “Молодая гвардия”, викуловско-куняевский “Наш современник”, да прохановская газета “День” как могли сопротивлялись тотальной разнузданной лжи, пытаясь хоть как-то отстоять и защитить советское славное прошлое, одурманенным демократической пропагандой людям на происходящее глаза открыть, бесстрашно

высказаться-прокричать со своих страниц, что *перестроечные горбачёвские бесы* в очередной раз пытаются до основания разрушить страну, а добропорядочных русских граждан бесовестно унижить и обобрать! Но разве ж справиться было им втроём с такой многотиражной машиной...

Не удивительно, в свете всего изложенного, что доверчивый советский народ, малообразованный и политически-неискушённый в основной своей массе, а то и вовсе дикий, тяжёлой ежедневной работой измученный и придавленный, социальной и бытовой неустроенностью, да ещё и начальством запуганный и забитый до невозможности, партийными директивами и указами, привыкший полностью верить всегда партии и правительству, и печатному столичному слову, – народ был шокирован, обескуражен, с толку и веры сбит подобными газетно-журнальными публикациями-“откровениями”, разносившимися быстрее молнии по городам и весям Союза, добравшимися до самых отдалённых уголков страны и переворачивавшими там всё с ног на голову в смысле мировоззрения и полит-пристрастий... И через какое-то время, к концу 1980-х годов, наивные советские люди, обольщенные пропагандой, стали действительно сомневаться и в строе советском, родном, и в его легендарных руководителях, на портреты которых ещё недавно они с великой гордостью и надеждой смотрели, тихо радовались и молились, в светлое будущее безоговорочно верили. А к Западу, наоборот, люди стали напряжённо присматриваться и прислушиваться. И гадать: а там-то, мол, как? сравнить бы! съездить бы! поучиться бы!...

На это-то и была рассчитана оголтелая травля легендарного советского прошлого через электронные и печатные СМИ и ежедневная пропагандистская истерия: лишить сознание и души людей ленинско-сталинского идеологического фундамента. А вместе с ним – веры, надежды, радости и света душевного, тихого земного счастья, покоя, комфорта, любви; сбить их, к Богу, к правде стремившихся, с намеченного пути, с духовных идеалов и ориентиров; заставить сомневаться сначала, а после – негодовать и беситься, ненавидеть советскую Родину, собственную героическую Историю и вождей. Чтобы перетянуть их, одураченных и взбесившихся, на свою вражью сторону – и сделать убеждёнными и яростными противниками властей, потенциальными хулиателями и разрушителями собственного государства.

И неожиданностью это не стало, опять-таки, для опытных и знающих, политически-просвещённых и искушённых людей, знакомых с историей захвата власти и закулисными полит-технологиями. Ведь беспардонно-лживую и подлую травлю-методу эту, чудодейственный её рецепт “огоньковским” и “московско-комсомольским” писакам их идеологический предшественник и наставник Добролюбов ещё завещал в XIX веке.

«Нам следует группировать факты русской жизни, – прозорливо напутствовал он их со страниц своих сочинений (из письма к С.Т.Славутинскому, русскому писателю-народ-

нику). -...*Надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху – для того, чтобы противно стало читателю всё это царство грязи, чтобы он, задетый за живое, вскочил и с азартом вымолвил: “да что же, дескать, эта за каторга: лучше пропадай моя душонка, а жить в этом омуте я не хочу больше”...»*

Сей разрушительный завет Добролюбова и исполняли в точности советские прикормленные журналисты тех лихих *перестроечных* лет – молодые, нахальные, глупые, но ужасно высокомерные и борзые от вседозволенности и рукоплесканий, и гонораров космических, необъятных, что сыпались на них как из рога изобилия и из гос’казны, и из разных зарубежных фондов. Они-то и доводили народ до бешенства, до белого коленья, что называется, заражали души и нервы людские очередной долговыводимой проказой – такой же реальной и страшной, как и проказа телесная, – изо дня в день *«расстреливая из приземистых крепостей толстых журналов и газетных зловонных траншей все самые талантливые явления русской духовной жизни»...*

И вот, по прошествии нескольких лет, уже кипит и пенится вся страна, до краёв накаченная взрывоопасным политическим порохом. Никто не работает в институтах и министерствах, многочисленных конторах и учреждениях, где в основном советская интеллигенция обитала, – все только очередную “историческую сенсацию” обсуждают, очередной печатный “шедевр” какого-нибудь рыжего или картавого борзописца: спорят, кричат, горячатся, правду-матку хотят найти, единую и неделимую.

В курилки было зайти нельзя – там шум стоял как в пивной или в цеху кузнечном. Сквозь дым сигаретный было лиц не узреть – только один рёв и слышался.

«Погляди, что пишут-то, а! что Сталин, подлец, вытворял! – кричал, к примеру, какой-нибудь молодой и горячий еврей-инженер, трясая перед носом коллег свежим номером купленного в киоске журнала, который он перед тем от начала и до конца уже успел проштудировать на рабочем месте (это вместо того, чтобы думать и изобретать). – Всё сделал, собака, паскудина, сволочь, чтобы Великую Отечественную войну проиграть, весь цвет доблестной Красной Армии перед войною вычистил. Вот мерзавец! подлец! негодяй! Повесить надо было его за такие вещи, иуду!...»

Помнится, в первые дни *перестройки* вечно куда-то спешащий Вадим поневоле задерживался в курилке, болезненно слушал весь этот досужий вздор и даже пробовал было защищать поначалу несправедливо оболганного Генералиссимуса.

«Сталин, он что, самоубийцею был, да? – скажи вот ты мне на милость, – маньяком полупомешанным? – обращался он к пылкому сослуживцу-еврею, ещё не зная и не догадываясь, что тот – еврей; всё это потом уже выяснилось доподлинно, когда власть в стране поменялась, и быть евреем стало, элементарно, выгодно. – Ведь проигрыш в той войне, пойми ты, чудак, означал бы лично его, как руководителя государства и человека, немедленную гибель. Его бы участь Адольфа Гитлера ожидала, то есть быстрая и позорная смерть. И это – в лучшем случае... Сталин про это знал, разумеется, – и делал всё возможное и невозможное, чтобы этого не случилось, чтобы личной трагедии избежать. И инстинкт самосохранения ему правильные решения и ходы подсказывал, правильные приказы и постановления. А может – и Сам Господь!... И то, что этого не случилось, в итоге: проигрыша и позорной смерти его, – и в 1945-ом победа **наша** была, неоспоримая и безоговорочная, – всё это именно о том говорит, что делал-то он, наш Верховный Главнокомандующий Сталин, всё очень и очень правильно, “как доктор ему прописал”. И “пятую колонну” перед войной он абсолютно правильно вычистил из Вооружённых сил, из партии и прави-

тельства, дальновидно на Колыму отправил от греха подальше после известного *заговора Тухачевского* – всех этих беспутных и подлых троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, революционеров сугубых и ярых, откровенных саботажников и вредителей по преимуществу, кровожадных маньяков и упырей, ничего не умевших по сути, как только заговоры плести да давить и резать людей ради “светлого и счастливого будущего”. Народу нашему и ему самому это было только на руку и на пользу. Потому что с предателями и саботажниками, и заговорщиками потенциальными за спиной мы бы точно ту войну проиграли. В этом нечего даже и сомневаться. Вспомни 1905 год, 1917-ый. Русско-японскую войну, Первую мировую. Уж сколько про те подпольные либерально-интернациональные козни сказано и написано – не передать! А мы всё никак не поймём, не напряжём мозги; всё ключём и ключём на эту их вражью удочку – и не подавимся... Сценарий-то у мировых финансовых воротил один, запомни: сначала – изматывающая война, хорошо бы проигранная, и следом за ней – революция, или гос’переворот. Они только таким манером к власти и приходили, и будут приходить всегда. И не только, кстати сказать, у нас. Повсюду!...»

Но как только он это произносил, такую непозволительную похвалу “великому деспоту и тирану”, на него набрасывались со всех сторон разъярённые молодые евреи, сотрудники института.

«Да как ты смеешь, Вадим, такие слова говорить?! Опомнись! – со злобою кричали они, готовые растерзать Стеблова. – У меня дед от Сталина пострадал в 37-м! на Колыме загнулся!... И у меня дед сидел в это же приблизительно время, честный советский труженик, член партии с 1918-го года, революционер, коммунист со стажем!... И у меня в 37-м деда арестовали, лишили имущества и всех постов!... И у меня!... И у меня!... И у меня!...»

Их так много оказывалось тогда, всех этих ярых еврейских отпрысков-агитаторов, хулителей-ниспровергателей Сталина, а защитников и почитателей – мало, и все они тихо сидели за рабочим столом, как правило, одинокие, затравленные, разобщённые, – что Вадим только диву давался, не веря своим ушам, открывая заново для себя портреты многих своих сослуживцев, коллег по работе. Удивлённый до крайности и смущённый, он замолкал, поскорей покидал взбунтовавшуюся против него курилку; но, придя на рабочее место, долго ещё не мог успокоиться, сердце всклокоченное унять, привести в порядок угорелые мысли и чувства...

«Как же это так? – после подобных стихийных бесед всегда расстроено сокрушался он и в институте, и дома. – Что в стране и со страной происходит? – если уже даже и до Ленина со Сталиным добрались новые идеологи и пропагандисты, наших легендарных вождей и кумиров, основателей СССР! И как самых лютых врагов их перед народом выста-

вили, отъявленных мерзавцев, предателей и злодеев! Это их-то, кому мы кланяться все должны до скончания века, благодарить, петь “осанну”! Как же после этого дальше-то будем жить – думать, любить, работать, строить счастливую светлую жизнь, космос двигать вперёд, науку советскую и культуру? С таким-то настроением мерзопакостным?»

Поначалу, правда, если уж быть абсолютно честным и объективным, и всё описывать точно, как тогда было, советский народ ставропольца-Горбачёва с надеждою встретил. Ещё бы: молодой, энергичный, сладкоголосый, больному и косноязычному Брежневу не чета; много ездил и говорил, много чего обещал хорошего и позитивного. Но потом, через пару-тройку годков всего, наступило разочарование вперемишку с обидой, досадою даже. Люди быстро почувствовали, что их новый Генсек – пустозвон, и хорошего от него ждать нечего.

Хорошего ничего и не было, а был бардак, балаган беспре-рывный и критиканство, всеобщая непрекращающаяся гово-рильня и загнивание. Жизнь с каждым новым днём стреми-тельно ухудшалась для честного советского труженика, ката-строфически падала дисциплина труда; а с нею вместе – ка-чество производимых товаров... А то, что и было ещё кон-курентоспособного и качественного – гнали прямоком за ру-беж, на приобретение валюты; и на поддержку наших друзей и союзников по социалистическому лагерю и Коминтерну, которых развелось что грязи в распутицу при Хрущёве сна-чала, а потом и при Брежневе, на всех континентах и мате-риках.

Денег за эту помощь с них никаких не брали, или почти

никаких. Зачем?! что за глупость и мелочность непозволительная для коммунистов, на солидарности трудящихся всех стран воспитанных, на взаимовыручке?! В СССР это было не принято делать в расчётах “с друзьями” – плату за поставленные товары и услуги брать. Сочли бы за моветон, за кровавое оскорбление и обиду.

Да и много ли с них, оборванцев и голодранцев, взять можно было, дикарей необразованных, неумытых, умеющих только плодиться без меры и сутками сидеть и лясы точить, пить и жрать без продыху, совокупляться. Половину Африки таким вот убыточным образом содержали вместе с Азией и Латинской Америкой, себе отказывая во всём, себя до последнего истощая и обедняя.

Прагматичные Соединённые Штаты, наверное, от удивления только буйной гривой трясли, диву даваясь на наше природное ротовейство и щедрость, и втихомолку над нами посмеивались, вероятно: давай, говорили, давай, Иван, взваливай на себя побольше всякой праздной и никчёмной рвани, корми её и пои, обустроивай. Скоро вообще, ухмылялись, без штанов останешься от доброты и простоты своей, от своих дебильных руководителей. Вот тогда-то мы, дескать, с тобой, босяком, повоюем, покажем тебе “кузькину мать”. Голыми руками тебя возьмём, без единого выстрела...

Сельское население в последние советские годы стремительно сокращалось из-за происходившего на селе бардака, упадка нравов и грошовых заработков. Люди любыми путями стремились зацепиться за город, за лёгкую городскую жизнь – и это было понятно, разумно и объяснимо, и для деревенских людей простительно: такое их массовое с родных насиженных мест дезертирство.

Города непомерно разбухали и перенаселялись от этого, и к началу 90-х годов там обитали уже миллионы здоровых трудоспособных граждан, от которых или вовсе не было никакой пользы, или она была крайне-сомнительной; но которых нужно было поить и кормить, платить высокую в сравнение с нищей деревней зарплату... Из-за подобной стихийной урбанизации, при Горбачеве катастрофической, стремительно исчезали с прилавков продукты питания и товары первой необходимости: их уже просто некому стало производить в таком огромном количестве. Мясо, масло, макаронные и крупяные изделия даже и в крупных промышленных городах людям к началу 90-х годов в магазинах уже невозможно было купить – только на рынках у спекулянтов, и втридорога. Сахар и водку из-за бездумной антиалкогольной компании, врагами России придуманной и внедрённой, сигареты те же и вовсе стали выдавать по талонам и карточкам,

от которых отвыкли с войны. На страну надвигался голод...
{4}

Москву захлестнули бесконечные очереди и толпы полуголодных провинциалов. Люди в столицу за сотни километров из российской глубинки ехали и выстаивали здесь в очередях часами за каждой мелочью и ерундой, даже и за хлебом тем же. Там у них уже и *ерунда* пропала с прилавков следом за мясом, сыром и колбасой, мылом и порошком стиральным: всё это они из Москвы мешками и тюками возили, москвичей оставляя ни с чем – с одним раздражением и недовольством. Калуга, Тула, Рязань, Брянск, Иваново, Владимир и Тверь уже только в Москве снабжались, жили за счёт Москвы; не говоря уже про огромную Московскую область, которой сам Бог повелел в Москве отираться и подъедаться, сметать с прилавков всё. Люди там не работали – так москвичам казалось, – только за продуктами ездили и ездили непрерывно, “кисли”, потели в очередях. Государство при такой разрушительной, бездумной и бездарной политике неминуемо ждал коллапс. Советская Держава стремительно катилась в пропасть.

На фоне тотального дефицита товаров пышным цветом расцвела спекуляция, чёрный рынок. Нечистые на руку граждане, кто на дефиците сидел, работал в снабжении или торговле, в момент сколачивали себе капитал, переводили его в золото, камни, антиквариат и валюту. А потом покупа-

ли всё и всех на корню: дачи, машины, чиновников, себе и родне халявные должности в министерствах и ведомствах. Чтобы потом больше во сто крат воровать – и не бояться расплаты, возмездия.

Бесконтрольные мафиози и дельцы-прохиндеи лезли во власть, старались влиять на политику партии и правительства. Их же собственная политика была одна, непреложная и железобетонная: чем хуже стране, государству советскому – тем им, шакалам и паразитам, лучше...

И тут Ю.В.Андропова надо помянуть недобрым словом, что, будучи председателем КГБ СССР (1967-82 гг.), тайно пестовал эту жуликоватую мразь, сознательно открыл всей этой нечистоплотной и предельно циничной и ловкой шушере путь наверх, двери в самые высокие и знатные кабинеты. Где они и обосновывались вскорости на правах хозяев, куда тащили друзей и родню... Напомним, что в 1970-ые годы именно он, Андропов, *“в интересах укрепления социалистической законности и порядка”*, якобы, и недопущения *“силовых”* злоупотреблений прошлого, провёл через Политбюро решение, для многих и тогда уже спорное, в соответствии с которым полностью упразднялась проверка по линии КГБ лиц, поступающих на работу в партийные и советские органы. Вот и потекли туда аферисты, жулики и коррупционеры всех мастей обильным зловонным потоком, типы с сомнительным прошлым, тёмными, а часто и криминальными пят-

нами в биографии...

Но, однако ж, вернёмся к герою нашему, Вадиму Стеблову, молодому московскому учёному с первой половины 1980-х, старшему научному сотруднику крупного столичного НИИ, имевшего наивысший Всесоюзный статус. Выросший, выучившийся и возмужавший, он горбачёвское смутное время, в целом, хорошо пережил – спокойно и уверенно, без потрясений внешних. Успел даже, как уже было сказано, к началу 90-х годов, когда *перестройка* заканчивалась, кооперативную квартиру себе и своей семье в Строгино купить, элитном московском районе, машину на пару с братом. На родину потом на этой машине регулярно ездил, навещал там состарившихся родителей, продукты им и от них привозил: туда – колбасу и сыр; оттуда – сало, огурцы и картошку. В общем, со стороны если бы кто посмотрел, всё у него было кондово, добротно и гладко, достаток во всём царил, жизнь сытая и размеренная – правильная хорошая жизнь в труде ежедневном и праведном, любви и Боге.

В Москве, правда, стремительно увеличивались очереди в магазинах, в которые уже невозможно стало зайти от переизбытка иногородних граждан, пропадали продукты и товары с прилавков, пышным цветом расцвёл дефицит, – но и это не сильно его расстраивало, жизни не портило, не напрягало. В их институте дельцы из профкома организовали коммер-

ческий отдел и, заключая прямые торговые договоры со столичными магазинами и складами, в целом неплохо снабжали себя и своих сотрудников продуктами первой необходимости, избавляя всех от утомительных вечерних стояний в очередях, по возможности продуктовый дефицит ликвидируя.

И у супруги Вадима, работавшей в Мосгортрансе, похожая наблюдалась картина. Больше скажем. Их коммерческий отдел функционировал даже лучше, к продуктам питания ещё и промышленные товары присовокупив: электроприборы, текстиль и обувь. Так что материальная сторона в их семье была, что называется, в полном порядке...

Одно напрягало Стеблова со второй половины 80-х – падение дисциплины труда, которое при Горбачёве становилось хроническим и тотальным. На работу пока ещё все ходили, – но по-настоящему работали единицы, в основном – одни старики, занимавшие руководящие должности и имевшие максимальные заработки. То есть люди, с которых по инерции что-то спрашивали ещё, на которых их институт и держался. Молодёжь же всё больше и больше устранилась от советских космических тем и программ, годами откровенно дурака валяла и деградировала в профессиональном плане, нивелируя знания и диплом, теряя квалификацию.

И этому никто не препятствовал, в колокола не бил, не тревожился, что к добру такое безалаберное научно-кадровое расточительство не приведёт – боком государству вый-

дет. Потому, наверное, что патриотов-державников наверное становилось всё меньше и меньше. Продажный и гнилой Горбачёв их принципиально рядом с собой не держал, поганой метлой гнал с постов ответственных, значимых, заменяя безродными и бездарными дельцами-космополитами, под стать себе, которым всё “до лампочки” было, “до фени”, кроме тугой мошны и наполненного до краёв корыта... А ещё потому, что её тогда становилось очень много везде – праздношатающейся образованной молодёжи, – следствие перегиба с обязательным и бесплатным образованием (дневным, вечерним, заочным) и отсутствием безработицы. И, одновременно, с запретом на любую частную инициативу, предпринимательство, малый и средний бизнес: дипломированных молодых специалистов государству просто нечем становилось занять, катастрофически нечем.

И заброшенная, безхозная и безцельная молодёжь, сама того не планируя и не желая, превращалась в нахлебницу, “динамит”, паразитирующую прослойку общества, предельно озлобленную и взрывоопасную от хронической праздности и переизбытка сил, готовую взорваться в любую минуту и разнести к чёртовой матери всё. В том числе – и страну, не дающую её энергии и талантам выхода и развития...

То, как кисла и загнивала, и вырождалась при Горбачёве некогда славная советская инженерия, оставляя государство без будущего, без грамотных профессиональных кадров в первую очередь – благодарных наследников своих отцов, – можно хорошо проследить на примере стебловского предприятия. Для того, чтобы реально увидеть и оценить, что творилось тогда в стране, какая ужасающая наблюдалась картина в интеллектуальной инженерной среде вообще, и в советской космической сфере – в частности. И не клясть теперь понапрасну и всуе, как это делают упёртые зюгановцы-“патриоты”, будущих её реформаторов-разрушителей с Гайдаром и Чубайсом во главе. Людей безпринципных и наглых, действительно, циничных, двуличных, безжалостных и, наконец, завербованных Сионом под вполне определённую и очевидную цель, – но, однако же, чрезвычайно нужных смертельно больной Державе на тот конкретный период её истории. Чтобы её, Державу советскую, многострадальную, в 80-е годы сгнившую на корню, основательно встряхнуть сначала, а потом и сломать до основания, до фундамента, до голой сырой земли. Место этим погромом расчистить для нового великодержавного государственного строительства – могучего, перспективного и сверхсовременного, сверхнадёжного...

Так вот, институт, в котором выпала честь трудиться какое-то время Вадиму, был создан сразу же после Великой Отечественной войны задумками и приказами тогдашних выдающихся советских руководителей из ближайшего сталинского окружения. Назывался он первое время НИИ-885, а подчинялся Министерству радиотехнической промышленности СССР. Обычная в те времена практика конспирации и маскировки.

Основал институт *Пилюгин Николай Алексеевич* – легендарная личность и светлая голова, родоначальник отечественных систем автономного управления ракетными и ракетно-космическими комплексами. А ещё – один из ближайших соратников и друзей А.П.Королёва, на редких общих фотографиях неизменно сидевший от Андрея Павловича по правую руку, член легендарной королёвской «шестёрки» Главных конструкторов, пионеров-создателей ракетно-ядерного щита страны и, одновременно, покорителей глубин и просторов Вселенной.

Значение пилюгинского НИИ (с 1963 года – НИИАП, “Научно-исследовательский институт автоматики и приборостроения”) в деле становления и развития первоклассной советской ракетно-космической отрасли невозможно переоценить, – отрасли, выросшей из ничего, по сути, и потому-то так поразившей мир. Тут что ни скажи и ни напиши, и какую итоговую оценку ни выстави, даже самую запредель-

ную и умопомрачительную, – всё будет точно и правильно, всё к месту: наворотили соратники Николая Алексеевича и он сам и вправду много чего передового и значимого, на чём до сих пор российский космос и держится. И долго будет ещё держаться. Это факт! За что государство щедро и по праву награждало их, молодых советских учёных и инженеров-ракетчиков, престижными премиями и орденами, квартирами, дачами, званиями академическими. Ну и зарплатами заоблачными, воистину космическими в сравнение с остальными тружениками страны: деньги на первопроходцев-пилюгинцев и королёвцев сыпались как из рога изобилия из государственных закромов. В материальном плане сотрудники института затруднений не знали даже и в голодные послевоенные годы, как и в удовлетворении разных бытовых просьб и нужд.

А где деньги большие крутятся, там, это уж как водится, как некий неперемный довесок к любому новому началу, обильно плодятся и подъедаются и *блатные* – многочисленные родственники, знакомые и друзья – *лишние, пустые люди, человеческие отбросы*, по существу, от которых нет никого прока в науке и на производстве по причине полной бездарности и никчёмности, но которые, тем не менее, хотят есть и пить наравне со всеми, кто что-то реально делает, думает и творит, на ком институты, КБ и заводские цеха в основном и держатся. И при этом при всём, ужами пролезая в *хлебные места* и на большие оклады, они, пустышки, без-

дари и блатата, откровенно саботируют порученную работу, ведут самый паразитический образ жизни, разгульный, хищнический и пустой, – сидят у производителей-тружеников на шее, словом, и прекрасно себя в своей вольной и праздной жизни чувствуют. И заставить их в поте лица добывать кусок хлеба, как учит Господь, нельзя: никому ещё этого не удавалось, кроме Иосифа Сталина... За что его и демонизировали теперь, да ещё и кровью густо обмазали: такие вот трутни и захребетники, и проныры безсовестные и ославили, выпачкали дерьмом, которым нужны исключительно хаос, разложение и бардаки. Они только в бардаках и грязи вольготно и безбедно живут – здравствуют и размножаются.

Это дело понятное и знакомое, и естественное, что хуже и подлее всего. Всегда было так, есть и так будет, что *“на одного с сошкой придётся семеро с ложкой”*. Увы! И кто будет вкалывать до упаду и седьмого пота, “пахать” от зори до зори, мучиться и переживать за порученную работу – и при этом жить впроголодь, в бараках и при свечах. А его праведными трудами будут обильно питаться-пользоваться другие – безсовестные, пустые и глупые, никчёмные и праздные, главное, но с железной хваткой как у волков, с лужёными глотками и стальными желудками. Ведь паразиты – они даже и на клеточном уровне водятся и плодятся, в крови человеческой в виде белых телец. А почему и зачем они там? – Бог весть. Ответов на подобные каверзные вопросы нет, и в скором времени не предвидится. Не стоит, поэтому, и голову

себе ломать: такова уж природа человеческая...

Вот и пилюгинский институт (в 1980-е годы НПО уже) со временем двуногими и человекоподобными паразитами наводнился – друзьями, родственниками и детьми первых советских ракетно-космических гениев и творцов-фанатиков. И чем дальше, тем их там становилось больше и больше: многим хотелось к “питательному космическому пирогу” всеми правдами и неправдами пристроиться-присосаться и урвать для себя кусок... Отчего НИИАП количественно пух и разрастался как на дрожжах: сначала занимал одну-единственную площадку возле метро «Калужская», и был несказанно рад и доволен этим; потом рядом построил себе другую на щедро выделяемые государством средства; потом – третью... А под конец ещё и Филиал себе Николай Алексеевич, академик и дважды Герой, отгрохал на крутом берегу Москвы-реки на окраине Филёвского парка, *четвёртую* по счёту площадку: следствие пилюгинской гигантомании, кичливости и безпредельной славы, неограниченных его возможностей, – которая создавалась уже исключительно для *блатных* по сути в райском столичном месте, в которой институту не было уже нужды. Там люди годами баклуши били, просиживали штаны: загорали в рабочее время, купались в Москве-реке, книги запоем читали, кроссворды отгадывали, любились в подсобках и на чердаках, подчиня-

ясь инстинкту, – валяли дурака, короче, за государственный счёт. Да ещё и слыли в кругу знакомых и родных большими деятелями-оборонщиками...

В 1978 году, правда, на Филиал приходит работать директором *Лапыгин Владимир Лаврентьевич*, первый пилюгинский “зам” по науке и последний космический мастодонт из того королёвского славного поколения великанов! Академик, прирождённый новатор и умница, Герой Социалистического труда. Приходит – и наводит на предприятии “шороху”, что называется. Со своей командой он четыре года одержимо трудится над важнейшим правительственным заказом – разрабатывает систему управления для вывода спутника-шпиона на *геостационарную орбиту* Земли (ГСО); самоотверженно сутками “пахет” сам, и заставляет “пахать” филиальских ошалевших от скуки бездельников.

К весне 1982 года работа была в целом выполнена, и выполнена успешно. Главный конструктор заказа Лапыгин справедливо торжествует со своими друзьями-соратниками, празднует заслуженную победу... А в августе того же года умирает престарелый Пилюгин и освобождает место Генерального конструктора и директора НИИАПа, которое по праву и занимает Владимир Лаврентьевич. Место – которого он долго ждал.

Осенью того же 1982 года он переезжает в главное здание на Калужскую (первая площадка) и в течение двух лет

переводит туда с Филей всех, кто работал под его началом последние 4 года и хоть чем-то себя проявил, показал себя хоть на что-то способным. Лапыгину позарез были нужны в главном здании преданные и трудоспособные кадры: впереди его ждал “Буран”...

Филиал же после этого опустел. И его нужно было бы закрывать, если уж по совести и по чести, по-государственному всё делать. Или же консервировать на неопределённое время, предварительно оставшихся инженеров и техников на улицу выбросив, – за ненадобностью. Ведь там остались сидеть, небо даром коптить и продолжать дурака валять или пилюгинские выжившие из ума старпёры, патологические интриганы, трутни и стукачи, дешёвка, гниль человеческая, мечтавшие и пёкшиеся об одном – как бы в тепле и светле всем им дожить до пенсии; или же молодые бездари, чьи-то племянники, внуки, сынки, от которых хорошего нечего было ждать по причине их патологической лени и умственной неполноценности... {5}

Но Филиал не закрыли и не законсервировали руководители соответствующих министерств и ведомств, курировавших НИИАП, – время было не то. Золотое текло тогда советско-брежневское время, повторим, когда партийные бонзы не делали резких шагов, и отсутствовала безработица. А об научных и инженерных кадрах пеклись ещё, и на улицу

их, как паршивых котят, не вышвыривали.

Да и непонятно было, по правде сказать, что с институтом после закрытия делать, с огромным зданием филиальским и подсобными помещениями? кому и для чего это всё отдавать? под какие проекты и руководство? Это были вопросы глобальные, структурные, политико-экономические, которые никому тогда не хотелось решать: при состарившемся, больном и стремительно деградировавшем после 1975-го года Брежневe они в принципе были неразрешимыми... А так, сидели там люди тихонечко попками, в носу ковырялись – ну и пусть-де себе дальше сидят, здание охраняют, – решили большие и важные дяди где-то там “наверху”, в ЦК и правительстве. Им, обленившимся руководителям партии и министерств, это только на руку было...

Итак, полупустой Филиал НИИАПа не закрыли после 1984 года, когда оттуда все специалисты ушли, а остались исключительно одни лишь лодыри, неучи и дебилы. Но это было лишь полбеды: государственных денег это не много стоило. Значительно большая беда заключалась в том, что в него, Филиал, назначенные Лапыгиным руководители стали стремительно набирать новые кадры: и по распределению *молодых специалистов*, которых обязательно надо было куда-то трудоустроить по закону, и *блатных*, у которых тут продолжали “трудиться” родственники. Работы никакой не было, представляете, и не предвиделось в обозримом будущем, – а люди всё пребывали и пребывали, до отказа заполняя собой институт, требуя себе кусок хлеба с маслом.

Как раз в это-то переходное время туда на работу пришёл и Вадим Стеблов, на высокие заработки старшего научного сотрудника, которому также нечего было делать в течение нескольких лет, который был на работе человек абсолютно лишний.

Но деньги ему регулярно платили, как и всем остальным, шальные нетрудовые деньги, которые ему порою стыдно было и получать, трудом и потом не подкреплённые...

Во второй половине 1980-х, при Горбачёве уже, институт,

наконец, получил госзаказ: Филиалу было поручено разработать *систему управления* для запуска и полёта научно-исследовательского космического аппарата к одному из двух спутников Марса – к Фобосу. Да ещё и чтобы построенный в ОКБ им.Лавочкина аппарат, подлетев на минимально-возможное расстояние, автоматически спустился на эту планету, забрал её грунт при помощи *марсохода* и доставил его потом обратно на Землю – для изучения.

И такую-то архисложную его, *спускаемого аппарата*, работу инженерам Филиала требовалось смоделировать и рассчитать до мельчайших погрешностей и деталей, включая сюда и различные нештатные ситуации. И потом те посекундные расчёты заложить в память бортовой цифровой вычислительной машины (БЦВМ) в виде бортовых программ. Которые ему, аппарату, должны были бы давать команды на протяжении всего перелёта, руководить и управлять им в качестве искусственного интеллекта. Под данную “марсианскую экспедицию” были выделены колоссальные по тем временам деньги; огромные научные и производственные ресурсы подключены к работе; задействованы десятки смежных НИИ и заводов...

Казалось бы: сотрудники Филиала, особенно молодые и борзые, которых набрали достаточно уже к концу 80-х годов, должны были бы прыгать от радости от такой масштабной и уникальной в творческом плане правительственной задачи, “ура” каждый день кричать с бросанием вверх всего, что

попадётся под руку. Ибо где ещё, как не здесь, реализовывать свой научно-исследовательский потенциал и амбиции, проявлять себя как большому учёному и инженеру, творцу-разработчику систем управления и связи для межпланетных космических экспедиций, заявлять о себе на весь мир как о первопроходце и знатоке космоса. На оборонных, сугубо закрытых заказах, на которых гриф “сов.секретно” обычно стоял, у сотрудников института подобной возможности не было в принципе: возможности саморекламы...

Радость в душах у сослуживцев Стеблова поначалу и правда присутствовала – но не долго. Ибо достаточно быстро выяснилось, что эта работа их грандиозная была особенно-то никому не нужна – руководителям государства, в первую очередь. И дали они её им исключительно с целью освоения денежных средств, тогда ещё бывших в казне, с целью *навара* и *прибытка* личного, – безотносительно результата, как говорится, которого никто не требовал и не ждал, которого поэтому и не случилось.

Старожилы НИИ с грустью рассказывали Вадиму на “марсианском проекте”, уже остро чувствуя, к чему дело идёт, к какому краху и позору великому, что при Лапыгине у них всё совсем по-другому было, когда разрабатывался и сдавался военным знаменитый “330-ый заказ”. Вот-де когда работа кипела и спорилась, сотрудникам в радость и в гордость была; когда чувствовалось по всему, что их труд героический,

коллективный необходим, что он будет государством и народом востребован. Замминистра *среднего машиностроения*, уверяли они, у них прямо-таки дневал и ночевал в институте на протяжении долгого времени, своим высоким присутствием воодушевлял и подстёгивал всех. И попутно оперативно решал любые возникавшие в процессе работы проблемы, регулярным бесплатным питанием всех обеспечивал, подарками ценными, премиями.

Потому-то тот “заказ” и удался на славу, с грустью заканчивали они невесёлые свои рассказы в курилках, и добавляли с гордостью плохо скрываемой, что основные параметры вывода спутника на *геостационар* так-де и остались непревзойдёнными, что было истинной правдой...

А вот с Фобосом было уже не так: всё диаметрально-противоположно было. И новоиспечённый старший научный сотрудник Стеблов являлся тому прямым и очевидным свидетелем. Никаких представителей из министерств на Филиале никто уже и в глаза не видел за несколько “марсианских” лет: им было уже лень, наверное, от кресел задницы оторвать и куда-то там с проверкою съездить. Все они обленились и ошалавили в силу возраста до неприличия, махнули на работу рукой. Жили по принципу: ещё один день тихо и мирно прошёл – и слава Богу!

Потому-то и никакого ажиотажа на предприятии не наблюдалось, восторженной трудовой лихорадки. Только один

Генеральный В.Л.Лапыгин к ним иногда заезжал – для проформы: чтобы навести страху и местный народец встряхнуть – взглядом, окриком грозным, обещанием лишить премии. Но после его отъезда всё опять утихало и успокаивалось, входило в привычную неспешную колею, столь здешним “труженикам” милую и желанную... Со стороны же правительства, повторим, наблюдалось полное равнодушие и отстранённость от дел, что порождало анархию, апатию и бардак внутри коллектива, день ото дня углублявшийся и разраставшийся, как эпидемия поражавший все поры НИИ, все его живительные клапаны и сосуды.

Поэтому-то и погубили в итоге спутник за здорово живёшь, подчистую провалив марсианскую экспедицию. А огромные средства и труд десятков заводов страны безнаказанно пульнули на ветер...

В народе ведь правильно говорят, что *“рыба, она с головы тухнет”*. Гнилой, коррумпированный Горбачёв, пустообрёх, павлин и тусовщик, которому деньги шальные, левые, ещё со Ставрополя глаза застили, заражал тогда казнокрадством и взяточничеством всю страну. И в первую очередь, безусловно, – своё кремлёвское окружение, которое вслед за ним тихой сапой принялось карманы собственные набивать, золото и бриллианты скупать, картины, валюту. И делало это охотно, с душой, ничем не брезгуя абсолютно и совершенно никого не боясь, не озираясь по сторонам как раньше, подчинённых своих не стесняясь... А про работу кремлёвские партийные бонзы уже не думали – совсем. Поэтому всё под уклон и катилось до начала 90-х годов, до конца вырабатывая промышленный сталинский потенциал, могучую сталинскую инерцию.

Наплевательское настроение партийных руководителей государства передавалось руководителям министерств и ведомств. От них – руководителям институтов, Филиала того же. Ну а дальше уже подчинённым переходило: начальникам отделений, отделов и секторов, научным сотрудникам и инженерам, техникам и лаборантам, – с которых дисциплины труда было уже сложно спрашивать, стопроцентной отдачи и полного напряжения сил.

“Каков поп – таков и приход” – гласит народная пословица. И если партийный Генсек – мерзавец и баламут, жулик и прохвост бессовестный, – то и народ становился точно такой. А как ему быть другим, как?! – подумайте и скажите, ответьте по совести, люди...

То, что заказанный спутник до Фобоса не долетит, что его угробят на полдороги, тогда, в конце 1980-х, становилось уже ясно всем – и руководству Филиала, и рядовым сотрудникам. Поэтому-то никто из них и не напрягался особенно, жилы из себя не тянул. Хотя поначалу и делал вид, что работает, что старается.

“Старики” институтские, правда, обрадовались новой теме, дружно ухватились за неё в надежде хоть что-то себе перед пенсионным уходом урвать в плане материально-денежном. Понимай: преследовали исключительно меркантильные интересы... А уж чем та “фобосно-марсианская эпопея” закончится? и закончится ли вообще? – их это мало интересовало. Они своё отнервничали, отпереживали, отбарабанили в прежние годы, и им давно уже всё было до лампочки, до балды! Всем им требовалось на покой, на заслуженный отдых – по-хорошему если, по государственному!...

Молодёжь же как ездила в колхозы и на овощебазы круглый год, так и продолжала ездить; а ещё в ДНД продолжала регулярно дежурить ходить, за продуктовыми заказами в служебное время по магазинам мотаться, или ещё куда. Об-

щественных, “левых” дел неупорот было.

И никто её от этого не освобождал, не пытался целиком приобщить к работе по Фобосу; а все остальные, не умственные дела и проблемы, не творческие, прикрыть, к науке, к космосу не относящиеся... А всё потому, что молодёжь на предприятии была не нужна, абсолютно! “Старики”, боясь конкуренции, старались её к инженерному делу особенно-то не подпускать, про запас накопленные знания и алгоритмы космические держали. Логика у них простая была, но железная: вот на пенсию, дескать, когда уйдём, тогда и забирайте всё и рулите-командуйте тут, как хотите, пожалуйста. А пока отдыхайте давайте, сил набирайтесь, опыта – и в наши дела не лезьте, хлеб не отбирайте наш. Мы, дескать, сытно и сладко ещё и сами покушаем: мы любим, привыкли к этому, сладко есть и пить....

Стеблова подобное положение дел здорово тогда угнетало, такая пагубная в их трудовом коллективе практика и политика: не на то он настраивался, когда приходил сюда, совсем не то ему, мехматовскому аспиранту ещё, обещали его начальники на распределении. Да и деньжищи немереные, трудовые на ветер пулять, к чему с очевидностью дело шло, было ему, патриоту страны, совсем даже не по сердцу...

Поэтому-то он всё больше и больше к работе своей холодел и морально чах, как, кстати сказать, и многие другие молодые сотрудники... Он видел, как даже и самые совестливые, самые честные и трудолюбивые из них, стариковской ежедневной плотной опекой совсем измороженные и затёртые, не выдерживали и отчаянно плевали на всё, бессильно опускали руки; после чего бросали думать самостоятельно, изобретать, и работали уже из-под палки, от случая к случаю, за здорово живёшь получая зарплату, премии и надбавки. А чтобы долгое рабочее время хоть как-то убить, только и делали, что читали газеты с журналами прямо на рабочих местах, в курилках часами прочитанное обсуждали, на лестничных клетках, при этом дружно партию и правительство матеря, а в целом – и всю советскую прогнившую государственную систему.

К началу 90-х годов, когда работы по Фобосу в целом под-

ходили к концу, и Филиалу опять светило надолго остаться без тем и дел инженерных, праведных, а значит – и без будущего, их коллективно-трудовое разложение многократно усилилось, приобретя воистину “космические” масштабы. Женщины, что сидели в комнате со Стебловым, ошалев от скуки и от безделья, ещё лучшую придумали себе потеху, чем мужики: стали борщи на рабочем месте варить, жарить и парить котлеты с картошкой, рыбу – чтобы не ходить в столовую. Принесут, бывало, припасы из дома, посидят, скучающие, до десяти-одиннадцати часов, посплетничают, губки свои обветренные подкрасят – и потом за кухарство с жаром хватаются, за стряпню, которая им многократно ближе надоедливых программ и формул была, милей и родней инженерии.

Начальство знало про это, естественно, нюхом чуяло ежедневно, проходя мимо стеклянных лабораторных дверей, доносившийся оттуда чесночно-перцово-лавровый запах, – но молчало, с горластыми бабами не связывалось. Свяжешься – только настроение себе испортишь и лишних шишек набьёшь. А положения всё равно не выправишь, не наладишь дисциплину труда. Разгневанные бабы скажут: «работу давай, тогда и дисциплину требуй». А какая работа при таком бардаке и всеобщей государственной неразберихе и расхлябанности!...

И получалось, в итоге, что в многолюдных институтских

комнатах уже сидеть и думать было нельзя из-за пряных аппетитных запахов, что окутывали тебя с головой, из-за шума и смеха не прекращавшегося, ежеминутного топота и грохота. При всём желании невозможно было работать умственно, к новым заказам готовиться, а старые – изучать, мастерства и опыта набираться, книги читать мудрёные по автоматике и баллистике, по механике космических перелётов. Мужикам-инженерам, сидевшим с бабами вперемешку, поневоле нужно было либо в курилки переезжать – подальше от дымящихся на соседних столах сковородок, чайников и кастрюль, что они в общей массе и делали, по полдня недовольно с сигаретами там просиживая, “лихое время” пережидая; либо вообще в коридоры или подсобные помещения выселяться, с прицелом на скорое увольнение и на то, чтобы однажды к чёрту грёбанный Филиал послать со всеми его насельниками-дармоедами – и душой отдохнуть, успокоиться...

Разложение коснулось и морального облика многих сотрудников. Особенно, опять-таки, молодых, которые от скуки и от избытка сил стали безбожно грешить-развратничать на рабочем месте, крутить шуры-муры прилюдно, не обращая внимания на окружающих и пересуды коллег, на семьи свои и детишек маленьких.

Ну ладно там мужики, пареньки молодые, горячие, вечно “голодные” и озорные. Им-то, что называется, сам Бог повелел полигамными и любвеобильными быть, такими “бычками-производителями”. Для них, понятное дело, необременительные “служебные шашни” зачастую лишь сладким развлечением были, дополнительным адреналином в кровь, ухарством бесшабашным, бравадой, “выпуском пара”, “охотой” – и беременностью и родами не заканчивались. Удивительно здесь было другое: что и девушки в этом пикантном распутном деле не отставали от них, хранительницы очага и чести, блюстительницы нравственности и порядка.

Стеблову крайне интересно и поучительно было наблюдать со стороны, как и они, замужние и приличные дамы, едва-едва выйдя из декретного отпуска, к примеру, и от утомительных родов едва оправившись и отдышавшись, посидев с молодыми парнями рядом в замкнутом помещении с мешающим, со стороны понаблюдав-полюбовавшись на них, от

их молодой красоты и энергии возбудившись, – как и они не выдерживали бурного наплыва чувств. И, поддавшись взаимным влечениям и симпатиям, разбуженной похоти, страсти, теряли контроль над собой – и головы. После чего пускались во все тяжкие, как в таких случаях говорят: ежедневно начинали мотаться по подвалам и чердакам и тереться-слоняться там с удалыми женатыми сослуживцами, бурлящей кровью наполненных, жизнью и семенем, начинали романы всюю крутить, да ещё какие романы! Приходили оттуда под вечер дурные, помятые, красные, а то и вовсе беременные. Отчего рушились семьи их, разыгрывались нешуточные обоюдоострые драмы...

И никого это особенно не шокировало, не удивляло: всё это становилось в порядке вещей на их научно-исследовательском предприятии. Удивляли как раз уже те, кто этим распутством не занимался по какой-то причине и против целомудренной заповеди не восставал, кто был верен порядку с традициями, добродетельному уставу...

А ещё в институте стебловском, равно как и во всех остальных советских конторах закрытого и открытого типа, пошла тогда мода на разные праздники и банкеты в рабочее время, которые следовали один за другим, и которым конца и края не было видно. Отмечать как-то так незаметно, но дружно принялись на рабочем месте всё: дни рождения,

праздники, именины с крестинами, больничные и выздоровления, удачные пуски на Байконуре или, наоборот, неудачные. Коллективные пьянки с застольями к концу 80-х годов становились бичом в их институтской среде, которые как болото затягивали и напоминали *«пир во время чумы»*, прекрасно описанный Пушкиным...

Аскету и трезвеннику Стеблову, домоседу, тихоне и тру-доголику, привыкшему со школьной скамьи за письменным столом в тишине сидеть и непрерывно что-то решать и думать, видевшему в этом скромном сидении своё призвание и предназначение, свой перед Господом долг, – Стеблову всё это жутко не нравилось, жутко! здорово портило молодую жизнь его и словно сажей чернило душу. Больше скажем: это было противно до тошноты и ежедневного скверного настроения – такие порядки и нравы фривольные, производственные, такой бардак, терзавшие нервы и психику его посильнее любой клеветы и проказы...

И когда закончились силы терпеть окружающий балаган, он начал прятаться от людей по библиотекам и тёмным углам, институтским подсобкам и техническим комнатам, где ему можно было бы хоть как-то сосредоточиться и подумать, от всеобщего шума хоть чуточку отдохнуть и прийти в себя, нервы расшатанные успокоить. Где, сидя как мышка тихо, он часто шептал под нос потрескавшимися губами: «Куда я попал, дурачок! куда попал! в какую клоаку вонючую!... Э-э-эх! Сталина бы на них на всех, распоясавшихся и развратных: чтобы пришёл опять, грозно так кулаком по столу стукнул – и всех заставил работать как раньше, по строгим правилам жить, строгому распорядку. А лучше бы выгнал

на улицу к чёртовой матери всех здешних лодырей и паразитов, а институт закрыл. Кому он, такой гнилой институт, нужен-то? какой от него прок, кроме одних убытков?... И куда придём с таким бардаком? до чего докатимся? Ужас! Ужас!...»

Его, молодого и знающего старшего научного сотрудника с огромным окладом и премиями, на рабочем месте уже невозможно было найти: отдачи от него, как учёного, и раньше-то особо не перенапрягавшегося, с начала 90-х годов не было уже ни грамма.

---

*) Представляете себе положение и атмосферу у них, степень падения и разложения советской научной элиты. В СССР в последние перед развалом годы прозябали без дела и цели тысячи, миллионы инженеров и конструкторов, младших и старших научных сотрудников, от которых на практике было мало толку, если он вообще был. Государство при такой бездарной и безответственной политике само себя фактически гробило и разоряло, приводило к трагическому концу, к собственному своему краху. А американцы этому только способствовали, ускоряли процесс своими подлостями и каверзами, формированием “пятой колонны”. Но не более того, – ибо во всём виноваты были мы сами и только сами.

Поэтому-то наши неистовые и патентованные «патриоты» американцев теперь совершенно напрасно демонизируют, приписывая им абсолютно весь негатив, делая их этаки-

ми всесильными и всемогущими разрушителями, чуть ли не земными богами даже. Каковыми они, конечно же, в реальности не являются. Куда им?! Кишка тонка!...

Руководство отдела становилось им недовольно, постоянно от них скрывавшимся. Назревал серьёзный конфликт. Ибо сидеть и бездельничать с газетой или кроссвордом в руках, в курилке сутками языком трепать про “тиранов” Ленина со Сталиным, всем там мозолить глаза и уши своим ежедневным присутствием – это сколько угодно и на здоровье, как говорится, это пожалуйста, Вадим Сергеевич! Это не возбранялось, было естественно и нормально тогда, было в порядке вещей. Потому что это все у них делали, и к этому все привыкли.

А вот пропадать на весь день безследно и чем-то тайным сидеть-заниматься в тёмных укромных углах, душу свою в чистоте держать, от пересудов и пьянок спастись, от катастрофически-разлагавшегося коллектива, переполненного праздными товарищами и подругами, сходявшими от безделья и скуки с ума, вынужденно становившимися греховодниками, – нет, это было и недопустимо, и непозволительно, и через чур. Потому что попахивало крамолой и дерзким вызовом обществу!

Всё это было очень похоже на то, если коротко, как если бы против течения в одиночку пробовать плыть, быть таким белым пушистым голубем в чёрной вороньей стае, или же

новым Печориным...

На Стеблова стали косо смотреть – и товарищи, и начальство. Возникли проблемы с зарплатой и премиями, карьерным ростом.

Поэтому-то в начале 1990-х годов, когда уже не было сил терпеть хронические служебные неудобства, и когда гниение и разложение горбачёвские достигли своей кульминации в их оборонном НИИ, своего итогового предела, – он, вконец измученный и издёрганный, и отвергнутый коллективом, оставил свой институт. Написал заявление на расчёт и уволился с чистой совестью, ни с кем не простившись, не поблагодарив за знакомство: пошёл торговать жвачкой...

Но это было уже потом, когда работы по “марсианскому заказу” худо ли, бедно закончились, и нечего стало делать. Совсем. А до этого проблемы со службой и дурные предчувствия с настроением Вадиму во второй половине 1980-х помогала переживать политика и бурная жизнь страны, что кипела и пенилась через край как взбаламученное вино шампанское, и к себе помимо воли притягивала как скандал, или хорошая дворовая байка.

Телевидение с радио, периодическая печать работали тогда на полную мощь, разнося по городам и весям СССР ежедневные новости из Кремля: назначения, отставки, проекты. Даже и прямые репортажи со съездов народных избранников решили на всю страну транслировать руководители телеканалов, которые (съезды) интересовали обывателя значительно больше, чем знаменитые «Семнадцать мгновений весны» или триумфальные выступления хоккейной сборной. Граждане не успевали за всем уследить: голова обывательская от горбачёвских прожектов-новин как дрожжевое тесто пухла...

При Горбачеве же в Москве начали активно продавать повсюду множество новых диковинных книг по истории и философии, литературе той же дореволюционных забытых ав-

торов. Книги были редкими и чрезвычайно ценными в основной массе своей, крайне-поучительными и интересными, несущими Знание, Мысли, Идеи великие и Прозрения наших выдающихся предков из до-Октябрьских “мрачных” времён, касавшиеся Судьбы России – прошлой, настоящей и будущей. В советские годы они были строго-настрого запрещены по идеологическим соображениям, не издавались ни разу, не упоминались в прессе и на ЦТ как и вообще всё дореволюционное – “буржуазное” и “классово-чуждое”, “антинаучное” и “антинародное”, “отжившее” и “пустое”. Причём, это не только Андрея Дикого касалось, М.О.Меньшикова, В.В.Шульгина или А.С.Шмакова с их антисемитским писательским пафосом, – но и В.В.Розанова или И.А.Ильина. Уж их-то, казалось бы, за что третировали и травили?! Они антисемитами не были. Во всяком случае – на словах. А Розанова под конец жизни и вовсе можно было бы смело отнести к убеждённым юдофилам.

Но и Розанова, и Ильина запрещали. Как и многих-многих других прозорливых и мудрых авторов, что пытались людям глаза и разум открыть, сделать их умными и “зрячими”, морально и духовно стойкими, не подверженными вражьи́м чарам, как и пошлой агитации и пропаганде, рассчитанной на дурачков-простачков. Поэтому-то об их существовании даже и широко-образованные москвичи в большинстве своём ничего не знали, не слышали, не подозревали к стыду своему. Приобретённые, они становились откровением для ду-

мающих и ищущих людей, этаким “лучиком света в тёмном советском царстве”. И, одновременно, надеждой на светлое пост-советское будущее...

Стеблов здесь исключением не был, понятное дело, да и не мог быть – в силу характера своего и природных наклонностей. Жадному до знаний и Света, до Истины, и ему всё новое и запрещённое непременно хотелось купить и прочесть, понять, запомнить, законспектировать по всегдашней своей привычке. Он очумело носился по магазинам словно наскипидаренный, половину зарплаты на книги переводил под недовольное ворчание супруги. Приносил их стопками домой, часто – украдкой, и заставлял книжными новинками все углы и шкафы своей новой столичной квартиры. А потом, уединившись, читал их запоем дома и на работе, шалел от прочитанного и умнел, прозревал как слепой котёнок.

Как и в любом деле, были и здесь свои тонкости и нюансы, свои “минусы” – если так можно выразиться. Ибо много продавалось в магазинах и на лотках *хлама* ненужного, второсортного, уводящего читателя не туда, не на те, так сказать, “стёжки-дорожки”, не на державно-патриотические; да ещё и деньги напрасно сосущего, время и силы, который, *книжный хлам* – понимай, он не скоро выучился сортировать и браковать. Однако же – с Божией помощью – всё-таки выучился.

Но были и по-настоящему ценные книги, такие печатные

шедевры-откровения, за которые было сил и денег не жаль, за которые он, наверное, всё бы отдал – до последней копейки.

И первой в этом безценном ряду была, помнится, **«Народная монархия» Ивана Лукьяновича Солоневича**. Великая книжка, которую Вадим долго потом таскал на работу в портфеле вместе с бумагами “марсианскими”, с технической документацией, истрепал и зачитал до дыр, целые главы наизусть почти выучил и законспектировал.

Так он когда-то только «Евгения Онегина» и «Героя нашего времени» читал и учил, гоголевского «Тараса Бульбу», «Поднятую целину» и «Тихий Дон» Шолохова – с такой же точно душевной страстью, азартом, болью сердечной и радостью, и напряжённым вниманием... И так же потом до смерти и с «Народной монархией» не расставался. Потому что эта книжица – понял он – к нашей новейшей истории надёжный шифр, без которого там абсолютно ничего не понятно...

Вторую в этом знатном ряду – по времени покупки, не по значению, – стала **«Россия и Европа» Николая Яковлевича Данилевского** («будущая настольная книга всех русских» – по мнению Достоевского) – фундаментальный историко-философский труд, в котором мужественно, глубоко и умно, и очень талантливо, главное, с многочисленными примерами и экскурсами в прошлое, описаны геополитика и мировая раскладка противоборствующих на континенте сил. Подробно описаны ключевые вехи во взаимоотношении России со

своими европейскими и азиатскими соседями за последние тысячу лет. И, что особенно ценно и важно, предложен собственный великодержавный путь, по которому и должна идти наша страна, чтобы не исчезнуть, остаться в Истории.

---

*) Мы, русские, – рефреном проходит через всю книгу магистральная авторская мысль – духовная аристократия мира, существующая в противовес аристократии биржевой, аристократии спекулятивно-финансовой.

“Удел России, – пророчески писал о своей любимой стране Николай Яковлевич, могилу которого в Крыму большевики укатали асфальтом – в назидание всем честным историкам, – удел счастливый: для увеличения своего могущества ей приходится не покорять, не угнетать, как всем представителям силы, жившим доселе на нашей земле: Македонии, Риму, арабам, монголам, государствам германо-романского мира, – а освобождать и восстанавливать; и в этом дивном, едва ли не единственном совпадении нравственных побуждений и обязанностей с политической выгодой и необходимостью нельзя не видеть залога исполнения её великих судеб, если только мир наш не жалкое сцепление случайностей, а отражение высшего разума, правды и благости”...

Потом Вадим в редакцию «Нашего Современника» зачастил на Цветной бульвар, где в книжной лавке у С.Ю.Куня-

ева 13-томник *Бориса Башилова* приобрёл, его знаменитую «*Историю русского масонства*». Книгу запретную во все времена и великую (как и «*Протоколы Сионских Мудрецов*» или «*Mein Kampf*» те же, «*По закону исторического Возмездия*» *В.И.Большакова*, «*Спор о Сионе*» *Д.Рида*, «*Геноцид*» *А.З.Романенко*), которая также его потрясла, на многое глаза открыла, удачно дополнила Солоневича с Данилевским.

Чуть позже он в редакцию журнала «Москва» к Л.И.Бородину стал регулярно ездить за *Ивановым В.Ф., Катковым, Черняевым, Меншиковым* и *Тихомировым*, сочинения которых, опять-таки, он, не отрываясь, читал, массу нового для себя узнавая, полезного и бесценного.

А уж когда он на «*Книгу Велеса*» случайно набрёл в Союзе писателей России на Комсомольском проспекте, чудесно открывшую ему, именно так, “подводную часть айсберга” многострадальной русской истории – огромный Древний Мир дохристианской Святой Руси, усиленно интернационалом от русских людей скрываемый, – тогда он и вовсе готов был петь и плясать от радости и от счастья. И милую книжицу эту потом как зеницу ока хранил, строго-настрого запретив жене и детишкам её кому-нибудь давать почитать, выносить из дома. Она сделалась для него на всю жизнь одной из главных духовных святынь! Равно как и «*Славяно-Арийские Веды*», и книги *Н.В.Левашова*, купленные уже в 2000-е годы, то есть гораздо позже...

А ведь там, в книжной лавке Союза писателей, ещё и множество продавалось разных журналов державно-патриотической ориентации, брошюр и газет, до краёв набитых историческими разоблачениями и сенсациями, свежей оперативной хроникой, которые тоже необходимо было в обязательном порядке читать и запоминать, а многое даже и конспектировать. Такая работа духовная, титаническая, не позволяла ему уж очень сильно хандрить; она отвлекала от мыслей чёрных, проблем на службе...

А ещё во второй половине 80-х в московской околосрединской тусовке появилось много новых ярких персон, что замелькали на телевидении и на радио как саранча или назойливая реклама западная. И, будучи крикливыми и самонадеянными до бесстыдства, они как магниты притягивали к себе внимание обывателей-москвичей, будоражили кровь и нервы.

Младореформаторы, помнится, появились словно из-под земли во главе с Явлинским, Гайдаром, Чубайсом, Авенцом, Фёдоровым, Задорновым и другими – самоуверенные, наглые, сытые типы с высокомерной ухмылкой на устах, которых масс-медиа дружно объявили на всю страну этакими “величайшими экономистами” и “знатоками”, “учёными” с большой буквы, “прогрессистами-государственниками”. Где и когда они, достаточно молодые ещё граждане, сопляки по сути и сосунки, смогли себе заслужить такие громкие титулы *великанов* и *гениев*, и, главное, чем, какой-то доселе невиданной трудовой деятельностью, проектами всесоюзными, сногсшибательными, широкомасштабными задумками и свершениями, которые можно было увидеть и оценить, и самому, так сказать, убедиться? – народу не объясняли и не показывали. Зачем? Всё это он, невежда и простофиля, должен был принимать как данность – как солнце красное над

головой или Куранты на Спасской башне. Или как элементы новой идеологии, религии даже, что насаждалась сверху.

Слова «известный экономист-реформатор» и «Григорий Явлинский», «Гайдар» и «Чубайс» становятся в СССР в конце 80-х годов при помощи электронных и печатных СМИ словами синонимами, которые уже было никак нельзя разделить без ущерба для жизни и для страны – как Волгу с Каспийским морем или как урожай и жатву. Раскрутка была страшная! Силы, что стояли за ними, этими безусыми “чикагскими мальчиками” из около-правительственных кругов, были хорошо организованными и капитальными.

Включали простые советские граждане вечером телевизор, к примеру, – чтобы расслабиться и отдохнуть, ума и знаний набраться. А там в новостях передавали бравым дикторским голосом чуть ли ни каждый месяц, да на весь Советский Союз, что сегодня, мол, в Кремль к руководству страны в очередной раз был приглашён “известный экономист-реформатор Григорий Алексеевич Явлинский”; и особо подчёркивалось – для “важной беседы”. Сообщение делалось с таким пафосом, с таким счастливым и светлым праздником на лице, с каким ни про одного помощника горбачёвского, ни про одного министра дикторы больше не говорили.

После чего показывали уже его самого, Григория свет-Алексеевича, по Красной площади к Спасским воротам шествующего широким и твёрдым шагом, будто к себе домой, да ещё и с видом надменно-гордым, усталым, немного брезг-

ливым даже. Ну как у молодого орла! Держал себя человек перед камерой так, короче, будто бы только что на приёме у самого Господа Бога нашего побывал, и Тот ему что-то особенное шепнул на ушко, чего больше не знает никто – даже и не подозревает, и не догадывается.

Это всё действовало на психику, поверьте, такой безпардонный телепоказ и такая самоуверенно-наглая физиономия на экране.

Следом за этим шли виды шикарного генсековского кабинета в Кремле и самого Горбачёва: как тот перед “известным экономистом” Гришей спину и шею гнул, пошло и мерзко расшаркивался – чуть ли ни перхоть сдувал с его пиджака и в пояс кланялся. А Гриша сидел, по-хозяйски в кресле чресла свои развалив, на него взирал этак важно и свысока, и взглядом прищуренным будто бы говорил при этом: да хватит, дескать, тебе, хватит, Михаил Сергеевич! Не раболепствуй, не лебези – не надо: не люблю я этого...

Стеблов, когда подобные “важные встречи” видел, буквально взрывался от ярости, разум, контроль над собой терял.

– Чего этот разрекламированный Явлинский в жизни такого сделал, скажи? – спрашивал он жену, гневно пальцем в телевизор тыча, – чтобы вести себя так похабно и нагло, таким вот развязным манером с главой государства беседовать?! Ведь ему лет тридцать на вид, как и мне. Может –

чуть больше, не знаю. А он на людей уже как на блох порточных смотрит или на грудничков: будто бы сам уже долгую и славную жизнь прожил и что-то такое особенное в ней сотворил, первостатейное и сверхвыдающееся, чего невозможно ни осознать, ни передать, ни измерить! Вот ведь как человек с Генеральным секретарём партии себя ведёт, с каким апломбом и гонором!... Экономист долбанный! Дебил! Засранец! Пухлячок-хомячок столичный, родителями изнеженный и избалованный донельзя, ничего кроме авторучек с карандашами, небось, и не видевший-то на своём коротком веку! кроме цэковских дач, икры и продажных баб длинноногих!!!

– Да ладно тебе, Вадим, чего ты к нему привязался? – улыбалась на это жена, защищая нового идола. – Нормальный, вроде, мужик. Симпатичный даже, холёный, гладкий, ухоженный. И говорит достаточно складно и грамотно: любо-дорого слушать. Значит, знает, о чём говорит, значит что-то в голове да имеет.

– “Симпатичный”! “Холёный”! “Ухоженный”! “Складно”! Хорошим тембром, ещё скажи! поставленным голосом! – ещё больше злился на это Стеблов, пятнами красными покрываясь. – Его же в Кремль не в качестве стриптизёра, победителя конкурса красоты приглашают, или нового диктора, ведущего КВН, пойми, а в качестве “гения экономики”! Чтобы он там, в Кремле, уму-разуму якобы всех учил во главе с Генеральным. А где он сам-то того ума набрался, поду-

май?! – если он толком нигде не работал и не учился! Закончил сраную свою Плехановку четырёхгодичную, как про него говорят, которую уважающие себя москвичи за версту всегда обходили, и где одни полу-дурки спокон веку учатся с троечными аттестатами – патентованные ловкачи, лодыри и прожиги, плесень и гниль человеческая. Но гонору у которых как у десятерых Ломоносовых с Менделеевыми, а то и больше! Потому что на дефиците вечно сидят, твари продажные, нас с тобой объегают-обирают – и здравствуют из-за этого! Знаю я эту торгово-спекулятивную публику, отлично знаю, что людей по толщине кошелька оценивают, по тугой мошне!

– У нас в Университете, да будет тебе известно, всех этих тупоголовых экономистов, помнится, за людей никогда не считали; а считали за мусор, за второй сорт. И правильно! И справедливо! Бухгалтера – они и есть бухгалтера: дебет, кредит; приход, расход – скукотища! где не надо мозгов иметь, где вообще ничего не надо! С мехмата кого выгоняли за неуспеваемость – те прямиком в экономисты и шли, чтобы без высшего образования не остаться, без будущей халявной работы. Дебилы недоделанные, чумовые!

– ...Ведь экономика, как я её понимаю, – горячась и сбиваясь на каждом слове, далее продолжал доказывать он жене, нервно руками размахивая, – это никакая не наука в строгом, классическом смысле слова. Потому что там нет и не было никогда фундамента, научного базиса и аксиом, позволяю-

щих строить теории и давать на будущее прогнозы. Про это и сами экономисты, даже и с учёными степенями кандидатов и докторов, честно рассказывают и признаются в частных беседах, когда перепьют, что их научные звания и должности – чистой воды химера и плутовство, надувательство государства, нужное им самим для сытой и сладкой жизни – и никому больше... Но, тем не менее, это и не трескотня, не пустопорожняя говорильня, как у Явлинского! Избави Бог! Не дешёвые понты и надувание щёк, и книжки дорогие, заморские, на английском наречии, откуда он диковинные термины и понятия черпает для красоты речи, для публики... Экономика – это в первую очередь и главным образом *Практика, Дело, Опыт работы с людьми, с трудовым коллективом; Умение видеть перспективу развития мира в плане передовых технологий и необходимых на будущее ресурсов, умение планировать народно-хозяйственную жизнь страны, видеть слабости и болевые точки народа, внешние и внутренние угрозы, отделять зёрна от плевел, главное от второстепенного; как и зарабатывать и распределять деньги, экономить их, пускать на благие цели, а не на белиберду, а того хуже – на ветер!* Вот что такое, по моему мнению, экономика!...

– Поэтому, чтобы великим экономистом стать, как Косыгин Алексей Николаевич тот же, нужно на заводе сперва поработать, на фабрике, все руководящие ступени пройти, начиная с мастера. Чтобы самому всё понять и пощупать: от-

куда там, в цехах заводских и фабричных, ноги и руки растут, и как, каким хитрым способом процесс промышленного производства товаров оптимальным и прибыльным сделать, качественным и дешёвым, конкурентно-способным по сравнению с зарубежными аналогами. И, главное, как с трудовым коллективом наладить контакт, воодушевить и поднять его на качественную и производительную работу, а не на халтуру... А потом с завода, отдельно взятого, уже и на министерство, отрасль и всю страну ценный опыт распространять, нервами, кровью и потом добытый. За партией этому не научишься... А он, Явлинский с компанией, кроме парты и стола конторского и не видел-то ничего. Да у него на лице написано, посмотри, что он – сибарит законченный, патологический, и пустозвон, и трепло знатный; что только трещать без умолку и может про самого себя, любимого: какой, дескать, он красивый и даровитый, и всё на свете знающий. Клоун!...

Как бы то ни было, и что бы ни судачили про Явлинского с Гайдаром и Чубайсом на кухнях прозорливые советские граждане в 1980-е годы, как бы ни чихвостили, ни материли их, обличая какую-то странную ангажированность и рекламу, а заодно – и профессиональную никчёмность и некомпетентность данной “святой троицы”, – но когда правление обанкротившегося и обгадившегося со всех сторон Горбачёва подходило к концу, о чём стремительно снижавшийся

уровень жизни сигнализировал, эти бравые “гении от экономики” ежедневно стали каркать-трезвонить на всех углах, как вороны в голодное время, что они-де “по собственному почину” разработали на досуге ПЛАН, как выводить страну из глубочайшего политического, экономического и социального кризиса. Называли даже количество дней, необходимое им для спасения.

«Дайте нам в руки власть, посты высокие, министерские, – с трибун и экрана клятвенно и самонадеянно уверяли они. – И мы перестроим и оздоровим страну, сделаем её земным раем наподобие Соединённых Штатов Америки. На Конституции можем поклясться, на Библии, на чём угодно, что вы, советские добрые люди, старой властью обманутые и забитые, под нашим правлением будете свиные сардельки есть каждый день, пенным пивом их запивать и ездить на «Мерседесах», «Ситроенах» и «Фордах»! Весь мир будет для вас открыт, даже и западный, все самые жаркие и диковинные страны и государства».

Краснобай и позёр Явлинский обещал это сделать аж за 400 календарных дней – такое земное чудо. Потом, подумав и почесав затылок, решил – нет, всё-таки за 500, а то за 400, мол, боюсь не управлюсь. Словооблуды Гайдар с Чубайсом – и того менее.

Меж ними началось состязание – у кого языки длиннее и обещания круче. И кто, соответственно, больше языками теми проворными, без костей, народу советскому, простодуш-

ному наплетёт: авторитету, славы себе добудет, очков политических.

Про совесть и честь гражданскую, и про ответственность, главное, за произносимые публично клятвы и обещания, да и просто слова все они как-то дружно забыли. А, может, и не помнили никогда, не знали – зачем?! Будто понятия эти диковинные и обременительные – совесть, правда, достоинство, честь, ответственность за помыслы и поступки, за слово живое, русское, способное творить чудеса, – из другой совершенно жизни. Или иного, враждебного им, *младореформаторам*, мира в народный лексикон пришли, в котором деятели эти никогда не жили, которого как огня боялись и про который, как про страшный сон, слышать ничего не желали...

Народ слушал их, слушал, помнится, сладкоголосых сиринов и молодых масонов по совместительству, за которыми заокеанские серьёзные дяденьки стояли с Уолл-стрит, – и только рот восторженно разевал, не зная, кому из троих судьбы свои доверить...

В апреле 1985 года в жизни большой страны случилось знаковое в исторической перспективе событие. С Урала в Москву переехал на жительство Ельцин Б.Н., бывший Первый секретарь Свердловского обкома КПСС (с 1976 года) и действующий член ЦК КПСС (с 1981 года), которого москвичи сначала, а потом уже и вся *демократическая Россия* на долгие годы запомнили за его бесовские “подвиги”.

Хотя и считается, что инициатором перевода Бориса Николаевича в столицу на работу в аппарат ЦК был Е.К.Лигачёв, – но это не совсем правильно, как теперь представляется, или же совсем не правильно и не точно. Потому что и сам незабвенный Егор Кузьмич был креатурой Андропова и его людей, и работал в Москве под их постоянной опекой и зорким приглядом.

Поэтому-то с большой долей уверенности можно предположить, что и Ельцин был выдвиженцем покойного Председателя КГБ СССР, пусть и опосредованным, за которым тот долгое время следил, по-видимому, изучал привычки, характер, склонности, качества морально-нравственные или отсутствие оных; которого и включил в итоге в свой тайный номенклатурный список преданных себе людей, кандидатов на высокие партийные должности.

А поскольку Ю.В.Андропов, еврей по крови и сионист по

духу, был тесно связан с сионистской верхушкой Америки и Израиля, – то и выходит, что Б.Н.Ельцин, как и М.С.Горбачёв и Е.К.Лигачёв, сами того не ведая и не подозревая, работали против своей страны. Зато на пользу и процветание мирового еврейства, стремившегося демонтировать Советский строй и разрушить Советскую Державу. И ничего из ряда вон выходящего в этом факте нет. Это – обычная мировая практика Сиона: всё ломать и рушить, устраивать везде смуты и бардаки, и потом преспокойненько ловить в мутной воде *золотую рыбку*...

Про незримую, но мощную опеку евреями Ельцина стремительная столичная карьера бывшего свердловского партийного лидера свидетельствовала. Со стороны было заметно даже и обывателю, думающему, с мозгами, что его кто-то уж очень влиятельный прямо-таки за уши тащил “наверх” – к большим деньгам и Верховной власти поближе. Судите сами, читатель: в апреле-месяце Борис Николаевич только-только перебрался в Москву на должность заведующего строительным отделом ЦК, только вещи по шкафам и ящикам разложил и перевёл дух, с подчинёнными перезнакомился, коньяку на радостях выпил. А уже в июне 85-го он – секретарь ЦК КПСС; в феврале 86-го – кандидат в члены Политбюро (избран на XXVII партсъезде); с декабря 1985-го – Первый секретарь МГК КПСС, сменивший на этом посту всесильного партийного функционера Гришина.

Представляете себе карьера для зачуханного провинциала! От одного перечисления должностей дух захватывает, и каких должностей! Богатейшую и влиятельнейшую Москву человеку всего-то через полгода доверили, вершительницу мировой политики, куда стекались все деньги и связи, все властные нити могучей советской Державы, второй по значимости и силе на тот момент.

Зато уж и покуражился он на посту московского градоначальника на славу: зарекомендовал себя таким ухарем-сорвиголовой, бравым “бойцом-кавалеристом”, новым *будёновцем* или *чапаевцем*, которых в Гражданскую *рубаками* называли за буйный отчаянный нрав, за кураж и лихость. Куда ни приедет, бывало, с проверкой, в любой столичный райком – везде с ним скандал случался, кончавшийся шумной взбучкой чиновникам, как правило, матерщиной отборной и массовыми увольнениями... Порою дело доходило и до рукоприкладства, а то и до откровенного мордобоя с кровью, после которого побитые и униженные секретари, прямые подчинённые Ельцина, в окна прыгали от отчаяния – и разбивались насмерть. Несколько подобных случаев зафиксировано, если верить газетам тех лет, и слухам, что упорно по Москве гуляли. Борис Николаевич, как утверждали, был на руку очень не сдержан и на расправу скор: кулаками махал как умелый боксёр перчатками...

Но начинал он, правда, неплохо, если об организаторских

способностях его судить: получил известность среди простых москвичей благодаря регулярным личным проверкам столичных магазинов, складов и баз, организацией пышных продовольственных ярмарок на площадях Москвы, которые всем запомнились и полюбились; и даже *День города* поставил отмечать, что праздновался с размахом... Но особенно москвичам врезался в память тем, что несколько раз проехался до работы на общественном транспорте под телеобъективы. Понимай: демократом себя сознательно перед народом выставил, таким безшабашным парнем, борцом с номенклатурными привилегиями, которому-де всё “до фени” – почести, деньги, слава, страх. Что было тогда в диковинку, а потому – приятно.

Потом дело у него зачало и сошло на нет – и с проверками, и с ярмарками, и с Днём города. Потому что не создан был Борис Николаевич для кропотливой ежедневной конторской работы, что *рутиною* называется, или *текучкой*, а был по натуре своей истинный **революционер**. Человек, которому роднее и ближе было что-то вечно крушить и ломать, увольнять, низвергать с пьедесталов, морды до крови бить, за грудки хватать по-медвежьи, кости по пьяному делу мять, буйствовать и площадно материться. Понимай: **культ личности** себе самому создавать, образ великого деятеля-реформатора. Чем что-то неприметное и неброское продумывать и просчитывать в уединённой кабинетной тиши – молчком творить прекрасное, доброе, вечное...

Он и крушил, и ломал всё в столице напропалую, как истинный ниспровергатель-революционер, поувольняв большинство ответственных работников МГК КПСС сначала, а потом – и секретарей столичных райкомов партии вместе с их челядью. Людей, на которых держался город как на китах, которые десятилетиями Москву как собственную жену холили и лелеяли, досконально знали её и любили. Но и с новыми назначенцами он вечно цапался и скандалил, по столу кулаками стучал, скрежетал зубами на совещаниях, сквернословил, топал ногами, матушку поминал, требуя немедленных результатов от них, передовых цифровых показателей.

Скандалы эти не прекращавшиеся умело подхватывались и тиражировались на всю Москву подконтрольной демократам-реформаторам прессой, подносились всем в нужном и выгодном ракурсе: репортёры выставляли народу Ельцина чуть ли ни как единственного порядочного партийца в правление Горбачева, всей душой болеющего-де за страну, за наведение в ней порядка и дисциплины. Причём – партийца крутого, решительного, духовитого и боевитого, способного на бунт, на поступок, на лидерство в партии и государстве. Здесь он в точности судьбу Солженицына с Сахаровым повторял: раскрутка завербованной *мировой закулисы* троицы шла по единой схеме...

Поначалу добропорядочный московский люд забавляли

дерзкие выходки залётного провинциала-уральца, нового городского управителя. Думали и надеялись москвичи, что от этого будет прок, и жизнь в захиревавшей во второй половине 80-х Москве и вправду изменится и улучшится: исчезнет надоедливая столичная толчея, дикие очереди в магазинах, подобраются и смягчатся чиновники, на улицах станет чище.

Но потом люди стали к ним, бесчисленным скандалам ельцинским, привыкать, и дружно считать Бориса Николаевича за шута горохового, за пустозвона, который кроме как кулаками размахивать перед носом у подчинённых, строить свирепые рожицы да позировать перед камерой в общественном транспорте ничего не умеет, не знает. Совсем-совсем. Пользы-то от тех его шумных выходок, по сути, не было никакой. Скорее, даже наоборот. В Москве, например, после кратковременного улучшения, хаос увеличивался с каждым новым днём, бросались в глаза бюрократическое гниение и разложение, тотальное взяточничество и казнокрадство, хроническая кадровая чехарда с неразберихой, взбучками и нервозностью вперемешку. И, как следствие, – отсутствие реального, а не показного, порядка, чёткого ритма работы и дисциплины. Москву при Первом секретаре МГК КПСС Борисе Ельцине без конца лихорадило и трясло, падал жизненный уровень, удлинялись постылые очереди...

Почувствовав это: что их чумовой протезе выдыхается на холостых оборотах и теряет политический вес, – кукловоды ельцинские решили новый импульс ему придать. И на Генерального секретаря его натравили в 1987 году, захотев этим действием, по-видимому, двух зайцев разом убить. Или двух мух одной хлопнушкой прихлопнуть.

Захотели проверить, во-первых, кто популярнее в партии из них двоих на данный конкретный момент, весомее и авторитетнее. А заодно и настроение коллег-партийцев прощупать из Высшего эшелона власти на предмет их верности коммунистическим идеалам, с одной стороны; с другой – *перестройке* и *либеральным ценностям*.

А, во-вторых, и это многократно важнее, очередную широкомасштабную рекламу Борису Николаевичу сделать как *бесстрашному* и *единственному*, особо выделим это и подчеркнём, оппоненту политики Горбачева, который-де режет правду-матку в глаза и ничего и никого не боится. Чтобы на будущее это ему, бунтарю, пригодилось, которое было не за горами.

Здесь кукловоды кремлёвские и заокеанские ничего не проигрывали и не теряли: и Ельцин и Горбачев ведь были из-под одной “наседки”, имя которой – Уолл-стрит, банковский капитал Америки, еврейский капитал. Поэтому, кто бы

ни победил из них двоих – тамошние дельцы финансовые и политические оставался бы с прибылью...

Ну а дальше всё было просто, как и всё гениальное: проще некуда. Накаченный своей командой заранее подготовленными тезисами и идеями, а главное – заручившись поддержкой заокеанских дядечек-толстосумов, что, мол, не бросят его, в случае чего, в беде не оставят, наш Борис Николаевич, для храбрости хлебнувши лишнего по заведённой привычке, крикнув и утерев губы, взбодрившись и боевую стойку приняв, буром попёр на некоторых видных членов Политбюро: на совещаниях-посиделках кремлёвских принялся обвинять их в косности и консерватизме.

А 21 октября 1987 года он и вовсе выкинул фортель, нарушив партийную этику и дисциплину, – “вынес сор из избы”: резко выступил на очередном Пленуме ЦК КПСС с громогласными обличениями коллег. И кого бы Вы думали?! Он позволил себе публично покритиковать стиль работы Е.К.Лигачёва, тогдашнего секретаря по идеологии и второго человека в партии, заявив с трибуны, что тот-де и перестраивается не так, и ускоряется непозволительно медленно, и уже чуть ли ни становится с некоторых пор тормозом *перестройки*. Представляете себе номер!... А про самого Михаила Сергеевича уважаемого и вовсе посмел заявить, ничтоже сумняшеся, что в стране-де зарождается новый *культ личности* – уже его, Горбачёва, – с которым, культом, необходи-

мо бороться решительно и беспощадно, которого не нужно допускать. Словом, такого спьяну и сдуру нагородил! – не перелезешь!...

Услышав подобное, взбеленились тогда Горбачёв с Лигачёвым, обозлились оба, рассвирепели. Особенно – Егор Кузьмич Лигачёв, может быть самый честный партиец в окружении Михаила Сергеевича, реформатор истовый и решительный, и великий труженик, патриот до мозга костей, с молодых лет служивший партии и стране не за страх, а за совесть. Стоит напомнить читателям, что в бытность свою первым секретарём обкома он сумел вывести прежде убыточную Томскую область в передовики по всем показателям, заметно поднял у *томичей* жизненный уровень, решил многие социальные проблемы, годами не решавшиеся до того. За что ему сибиряки долго потом благодарны были, своим депутатом избирали не раз, верили ему всецело и безгранично.

У него, Лигачёва, как теперь представляется, если и был недостаток по жизни – то только один: он был простоват и доверчив, и плохо разбирался в людях. Отсюда – и все его беды. Ибо, будучи очень порядочным мужиком, слишком порядочным для политика такого ранга, человеком слова, кристально честным и чистым, плюс ко всему, без двойного дна, – он и к другим относился также. Наивно считал и надеялся, святая душа, что и у других пресловутое двойное дно отсутствует. Что люди изначально чистые, честные и прямые с рождения: как думают, так говорят; и как говорят, так и де-

лают, так и поступают. А если и совершают плохие поступки – то исключительно по слабости или по глупости, по незнанию; но уж никак не сознательно, не по злобе.

По своей же простоте и доверчивости он был прямолинеен и одинок с людьми, увы, и как ребёночек малый делил всех на “плохих” и “хороших”. На тех, кто ему очень нравился, соответственно, а кто нет. Потому что первые “гладили его по головке” и пели осанну, тянули вверх по карьерной лестнице, льстили и раболепствовали, а вторые были холодными и колючими с ним, неприветливыми и немногословными. Значит – “плохими”, значит “врагами” ему, чего на самом-то деле и не было в действительности.

Именно из-за этой своей одинокости и простоты, и неумения разбираться в людях ему крайне сложно было общаться, работать, “дружить” с такими скользкими, подлыми и двуличными типами, как Ю.В.Андропов и А.Н.Яковлев, например, патологическими интриганами и лицемерами, у которых-то как раз в душах было такое болото и мрак, такие “камни за пазухой”, что не приведи Господи всё это узнать и увидеть. Которые ему в глаза говорили одно: клялись в вечной любви и верности, славил его как великого деятеля своей эпохи, первого партийца страны и реформатора-первопроходца, – а думали и делали совсем другое, прямо противоположное, мечтая его разорвать при случае, превратить в посмешище, в ничто – в пыль дорожную, или лузера-неудачника. А он, простофиля, этого не понимал, или понимал пло-

хо.

Потому-то и использовали они его по-максимуму в своих целях; а потом задницу им пошло вытерли, когда срок подошёл, и выбросили вон за ненадобностью.

Это ведь по тайной указке Яковлева, скорее всего, вожака-вдохновителя тёмных сил в окружении Горбачёва, *смотрящего от Сиона*, спустили на него Ельцина осенью 1987-го года. Потому что был Егор Кузьмич, несмотря на свою природную доверчивость и простоту, Коммунист с большой буквы, другим членам ЦК не чета, был Велико-державником сталинского типа, каких ещё поискать, и обладал громадным авторитетом в партии, что немаловажно, к кому прислушивались на Пленумах и на Съездах, кто мог за собой повести. А главное – что понимать уже начал, по-видимому, покрывшись какое-то время на вершине власти в Москве, что реально в стране и со страной происходит, и куда ведёт, или привести может так называемая *перестройка*.

За это-то именно его быстренько и слили в конце 80-х годов – прозревшего и поумневшего. Чтобы не мешался, не путался под ногами, парень, непреложного хода Истории своим присутствием не нарушал. И правильно сделали, вероятно. Без мозгов и кругозора широкого, всеохватного, на Вершине власти делать нечего. Как и без *команды* своей, которой у Лигачёва не было...

Но осенью 1987 года он был ещё очень силен, был, повто-

римся, вторым человеком в партии и государстве – поэтому-то мужественно принял вызов и, выйдя на трибуну Плenums, публично принялся чихвостить бунтаря Ельцина на чём свет стоит, словесно пинать его как футбольный мячик (про меня, дескать, Борис, ты тут много чего “хорошего” наплёл, спяну-то, а теперь и про себя самого послушай), заставляя борзого оппонента то и дело ежиться и краснеть, обливаться холодным потом. Всё про него разом вывалил на присутствовавших, на страну, весь негатив, какой у “друга Бориса” (так его тогда Лигачёв во время выступления называл, подчёркнуто-уничижительно) к тому времени как у руководителя Москвы накопился. Чем московского градоначальника здорово ослабил и опустил в плане имиджа и авторитета.

Однако же больше всего добило перетрусившего Бориса Николаевича выступление кремлёвского кукловода Яковлева, члена Политбюро и *“прораба перестройки”* по совместительству, который, почувствовав, куда склоняется чаша весов, лукаво поддержал тогда популярного Лигачёва в критике Ельцина, чем последнего окончательно сломал и унизил, надежды и веры лишил, довёл до нервного срыва и помешательства.

Услышав, как и Яковлев его с трибуны пинает, публично отрешивается от него, тайный его куратор, опешивший Ельцин понял, что его пошло подставили его “друзья”, надули как пацана, как лоха последнего “развели” прилюдно и

дёшево; а теперь “в канаву сливают” как ненужный хлам, как помои кухонные.

Он вышел, оплётанный, на трибуну и попробовал было покаяться и повиниться перед партийными товарищами, дать задний ход, видя, куда ситуация поворачивается; попробовал признать ошибки и объяснить дело так, что его-де неправильно поняли, что он-де хотел как лучше – только-то и всего. Но всё было тщетно, всё – напрасные хлопоты с его стороны. Ибо *«слово – не воробей: вылетело – не поймашь»*. Захотел прославиться, Борис Николаевич, героем отчаянным себя показать, удалцом-молодцом бесстрашным?! – хорошо! отлично! чудесно даже! Получай теперь по полной программе, как говорится, за свои слова и чудачества отвечай!...

После провального Пленума оплётанному и отверженному всеми Ельцину стало плохо: силы его покинули, расхотелось жить. И 9 ноября он попадает в больницу: его на «Скорой» срочно привезли в ЦКБ. Официальная версия – сердечный приступ. Реальная же, которую озвучивали потом в своих выступлениях и М.С.Горбачёв, и Н.И.Рыжков, и В.И.Воротников, люди, безусловно, знающие и осведомлённые в околосремельских делах, которые не будут врать, придумывать лишнего, – реально Борис Николаевич захотел тогда свести счёты с жизнью, впад в глубочайшую депрессию. Сразу же после Пленума он попытался ножницами вскрыть себе на руках вены.

Вообще же, надо про него сказать, для полноты картины, что был он человек нервный с рождения, крайне неуравновешенный и *суицидный*. О чём впоследствии и начальник его президентской охраны Коржаков свидетельствовал не раз. В критических ситуациях, не выдерживая нервных нагрузок, он хватался за бритву или за нож с целью покончить с жизнью: охрана в такие моменты от него ни на шаг не отходила, зорко следила за ним...

Но 9 ноября врачам удалось его спасти, вытащить с того света. А уже 11 ноября 1987 года на внеочередном Плену-

ме МГК КПСС Ельцин повторно каялся и извинялся: теперь уже перед коммунистами-москвичами, – публично ошибки свои признавал и безобразное недавнее поведение – но всё было без толку, всё напрасно, всё на ветер. Большинством голосов он был освобождён от должности первого секретаря МГК, а 18 февраля 1988 года – освобождён и от должности кандидата в члены Политбюро. Его головокружительная партийная карьера на этом закончилась...

Однако ж членом ЦК он всё же остался, – вот в чём вся хитрость-то заключалась и на будущее задел. Его кукловоды тайные не позволили Горбачёву своенравного уральца совсем добить, вышвырнуть вон из партии: он был им нужен.

Поэтому-то, лишившись поста московского градоначальника, опальный Ельцин – вместо того, чтобы уехать послом в Монголию или ещё куда, подальше и пострашней, – странным образом переводится на работу в Госстрой СССР. Становится там первым заместителем Председателя в ранге союзного министра. Понимай: продолжает жить и работать в Москве, чтобы быть под рукой у своих кураторов, быть в *перестроечном* деле и в теме.

Простодушные москвичи про это ничего не знали, естественно, про такие кремлёвские подковёрные хитросплетения и полит-ходы: что Ельцина хотя и наказали, “выпороли” прилюдно – но не сильно, не смертельно для него; после чего посадили его в запас до лучших времён. В надежде, что они скоро настанут. Столичные жители видели лишь, что их

взбалмошного руководителя сняли, наконец, с должности, сняли с треском. И он на какое-то время исчез из вида, с глаз долой. Москвичи и решили, что навсегда – и перекре-стились радостно. Поднадоел крикливый Борис Николаевич всем за неполных два года как редька горькая, как некогда и его братья по духу и масонским клубам, и его же подельники по развалу СССР – вонючие Солженицын с Сахаровым, да не к ночи будут помянуты оба. Ведь от них троих, как и от той свиньи из пословицы, *«визгу и вони много было, а шерсти – чуть»*...

Однако же в 1989 году их бывший градоначальник вдруг снова выплыл из небытия на свет Божий – замелькал на политическом небосклоне страны таким “чёртиком из табакерки”, агрессивным, деловитым и взбалмошным по всегдашней своей манере, “безрассудно-бесстрашным” и пьяненьким через раз. И принялся пуще прежнего громить на митингах компартию и строй советский, Политбюро, Горбачёва и коммунизм. Сиречь ещё громче, напористее и злее заявлять о себе как о неистовом реформаторе-оппозиционере и главном *перестроечнике* страны – только уже со стороны как бы, из самой гущи народной: в составе *Межрегиональной депутатской группы* Верховного Совета СССР и партии «Демократическая Россия».

Там, у *межрегионалов* и *демороссов*, как теперь уже хорошо известно, собралась вся советская “пятая колонна” по сути конца 1980-х – начала 1990-х годов (исключение составляла лишь партия “Яблоко” Явлинского, действующая обособленно и независимо). Не боясь ошибиться, всех их можно было бы обозвать такими “*бесами перестройки*”, “*бронбойными разрушительными снарядами*”, “*антисоветским*”, а по сути и факту – “*антирусским десантом*” в нашу страну. Или же революционно-демократическим спецназом наподобие *партии эсеров* в 1917-м, составленным, как и то-

гда, из отъявленных громил, горлопанов и шарлатанов, анти-советчиков-демагогов по преимуществу; ну и масонов, естественно, самых высоких разрядов, посвящений и степеней. Куда же без них, без масонов-то, деться?! Без них сама наша жизнь не в радость будет, как та же еда без соли.

Создавалась и финансировалась она, “колонна”, Конгрессом и Госдепартаментом США с одной-единственной целью – демонтаж советской Державы и её последующий территориальный раздел на отдельные, независимые друг от друга части-республики, свободные от власти Кремля и даже друг другу враждебные.

Люди там подобрались знатные и длинноязыкие как на подбор: Г.Попов, А.Собчак, Г.Старовойтова, М.Полторанин, Л.Мурашов, С.Ковалёв, С.Станкевич, Ю.Афанасьев, Г.Бурбулис, А.Шохин, А.Козырев и С.Шахрай, и другие видные либеральные деятели-активисты, – заводилы-застрельщики перестроечные. Имя им Легион. Все – злые, алчные, нетерпимые, двуличные, подлые, свирепые и беспощадные в своём разрушительном кураже и угаре, готовые Кремлёвскую власть на куски разорвать, а попутно и страну разрушить.

Главаря Солженицына среди них разве что не хватало для полноты картины, тогда ещё коптившего небо и воздух Америки, остервенело строчившего там свои “нетленки” для кукловодов-хозяев из ЦРУ и на Родину не спешившего возвращаться, про мнимую любовь к которой он народу всю

плешь проел через свои писульки, извёл на пропаганду собственной уникальности и патриотизма тонну казённой бумаги...

---

*) Почему, казалось бы, не спешил? — невольно вот вопрос напрашивается. В чём тут дело и по какой причине задержка? Ведь гражданство-то ему в 1990-м вернули. Ну и мчись домой со всех ног, коли так, дорогой товарищ, “прикасайся к матушке-России щекой”, приобщайся к жизни и нуждам народа — путь открытый.

Но не тут-то было, оказывается, не тут, и никакого рывка не последовало, как ожидалось. Триумфально вернулся в “Свободную Россию” наш “светоч”, “пророк” и “не по лжи житель” только в 1994 году, закатив при этом целый 2-х-недельный железнодорожный встречу-спектакль, на удивление мерзкий, пошлый и примитивный, на обитателей дурдомов рассчитанный, не на здоровых людей. Первая жена Решетовская объяснила этот его с запоздалым приездом трюк голым расчётом. Захотел-де ушлый Александр Исаевич до кругленькой даты дожить-дотянуть, чтобы потом писать в биографии: 20 лет в эмиграции! Ну-у-у, у кого больше?! И здесь он, мол, всех решил перешеголять-переплюнуть, бородатый хитрюга, прижизненный пьедестал для памятника себе самому “на два кирпича” повыше сделать.

Автору же видится дело с оттяжкой сроков прибытия “гения” в гораздо более гнусном и пошлом свете: впереди ведь

были и Август 91-го, и Октябрь 93-го – эпохальные, судьбоносные для страны события, вектор дальнейших путей развития России определявшие: будут они, пути, либерально-прозападными, колониальными, или же державно-патриотическими, свободными. К тому же, уже готовившиеся в недрах масонских лож и секретных служб *шоковая терапия* и *обвал цен*, как и последующая *приватизация* обещали предельно озлобить и вздыбить русский народ, заставить его “за топоры и вилы взяться”. В воздухе сгушались тучи, короче, пахло кровью и Смутой.

Вот осведомлённый Солженицын и решил пока на Западе отсидеться, Российскую социальную бурю, связанную с крушением СССР, в Америке переждать. Чтобы каштаны из огня за него другие таскали, кто помельче, а ему потом на готовенькое уже вернуться и на сторону победителей сразу же встать, их поддержать и одобрить. Дело-то это во всех смыслах выгодное, согласитесь, победителей славить!... Что он, чистолюй, в 1994 году и сделал: приехав, расстрел Верховного Совета танками полностью оправдал и даже горячо поприветствовал его как *«неизбежный этап в борьбе с коммунизмом»*. Говорил народу при встречах, что в «Белом доме», по его мнению, засели люди, которые хотели вернуть себе партийные привилегии, то есть упорно продолжал петь, мужик, свою старую нудную песню, которую было тошно слушать нормальным здоровым людям, но за которую платили деньги. Он ведь не мог не знать, согласитесь, этот вернув-

шийся на Родину пустозвон, что в “либеральном правительстве” Ельцина был всего-то только **один не бывший член КПСС – С.Ю.Глазьев**. Но и тот две недели находился в стенах парламента, поддерживал восставший Верховный Совет. Так о каких привилегиях шла речь, за которые-де оппозиционные депутаты бились?!... А те заоблачные возможности, блага и зарплаты, которые выбило себе окружение первого президента России и он сам, бывшим членам Политбюро даже и в сладком сне не снились...

Итак, главного антисоветчика-заводилы Солженицына при *демороссах* не было, увы. Но зато свой “дядька Черномор” был при них – помешанный на антисоветизме академик Сахаров, второй супругой своей к тому времени, Е.Боннэр, до полусмерти забитый. Он, бедолага, от регулярных побоев и от безделья тронулся уже умом, – но на митинги ещё шастал, находил силы. И даже что-то там невразумительное верещал, слюнями брызгал...

Из приведённого выше списка кого ни возьми и ни живописуй – всё сплошь были “светочи” и “пророки”, ни дать, ни взять, “великаны” мысли и духа. Все – горластые, наглые, обожренные и самонадеянные. У каждого на любой вопрос – подчёркиваем, **на любой!** – был припасён готовый ответ: тёмных пятен в истории и политике для этих ярких и знатных, сладкоголосых господ в принципе “не существовало”.

А ещё москвичей подкупало то, помимо либерально-демократического песнопения и “всезнания”, что на публичных митингах и демонстрациях эта борзая шатия-братия ничего и никого не боялась, будто бы, критиковала открыто Власть, грязь лила на всё и на всех от души, по полной программе, что называется. А всё потому, что за каждым стояли могучие спецслужбы Америки, Госдеп и Конгресс США, особо повторим это, а ещё – вся западная печать и вся “прогрессивная мировая общественность”. Да и собственное КГБ – тоже, родная сестра ЦРУ, что долго растило их и пестовало через масонские клубы. Это злое гнездилище андроповское, рассадник интернационализма и анти-патриотизма, их бы ни за что не дало в обиду, задиристых “детешек” своих, пальцем не позволило бы никому тронуть.

Они это прекрасно знали все, говорливые демороссы российские, – потому-то так нагло и дерзко себя и вели, как магнитом притягивая простаков-обывателей... {6}

И в такое-то вот кодро перестроечно-либеральное, визгливое, злобное и тошнотворно-вонючее до невозможности, в крикливо-глумливую компанию словоблудов и клоунов, и циников-перевёртышей записных и вляпался в 1989 году заскучавший без аплодисментов и власти Ельцин, у которого амбиций было на десятерых, а умишка – кот наплакал. К тому же, был он запойный алкаш, готовый всё променять на водку, с водкой как с жинкой сроднившийся и не просыхавший уже от неё, – идеальная кандидатура для куклы-марионетки на будущем президентском посту, на который его к тому времени сильные мира сего уже твёрдо определили и не спеша готовили.

—

*) в сентябре 1989 года Бориса Ельцина его тайные кукловоды даже свозили в США – на смотрины. Для того, чтобы встретился он там с политической и финансовой элитой Америки, которая захотела воочию убедиться, что будущий президент “свободной” России – полное ничтожество и м...дак! И значит достоин столь высокого и ответственного поста, на который его готовили... Ельцин оправдал доверие и кукловодов, и воротил – пьянствовал и дурачился там по полной программе! Пьяным же выходил на трибуну, кривлялся, скоморошничал и нёс околесицу под телекаме-

ры и смех толпы, позоря себя и страну, “несвободную” пока что Россию... А перед прилётом и высадкой в Балтиморе нажрался наш горе-реформатор так, что потерял разум и совесть в салоне; вследствие чего, выйдя из самолёта и спустившись по трапу вниз, он, вместо того, чтобы идти на встречу поджидавшим его хозяевам города, среди которых было много женщин, он вдруг развернулся и зашёл за трап. После чего расстегнул ширинку и принялся ссать на колёса лайнера, повергнув встречавших в шок!!! Потом показывали по всем каналам Америки этот его неприглядный поступок, как и огромную лужу, которую он после себя оставил...

Они-то и дали команду *демократической своре* из депутатов, редакторов, актёров и режиссёров, писателей, адвокатов и журналистов: он-де у вас будет главным теперь, работайте все на него, его одного славьте, возвеличивайте и продвигайте. И те, послушно вскинув руки под козырёк и звонко хлопнув голенищами, всем скопом потащили “*брата Бориса*” “наверх” согласно закулисным приказам и планам – принялись его раскручивать с новой силой как “единственную достойную альтернативу” слабевшему в политическом плане Горби...

На Съездах народных депутатов СССР, правда, что следовали один за другим вплоть до крушения государства, косноязычный Борис Николаевич не был особо замечен и на слу-

ху. Там солировали и дирижировали, давали звону и копоту другие *депутаты-межрегионалы*, поговорливее и попроще, и подешевле, главное, которые не много стоили, и не сильно были нужны. По задумке хозяев они представляли собой этакий политический штурмовой таран, грубую рабочую силу или “пушечное мясо” – если уж совсем откровенно и грубо, что призваны были расчистить дорогу для главных действующих лиц, для “тяжеловесов”, и тихо уйти со сцены. Полупомешанный академик Сахаров, в первую очередь, входил в их число – промотавшийся авантюрист, пугало огородное, посмешище, шабес-гой, перед смертью готовый влезть во все дырки, как кажется, и заявить о себе как о единственном светоче и моралисте, неустрашимом борце за “права”. Вот только кого и какие?! – Бог весть! Поди пойми и разбери его, чудака, чего он там под конец жизни о себе возомнил, о чём мечтал и заботился, что думал!

Так вот, возвратившийся в Москву Андрей Дмитриевич раз за разом нахально забирался на трибуну Кремлёвского Дворца Съездов без всякой очереди и, густо брызжа слюною на депутатов, что-то пытался всем доказать: что-то такое особенное и чрезвычайное, что только он один якобы знал – и больше никто... И этой запредельной наглостью и навязчивостью, и псевдо-всезнайством академическим до ужаса всем сразу же осточертел, достал до ума и печёнок. Так, что его оглушительным свистом и матом сгоняли уже со сцены порядочные депутаты, не имея сил и желания выслушивать

его старческий либерально-продажный бред; а депутаты-афганцы которому плевали в рожу прямо в зале и называли *иудой* за всё то, что он написал и наговорил про них в ссылке, покуда они воевали...

Ельцина же пока держали в резерве, не распыляли на “мелочи” и склоки – зачем? Не правильно и не солидно как-то для “уважаемого человека”! Его готовили к куда более важным, внутри-российским баталиям – к пленарным заседаниям Верховного Совета РСФСР, который по плану он и должен был в ближайшее время возглавить. Чтобы начинать действовать решительно и активно на заключительном этапе *перестройки* – крушить и ломать предельно уже деморализованный и расшатанный его подельником-Горбачёвым Советский Союз – лакомый кусок, *кусище целый* для мирового банковского капитала и олигархии! Заветный золотой приз, который всего на свете стоил!

А для этого в начале 1990-го года Ельцину создаётся реклама прямо-таки бешеная в электронных и печатных СМИ как человеку Слова и Дела, бунтарю-одиночке к тому же, добровольно отказавшемуся-де – “ради принципов и идеалов, достоинства и чести” – от питательных кремлёвских пайков и дач, от власти и привилегий. Которыми он обладал на посту московского градоначальника – и которыми якобы мужественно пренебрёг, презрел и, не задумываясь, от себя отринул. Создаётся реклама как этакому человеку-великану, короче, *«невольнику чести»*, бросившему вызов Системе, которая-де ему за это отчаянно мстит руками обор-

зевших чекистов. То автомобильную аварию ему вдруг “подстроит” с благополучным исходом; то в подмосковную речку его в дымину пьяного “сбросит”, из которой он, опять-таки, целым и невредимым всплывал как человек-амфибия. До костей продрогшим и вымокшим, да! – но честным. И нестигаемым, главное, непотопляемым и безстрашным. Этаким добрым молодцем, как Иван-царевич из сказки, которому будто бы всё нипочём, который-де и в огне не горит, и в воде не тонет, и чарам колдовским, кагэбэшным, неподвластен... Словом, чего только тогда про него ни придумывали, ни сочиняли продажные журналюги по приказу с Лубянки, каких только сказочных баек стране ни рассказывали, ни плели, создавая имидж “непотопляемого” во всех смыслах былинного витязя-богатыря, которого-де и пуля-дура боится, и штык-молодец не берёт.

И на волне оппозиционных настроений в обществе, подкреплённых газетными “утками”, его, как *«одного из последовательных и убеждённых борцов с привилегиями партноменклатуры»*, 4 марта 1990 года избирают народным депутатом РСФСР от Свердловска. А через два с половиной месяца, 29 мая 1990 года, он становится, пусть и с третьей попытки, Председателем Верховного Совета РСФСР. Должность уже приличная по сравнению с Госстроем, где от него мало чего зависело в плане политики, где как политик он совершенно выродился и зачах...

Но ему и его закулисным кураторам этого было мало, разумеется. Для них это было только начало: их разрушительной машины разгон, переход с *первой* скорости на *максимальную*.

И 12 июня 1990 года, всего-то через две недели после своего избрания, новый Председатель ВС РСФСР Б.Н.Ельцин, на кураже и без дрожи в голосе и трясучки в душе и руках (водки ему в этот судьбоносный момент категорически не давали его охранники), выносит на Съезд народных депутатов России важнейшее постановление – *Декларацию о государственном суверенитете РСФСР*. А ошалевшие от радости и гордости депутаты её практически единодушно поддерживают, не понимая, по-видимому, до конца, что они, зомбированные и чумовые, проделывают со страной, единым и неделимым пока ещё Союзом Советских Социалистических республик; и что вообще происходит на их глазах, какая чудовищная творится мистерия.

А ведь принятием той Декларации они сделали первый и главный по сути шаг к развалу СССР. Потому что Декларация предусматривала главным образом и прежде всего *приоритет российских законов перед союзными*. То есть разрушала тем самым единое некогда советское законодательное пространство, основанное на равенстве всех. А вместе с ним – и единую систему ценностей братских союзных республик, выработанную за 70 лет, систему общих партийных и хозяйственных планов и ориентиров, и, наконец, саму идео-

логическую основу Советской Власти, что покоилась на согласии всех эту власть добровольно терпеть и ей безоговорочно подчиняться... А Декларация Ельцина всё это махом одним перечеркнула, что было выстроено с таким трудом, ибо она, возвысив над всеми Россию, давала пример и другим; она делала лишними и ненужными в перспективе центральные органы управления страной, возглавляемые Горбачёвым... Именно этот роковой шаг, который почему-то совсем не предвидели и не учли российские депутаты, и вызвал немедленную и законную цепную реакцию “суверенитетов” остальных республик, входивших в СССР, которых в стремлении отделиться и получить “свободу” всецело поддерживал Запад.

И чего удивляться, что вслед за Россией это же в оперативном порядке сделали народные избранники Украины и Белоруссии на своих съездах, подобные Декларации приняли, – и Центральное московское правительство во главе с Горбачёвым после таких законодательных демаршей фактически повисло на волоске. Нужен был лишь слабый толчок, лёгкая политическая заварушка, чтобы оно окончательно рухнуло, лишившись постов и кабинетов властных...

А чуть раньше этого, 15 марта 1990 года, в стране произошло другое знаменательное событие, пока ещё общесоюзного значения. На третьем внеочередном Съезде народных депутатов СССР М.С.Горбачёв, по подсказке своих помощников с А.Н.Яковлевым во главе, избирается *Первым президентом СССР*, что было сделать крайне важно ему и им в преддверие июльского съезда партии. Памятуя о том, чем кончил когда-то лакействующий самодур Хрущёв, целиком зависевший от настроений “друзей” и коллег-партийцев, помощники последнего Генерального секретаря решили оградить уже крайне непопулярного Михаила Сергеевича от тайного партийного заговора, который бы спутал им все карты в деле разрушения СССР. И были здесь абсолютно правы: это могло действительно произойти, к этому тогда шло всё дело.

Поэтому-то и был придуман трюк с постом президента, выборы на который, как потом утверждали некоторые депутаты, проходили совершенно дико и безконтрольно, с многочисленными нарушениями процедуры подсчёта набранных голосов... Но, тем не менее, к нужной цели они привели: от произвола и непредсказуемых действий Центрального Комитета партии Горбачёва худо ли, бедно ли огородили...

А ошалевший от прямо-таки фантастических и неправдоподобных удач и успехов Ельцин, находившийся на подъёме и кураже, и раздухарившийся не на шутку, не захотел довольствоваться “малым” – пусть и совсем не скромной уже, но всё ещё зависимой от Центра и от Кремля должностью Председателя ВС РСФСР и Декларацией о суверенитете. Революционер-разрушитель по духу и внутренней сути своей, любивший всё брать нахрапом, лихим кавалерийским броском, он, оказавшись в своей стихии и закусив удила, продолжал стремительно развивать успех по законам победоносной наступательной операции, не давая противнику опомниться, собраться с духом и мыслями.

12 июля 1990 года на XXVIII-м, последнем съезде КПСС, он опять, как и осенью памятного 1987 года, поднимается на трибуну Кремлёвского дворца и в очередной раз выступает с резкой критикой Коммунистической партии и её руководителя Горбачёва. Речь произносит твёрдо, решительно, смело, с видом победителя. И под конец, выждав паузу как в театре и гордо и дерзко окинув притихший, встревоженный зал лукавым, прищуренным взором... вдруг заявляет о своём выходе и из состава ЦК, и из самой партии, окончательно-де выродившейся и прогнившей по его твёрдому убеждению. После чего достаёт из внутреннего кармана идеально-отглаженного пиджака приготовленный партбилет, кладёт его на стол перед опешившим Горбачёвым – «на-а-а, мол, возьми, подавись, собака, своей красной корочкой!» – и с торжеству-

ющим видом покидает съезд под вспышки многочисленных фотообъективов и треск кинокамер. Лучшей рекламы самому себе как “бесстрашному” и “решительному”, “несгибаемому” и “отчаянному” человеку, которому-де всё нипочём: и смерть не страшна, и жизнь – копейка, и сам чёрт не брат и даже не родственник, – было и придумать трудно.

Народ, во всяком случае, это надолго запомнил, подобный с прилюдным бросанием партбилета трюк, который потом проделывали многие деятели из демократической либеральной тусовки – оборотни все как один, мерзавцы, предатели, негодяи, подлецы, попугаи и клоуны... Почитатели же Бориса Николаевича от этой грошовой сценки прямо-таки кипятком писали и пишут до сих пор: так она им всем, шутам гороховым, слабоумным, дюже сильно понравилась...

---

*) Но всё равно, в копировании поступка Бориса Ельцина дальше всех лицедеев и клоунов столичный театральный режиссёр Марк Захаров пошёл, до жути богемный и “высоконравственный” дяденька с вечно брезгливым выражением на лице (будто бы он по утру по ошибке дерьма объелся), решивший довести сей пошлый спектакль с выходом из КПСС до эмоционального предела и максимального зрительского эффекта. Одно слово – “великий театрал”! Для этого он пригласил в свой театр *Ленинского комсомола* журналистов и операторов центральных телеканалов и газет и при включённых камерах демонстративно сжёг свой партий-

ный билет, этим самым как бы даже и Ельцина переплюнув! А ведь этот глумливый деятель-скоморох, лет 30-ть до этого состоявший в партии, кремлёвским партийным бонзам все их задницы зализал до блеска в недавнее совсем время, выколачивая для себя и театра немислимые гонорары, элитные машины, квартиры и дачи с гектарами земли для своих холуёв-актёров, ежегодные длительные творческие поездки за рубеж за народный счёт, маскировавшие спекулятивно-торговые аферы труппы. Да и спектакли ставил громкие и шумные Марк Анатольевич, славившие советскую власть и родную и любимую партию... А тут вдруг бац! – и такая мерзость и гадость с его стороны, такое предательство и кощунство! Да под камеру, да на всю страну, для матушки-Истории то есть! Удивительные нелюди обитали в нашей КПСС в последние её годы, которые и довели её, бедную, в итоге до ручки и до развала – и сразу же от неё открестились в критический момент, суки безсовестные и безнравственные, вроде как и не были там никогда, и знать про неё ничего не знали, слухом не слыхивали.

Теперь в честь иуды Марка Захарова, махрового и высокопоставленного иудея, бывший Ленком его “светлым” и “гордым” именем обозвали ожидавшие столичные власти: чтобы увековечить его как образчик “достоинства”, “нравственности” и “чести”, прославить на всю Москву и в назидательный пример школьникам и гостям столицы ставить. Тем самым они наделили таким возвышенным ореолом “то-

варища” и такими качествами заоблачными и духоподъёмными наградили, какими он сроду не обладал по причине собственной мелкоты и убожества...

Да-а-а! жуткие и трагические времена ожидают нас, россиян, в недалёком будущем, ежели таких патентованных прохвостов и подлецов увековечивают в духовном и культурном центре страны, и народу ими глаза и уши мозолят!!!!...

Стеблова же, наблюдавшего весь этот умело спланированный и срежиссированный спектакль в прямом эфире ЦТ, подобный поступок Ельцина тогда сильно покоробил, помнится, даже и лёгкое чувство брезгливости вызвал вперемешку с досадой на нового руководителя РСФСР, чувство гадливости. Ибо по-настоящему серьёзные и ответственный люди, понимал он, действительно болевшие душой за дело и за страну, за родную и любимую партию, поднявшую их на головокружительную высоту и всё им до капли отдавшую, как и родная мать, – такие люди так пошло и дёшево себя не должны были вести, не имели права. С казнокрадом и иудой Горбачёвым они до конца обязаны были бороться, находясь в структуре КПСС, и партбилетами перед глазами одуроченной публики не разбрасываться...

Дальше – больше, как говорится, и как в сказке детской – ещё круче, ещё страшней. Безответственное поведение главной союзной республики, России, вызвало, как уже было сказано, цепную реакцию “суверенитетов” у остальных республик, входивших в СССР.

А следом уже и внутри самой России сепаратисты из руководства республик Карелия, Татарстан, Удмуртия, Якутия, Коми, работавшие на разрушение, на удовлетворение личных узко-национальных амбиций и интересов, стали дружно высказываться о расширении собственных прав с полномочиями, вплоть до отделения. И в этом их активно поощрял и поддерживал новоявленный рубаха-парень Б.Н.Ельцин, науськивавший из Москвы: *«Возьмите такую долю самостоятельности, какую сможете переварить. Не трусьте»* (август 1990 г.). И только благодаря неимоверным усилиям державников-патриотов в органах местной власти, активному противодействию простых граждан и трусости местных элит перечисленные республики остались в составе Российской Федерации, не дали России рассыпаться на куски, которые бы потом наши “добропорядочные” соседи благополучно и без труда проглотили...

Что же до самого Председателя Верховного Совета

РСФСР, чрезвычайно щедрого и активного в ту горячую пору на раздаривание полномочий, прав и земель, политической и экономической вольницы нацменьшинствам, “свободы”, – то он, вслед за принятием *Декларации о суверенитете* и выбросом партбилета в мусор, сумел убедить депутатов парламента (основную массу которых купил посулом больших должностей в будущем своём правительстве, тогда уже замаячившего на горизонте) учредить пост *президента России* на североамериканский манер. Чтобы отстоять-де, в случае чего, её суверенитет и независимость. Не понятно, от кого только?!

На самом же деле, пост президента, избранного народом, а не съездом *нардепов*, давал бы Борису Николаевичу самые широкие полномочия в плане власти на пять долгих лет и ограждал бы его самым надёжным образом от воли народных избранников в течение всего этого срока. Что было крайне важно, жизненно необходимо ему и его команде в надвигавшихся политических схватках за власть с увядающим Горбачёвым сначала, а потом и с собственными, уже российскими депутатами-патриотами. Впереди ведь были и августовские события 1991 года, и Беловежские соглашения, и приснопамятные реформы Гайдара-Чубайса по тотальному грабежу и дележу страны, и её последующему закабалению западными банками, транснациональными корпорациями и синдикатами. Все те ужасы и безобразия, одним словом, которые большинство депутатов приняло тогда в штыки, которые катего-

рически не поддержало.

Но было уже поздно, как говорится, – “поезд ушёл”. И демократически избранный президент демонстративно уже не слушал их, не подчинялся – со смехом плевал на народных избранников, откровенно “ноги об них вытирал”... и “задницу” тоже; и продолжал гнуть свою либерально-воровскую линию до последнего...

Итог той давней депутатской неискренности, политической близорукости и ротозейства был таков, что 12 июня 1991 года Ельцин был благополучно избран *первым президентом России* в отсутствие реальных соперников и благодаря мощной поддержке СМИ.

И день 12 июня – личный его праздник, по сути, – был им же торжественно провозглашён в 1992 году *Днём независимости России*. Понимай: сделался главным общероссийским праздником наравне с Новым годом и Днём Победы, Рождеством, Крещением и Пасхой. Неплохо, да?! Скромненько и со вкусом!

И попутно заметьте, дорогие наши граждане-россияне, православные, буддисты и мусульмане, кто ещё способен что-то думать и замечать, цинизм-то какой и подлог ужасный, воистину сатанинский, Борисом Ельциным и его окружением тогда творился! Да ещё и великое издевательство над психикой и сознанием честных российских людей, над логикой и здравым смыслом, на которое, издевательство, лишь господа-либералы и иудеи одни и горазды! Вот подумайте только: Мать-Россию в очередной раз откровенно гнули и ставили на колени, делали колонией Запада, сырьевым, финансовым и людским придатком его; да ещё и грабили, резали по живому, отламывали от неё огромные территориаль-

ные куски в угоду личным амбициям пьяниц, казнокрадов и проходимцев, их непомерной жажды власти, наживы и обогащения – и предлагали, и до сих пор предлагают радоваться за это!!! За общенародное торжество, мифическую *свободу* и *независимость* сиё глумление и грабёж почитать, за царский подарок даже от господ-демократов и лично от первого президента Ельцина!!! Ужас! Ужас! что творится на Белом свете! Как откровенно и пошло дурачили и всё ещё продолжают дурачить нас!

Когда теперь, по прошествии стольких-то лет, начинаешь доподлинно вспоминать те воистину *окаянные годы* – волосы на голове поднимаются дыбом и сердце начинает ныть и щемить от глубокой тоски и обиды.

«И чего же это мы такими глупыми-то родились?! простоватыми и до смешного наивными, вдобавок?! – думаешь с болью и жалостью. – Зачем, отчего, по какой-такой непонятной причине доверчиво слушали и безропотно выполняли приказы и наставления всей той демократической хитрющей и жуликоватой своры?! Или же **банды**, которую надобно было палками из Росси гнать, и на пушечный выстрел не подпускать к Кремлю и на выборы!...»

Но не будем беречь старые раны, дорогой читатель, и лишний раз травмировать себя и честной люд грустными размышлениями и воспоминаниями. Пустое это. Лучше давайте, успокоившись и перекрестившись, пойдём даль-

ше описывать “демократические подвиги” начала 90-х годов. Уж коли взялись мы с вами за это святое и праведное дело...

Итак, благополучно разобравшись с выборами, шумно и весело, прямо-таки по-царски отметив их под рукоплескания господ иудеев, куражный Борис Николаевич, уже в ранге *всенародного президента*, начал в спешном порядке выстраивать собственные структуры власти, параллельные Союзным. Которые в виду этого отходили на второй план, становились ненужными, неэффективными, обременительными – как пятая нога у собаки.

А либерально-иудейское лобби в окружении Горбачёва во главе с “хитрым лисом” и патентованным интриганом Яковлевым Александром Николаевичем в это же самое время и тоже ускоренным темпом готовило “конституционный кризис” в стране. Или, “вакуум Центральной власти” под кратким названием ГКЧП – *Государственный комитет по чрезвычайному положению*.

А это, в свою очередь, означало, что в критический для рушившейся советской Державы момент, намереваясь воспользоваться рукотворными хаосом и неразберихой, и предполагаемым отсутствием Горбачёва в Москве, оно, либеральное лобби, планировало мирно передать власть из Союзного центра в Республиканский. Со всеми вытекающими из этого действия и факта последствиями...

Истинный смысл московских событий *19-21 августа 1991года* держится в глубокой тайне *мировой закулисы*, и потому и до сей поры мало кому до конца понятен. Даже и среди историков-специалистов. Все гэкачеписты молчат, кто ещё в живых остался, словно воды в рот набравши, – так их показательными ритуальными убийствами семейства Пуго и маршала Ахромеева застращали, бедных. Молчат и либералы, понятное дело, что и вершили тогда политику и Историю, убирая неугодных людей и деля страну на части, – не желают, и правильно, на собственный хвостик какать. И правды узнать не от кого.

И, тем не менее, суть *августовского путча* была предельно проста и ясна для думающих людей, как, впрочем, и всё гениальное. Заправилам тех лет – и теневым, и явным – требовалось собрать воедино и вывести под благовидным предлогом наведения конституционного порядка в стране и удержания СССР от распада достаточно мощное ещё к тому времени патриотическое лобби в окружении Горбачёва на *силовую “противоправную” акцию*. Которая, по задумке сценаристов, обязана была кончиться неудачей, провалом, позором великим – и итоговым на неудачников-недотёп озлоблением всей страны, на волне которого с ними будет достаточно легко расправиться. В этом – вся суть, вся изюминка плана,

гениального, повторимся ещё раз, отдавая должное его работчикам.

Ключевым его игроком, помимо самого обще-Союзного президента, безропотного и послушного, и легко управляемого ещё со ставропольских времён, являлся тогда Председатель КГБ СССР Крючков. Он, по сценарию, должен был дать согласие, а потом всех товарищей-гэкачепистов подло “кинуть” (что он и сделал в итоге), отказавшись в последний момент, силою группы “Альфы”, арестовывать главного тогдашнего бузотёра и сепаратиста-разрушителя Ельцина по дороге из столичного аэропорта 19 августа (Ельцин возвращался от Назарбаева). И тем самым разрушить их, гэкачепистов, благие, в целом, намерения по недопущению подписания *Нового союзного договора (касавшегося образования СНГ на просторах бывшего Советского Союза)*, намеченного в подмосковном Ново-Огарёво на 20 августа. “Кинуть” – и сделать запланированный ввод войск в столицу (для недопущения хаоса на ключевых государственных и управленческих объектах города) бессмысленным из-за этого, вредным даже, смешным.

После чего всех *путчистов*, от которых якобы заболевший президент страны вероломно сразу же и открестится, объявить преступниками и засадить в тюрьму, пусть даже и не за что и на очень короткое время. Которого А.Н.Яковлеву с командой будет вполне достаточно, чтобы “демократическим” путём убрать из Кремля оставшегося без силовой

го прикрытия Горбачёва и заменить его триумфатором-Ельциным – безусловным и безальтернативным лидером “*новой свободной России*”, который бы во время путча “национальным героем” себя показал, этаким “безстрашным” и “несгибаемым” рыцарем демократии (несколько раз, правда, во время путча намеревавшимся сбежать в соседнее американское посольство от страха и неуверенности в итоговой победе), человеком “духовитым”, “боевым”, “цельным” и “волевым”, достойным Кремлёвского трона ...

Чем это кончилось – хорошо известно: полным провалом восстания и арестом всех восьмерых членов ГКЧП и им сочувствующих из Высшего эшелона власти, совершивших политическое самоубийство, по сути, этим своим отчаянным, но неразумным поступком. После чего в Москву вернулся уже и сам оплётанный Горбачёв, предельно расстроенный и встревоженный, который этот пошлый спектакль и устроил по указке своих “доброхотов”-советников (посоветовавших ему таким хитрым способом “друга Бориса” убрать), сам же и списки гэкачепистов писал, и долго каждого из них уговаривал, втайне надеясь на лучшее, на победу... Надеялся, да, безусловно, заручившись поддержкой того же Яковлева, вероятно, – но находился как бы в стороне при этом и лично в ГКЧП якобы не участвовал, чистоплюй! И проиграл! Подчистую! Вдрызг! Потому что ответственности испугался, взбучки при неудаче и конфискации всего наворованного,

что было бы для него и его семьи пострашнее смерти... От того-то он, поганец, всё взвесив и по привычке с женой посоветовавшись, незабвенной Раисой Максимовной, без согласия и одобрения которой ничегошеньки не предпринимал, — оттого-то он и решил за спины товарищей-гэкачепистов спрятаться в решающий для страны момент, которые в его отсутствие должны были навести порядок в рассыпавшемся на куски государстве, силовым способом и арестом Ельцина укрепить трещавший Советский Союз. То есть выполнить за него, первого президента СССР Горбачёва, всю самую грязную и неблагодарную, и крайне-непопулярную работу...

Понимаете теперь, в чём тогда вся проблема-то заключалась, весь тайный и достаточно подлый и каверзный того политического спектакля смысл?! И чем определялось итоговое поражение членов ГКЧП?! Верховный Главнокомандующий вознамерился выиграть важнейшую политическую битву за власть и страну, напрямую не участвуя в ней, переложив её на плечи своих подчинённых... А сам решил в это время находиться как бы в тени, из “кустов” сидеть и смотреть, из Фороса, чем в Москве дело кончится. Понимай: захотел первый и последний президент СССР Горбачёв остаться в Истории “беленьким” и “пушистеньким зайчиком” — этаким выдающимся Кремлёвским “пацифистом” и “миротворцем”, “демократом” всех советских времён, **анти-Лениным** и **анти-Сталиным**, любимчиком всех либе-

ралов, российских и мировых, способным лишь по курортам ездить, душистые шашлыки ртом и задницей жрать и коньяки пить до икоты и посинения. А потом возвращаться на всё готовенькое – и продолжать дальше спокойно царствовать-править и Раису Максимовну холить. Короче, возмечтал товарищ-господин Генсек-президент всю жизнь прожить дурачком. Или, наоборот, очень хитреньким: чтобы другие за него ишачили денно и нощно, дерьмо из страны и Кремля выгребали, а он бы лишь гонорары и премии получал, и “каштаны из огня таскал” чужими руками...

Итак, вернувшийся из Крыма в столицу в ночь с 20-го на 21-е августа “Форосский затворник” М.С.Горбачёв, ставропольский клептоман-шашлычник, законченный негодяй, прохвост и юбочник, моральный пигмей и ничтожество, плюс ко всему, предавший своих партийных товарищей за понюх табаку, бросивший их, послушных и честных, но недалёких, на растерзание Яковлеву с компанией, – Горбачёв как-то сразу осиротел, обезволил и растерялся, окружённый свирепой демократической сворой, что крутилась и галдела возле него особенно нагло и громко после провала путча, и на него как на пугало уже смотрела – или покойника. Дни его как Главы единого некогда государства под кратким названием СССР были уже фактически сочтены: как президент некогда великой и грозной страны он уже был никому не нужен и не интересен.

Ведь не успел путч закончиться, как победитель и триумфатор Ельцин, осушив водки стакан и смачно крикнув, стремительно принялся переключать на себя управление ключевыми союзными министерствами – Оборона, Внутренних дел, Госбезопасности, а также министерствами финансов, связи, почтой, телефоном и телеграфом. Словом, делал всё то, в точности, что в Октябре Семнадцатого делал и Ленин, и что будут делать всегда и везде иные всякие победители,

пришедшие на волне народного недовольства к власти. История повторяется из века в век, и ничего в жизни нашей страны не меняется, увы, кроме имён и фамилий действующих лиц, которых потом летописцы и борзописцы за большую мзду нарекают “героями”, “гениями” и “творцами”, “демиургами Исторического процесса”... А всеми покинутый Горби сидел и смотрел с тоской из кремлёвских окон, как рассыпается на его глазах в пух и прах могучая ещё вчера Держава. А сам он из грозного и всесильного союзного президента стремительно превращается в пенсионера, от которого презрительно отворачиваются все – даже и кремлёвские уборщицы. По-человечески его было жалко...

Его лукавые помощники утверждают теперь, что даже и после этого он был-де ещё достаточно силен политически и при желании мог бы достаточно быстро навести порядок в трещащем по швам Союзе, укрепить его госструктуры введением пошатнувшегося единоначалия и вертикали власти, порядка жёсткого и дисциплины. Лицемерно жалеют, что такого желания с его стороны не последовало из-за каких-то там якобы особых морально-нравственных качеств Михаила Сергеевича, не пожелавшего-де насилия и крови.

Да бред это всё, досужие байки для обывателей и чистой воды спекуляции! Моралью и нравственностью там и близко не пахло! – не надо, господа-советники, из своего бывшего патрона ангела с крыльями делать, каким он сроду не

был! не уродила его таковым мать! Трагедией кончилось всё тогда по одной, главной причине: что по-другому кончиться и не могло. Да-да, не мо-о-ог-ло-о-о!... Уже потому, хотя бы, что Горбачёв был человеком иудея-Андропова изначально, то есть фигурой абсолютно марионеточной, “кастрированной” и ожидавшей до кончиков волос и ногтей. И ничегошеньки самостоятельно делать не мог, без разрешения А.Н.Яковлева того же, – ни до ГКЧП, ни после!

Потому что его давным-давно купили уже, с потрохами что называется. И те огромные деньги, что были вложены в него западными толстосумами в виде международных премий, медалей и грантов, и шикарных вояжей по миру, когда его с супругою принимали на самом высоком уровне всякий раз, кормили и поили как на убой, на все лады славили и ублажали, – деньги эти жидо-масонские связывали его по рукам и ногам как руководителя и человека. И ни за что не позволили бы ему сопротивляться и своевольничать. Любой самостоятельный после таких баснословных капиталовложений шаг стоил бы ему и его семье жизни и автоматического обнуления всех счетов – это же и дураку ясно, такая “закулисная механика” и “такая кухня”. Это есть незыблемая аксиома политики, её неперемный и сверхнадёжный фундамент...

Естественно, что он про это прекрасно знал – советники ещё в 1985 году, наверное, его строго-настрого предупредили... Потому и не сопротивлялся указкам советников,

не своевольничал, не бузил – безропотно вёл дело к развалу СССР, на первых порах может быть даже и не догадываясь, не подозревая об этом. Чтобы его тотальным последующим грабежом и порабощением Западом вернуть закулисным дельцам капиталы, что были в раскрутку его, Горбачёва М.С., персоны вложены.

«Коготок увяз – всей птички пропасть» – звучит народная мудрость. А у Михаила Сергеевича не коготок – весь он увяз в коррупции и казнокрадстве за семь полных кремлёвских лет, да и до этого – тоже. Увяз по уши...

Поэтому-то, видя и понимая всё это: что Горбачёв – пу-стозвон, клоун продажный, безвольный, новый Иуда, до конца выполнивший свою роль и оказавшийся на обочине жизни, Истории, – с брезгливостью наблюдая эту его деградацию как политика с марта 85-го и, наконец, всякое терпение потеряв, в декабре 1991 года лидеры-президенты трёх союзных славянских республик, Ельцин, Кравчук и Шушкевич, решили сказать “стоп” подобному обще-государственному безобразию. И чтобы дальше уже не тянуть резину и не переводить проблемы с дележом власти и собственности СССР на следующий календарный год, они трое самовольно (по указке советников, если уж совсем точно) приехали в Вискули в Беловежскую пушу с помощниками (Ельцин с собою привез Бурбулиса, Козырева, Шахрая и Шохина) и за спиною сдвух Горбачёва, опять-таки самовольно, 8

декабря подписали знаменитое *Беловежское соглашение* о полюбовном разводе и самостоятельной дальнейшей жизни, независимой друг от друга. За что их до сих пор почему-то поносят-клянут историки-патриоты. Почему? – непонятно!

Ведь эта “святая троица”, что теперь незаслуженно обвиняется в развале СССР и в предательстве национальных интересов в угоду Европы и США, всего лишь юридически оформила то, что к тому моменту уже существовало по факту. И только-то. Они молодцы уже тем, хотя бы, что, наконец, взяли и “разрубили прогнивший союзный узел”, поставили точку в негласном и затянувшемся противостоянии с Центром, длившемся с августа-месяца, с ареста членов ГКЧП, и порядком всем уже поднадоевшего, мешавшего нормально жить – по-новому, по-демократически...

—

*) Кремлёвское либерально-иудейское лобби во главе с А.Н.Яковлевым торжествовало! Ещё бы – такая победа: ненавистный Советский Союз с карты мира исчез как солнечный зайчик! И как-то так незаметно – без лишнего политического шума и грохота, без мировой войны.

Торжествовала и Америка – как главный закопёрщик развала, – которой теперь предстояло карман как можно шире держать – хватать им, не уставать, безхозное советское золото и всякое другое богатство, что потекло через Атлантику в нью-йоркские банки и особняки густым непрерывным потоком.

Что Беловежский сговор имел очевидные американские корни и от начала и до конца управлялся Госдепартаментом США и ЦРУ, красноречиво свидетельствует то, например, что сразу же после подписания всех документов безумно счастливый Ельцин прямо из охотничьего домика не удержался – позвонил по ВЧ именно президенту Бушу-старшему и очумело прохрипел в трубку: *“Торбачев ещё не знает этих результатов... Уважаемый Джордж... это чрезвычайно, чрезвычайно важно! Учитывая уже сложившуюся между нами традицию, я не мог подождать даже и десяти минут, чтобы не позвонить Вам”*.

Восторженный лепет и пиетет первого президента России в данном случае, как ядовито про это написала оппозиционная газета «День», можно было понять и простить: он говорил с Хозяином!...

---

25 декабря 1991 года, уже после единодушной поочерёдной ратификации Беловежских соглашений Верховными Советами России, Украины и Белоруссии, оставленный не у дел Горбачев, политически выхолощенный и ничтожный, полюбовно и делово договаривался в Кремле с новым его хозяином о даче, личной охране и пенсии. И о постройке здания для собственного фонда на Ленинградском проспекте. После чего, уже в ранге бывшего президента СССР, он, получив всё что просил, тихо покинул свой уютный некогда кабинет, безропотно сдав дела и “ядерный чемоданчик” торжествовавшему подельнику Ельцину.

И случилось это также почти, как и Керенский в Октябре Семнадцатого сдавал дела подельнику Троцкому, с которым у Александра Фёдоровича были одни и те же начальники за рубежом, как и у Ельцина с Горбачёвым. Только Керенскому, заметьте это себе, тогда понадобилось полгода всего, чтобы развалить выродившуюся Империю Романовых, полностью сгнившую с “головы”. Горбачёву же на демонтаж советской Державы, созданной Лениным и Сталиным с нуля практически, понадобилось семь долгих лет разрушительной кропотливой работы. Семь лет!... Вот и сравните, люди, крепость и качество СССР, про который наши либеральные демократы всех уровней и мастей до сих пор вспоминают с

ужасом и содроганием...

А Борис Николаевич, оставшись один, подумал тогда испуганно: *“Ну и что дальше-то? Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили”*.

Ему стало страшно от этого, – но и приятно, и сладко одновременно. Он получил, что хотел: стал главою огромной страны, президентом на американский манер, человеком независимым и неподсудным. И мог теперь вытворять всё, что было душе угодно, никого уже не таясь, ни перед кем не отчитываясь – ни перед Горбачёвым, ни перед партией, ни перед Политбюро. Только лишь перед Д.Бушем-старшим, который был далеко, да перед еврейскими толстосумами, которые пока тоже особо не досаждали... Жизнь его удалась: жертвы с опалю, взбучками и партбилетом были, как выяснилось, не напрасными...

После этого – на радостях – он на долгие девять лет погрузился в глубокий запой, из которого его лишь серьёзно заболевшее сердце и добровольная отставка вывели.

О разрушенном государстве, Союзе Советских Социалистических республик, судя по его мемуарам, он в должности президента «свободной России» не вспоминал. Совесть его, равно как и обиженного им Горбачёва, особенно-то никогда не мучила...

Глава 9

*«Империя – как живое тело – не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причём победа даётся сильным, а не слюнтявым. **Русская империя** есть живое **царствование русского племени**, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам. Мало победить врага – нужно довести победу до конца, до полного исчезновения опасности, до претворения нерусских элементов в русские. На тех окраинах, где это считается недостижимым, лучше совсем отказаться от враждебных “членов семьи”, лучше разграничиться с ними начисто» /М.О.Меньшиков/.*

Начало августовского путча 1991 года Стеблов пропустил – из-за того, что был в отпуске уже неделю и телевизор почти не включал: не до политики и всего остального было. Целыми днями он отдыхал с детишками на *строгинской пойме*: купался и загорал, играл с ними в догонялки, мячик, водное поло, – и чувствовал себя прекрасно. Дети своим оптимизмом и жаждой жизни воодушевляли и подпитывали его, заставляли забыть про житейские тяготы и проблемы – со службой, в первую очередь, усугублявшиеся с каждым новым днём, – и до поры до времени не думать о них, не изводить себя неизвестностью, страхом.

Вот и 19-го числа он провалялся весь день на пляже, а ближе к ужину, когда вернулся домой, услышал от жены игривое:

– Ну что, Вадим, пойдёшь Ельцина-то защищать к Белому дому?

– От кого? – не понял Стеблов вопроса.

– Как это от кого?! – во-о-о даешь, парень! Купаешься весь день, сибаритствуешь, и ничегошеньки-то не знаешь, – с улыбкой ответила на это жена, интригуя мужа. – Всё самое интересное проворонил. А посмотри, что в Москве-то делается, какие страсти-мордасти кипят.

– Да что делается-то, расскажи ты толком?! – прикрикнул

Стеблов на супругу. – Что у тебя за манера дурацкая: “кота за хвост тянуть”.

– Танки в Москве, вот что, – наконец сказала жена Марина самое главное. – Танки в Москву ввели, *чрезвычайное положение* объявили.

– Не понял: кто ввёл? и кто объявил? и зачем? – побледневший Стеблов совсем растерялся от неожиданности.

– Да не знаю я ничего: больно мне это интересно – твоя политика дурацкая! По телевизору, вон, ближе к обеду выступили какие-то восемь человек во главе с Янаевым, объявили, что в стране бардак, Советский Союз на глазах трещит и рассыпается, мол, из-за безответственности и амбиций некоторых республиканских руководителей, и что они хотят навести порядок – пресечь сепаратистские настроения и укрепить Союз. И всё. Все каналы сразу же выключили после этого. Представляешь?! Ничего не посмотришь теперь из-за них, ни одной передачи кроме «Лебединого озера» – балета, который теперь непрерывно крутят. А сегодня столько передач должно было быть интересных и фильмов! И нате вам, граждане дорогие, – развлекайтесь теперь, как хотите.

– ...А только что, перед самым вашим приходом, – добавила она, подумав, – я телевизор попробовала было опять включить – проверить: работает ли? А там какой-то журналист очкастый уже от Белого дома передаёт репортаж: всех Ельцина приходить защищать призывает, баррикады вокруг Дома Советов строить, заграждения. Зачем? От кого? Непо-

нятно! Не объяснил товарищ!... Короче, цирк какой-то, Вадим, честное слово, или дурдом! Согласись! Взрослые люди, и образованные по самое некуда – а такой бред несут, да в прямом эфире! Какие баррикады в наше-то время?! Кого они испугают, и кого спасут?! Больше рассмешат только... Я так думаю, 1905-й год парни решили вспомнить, наверное, в революцию опять поиграть. А то, смотрю, заскучали люди без революции-то!...

– Но и его, журналюгу этого, быстро выключили, – завершила супруга путанный свой рассказ. – И опять балет запустили, который достал уже. Они что там, на телевидении, сегодня перепились все? – “Лебедями” нас целый день потчуют!

Стеблов, не дослушав жену, бросился к телевизору, включил его. Но там по всем пяти общесоюзным каналам одновременно действительно транслировали балет “Лебединое озеро”. И больше не было ни одной передачи, даже и новостей.

– Я же говорила тебе, что всё отключили, – с улыбкой стояла и наблюдала за ним Марина, как он щёлкает кнопки каналов. – Из-за этих гэкачепистов я теперь ни одной передачи не посмотрю. Чтоб им там всем пусто было, как и их начальнику Горбачёву!

После этого она, расстроенная, ушла на кухню – готовить-ся детишек и мужа кормить. А ошалевший от услышанного Стеблов стоял, растерянный, посередине комнаты и не знал,

что и думать, и что предпринять, чтобы хоть что-то выяснить. В стране такие события происходили, оказывается, архи-важные и судьбоносные, а он на пляже весь день провалялся животом вверх...

Опомнившись, он бросился звонить к друзьям, к товарищам по институту и брату младшему. Но все они ему говорили то же, что и жена. Большого добавить никто ничего не мог ввиду полного отсутствия информации... Только брат посоветовал напоследок побыстрее включить приёмник и попробовать поймать там какую-то полуподпольную радиостанцию “Эхо Москвы”, которая-де непостижимым образом вещает откуда-то из центра столицы, последние новости передаёт, и которую, по его словам, тоже вот-вот закроют...

Поговорив с братом, Стеблов подбежал к радиоприёмнику: у него дома на видном месте стоял дорогой советский переносной “Океан”, мощный, лучший в Союзе. Его он по великому благу когда-то купил через десятые руки и очень им гордился. По нему можно было слушать всё – даже и зарубежные радиоголоса, несмотря на глушение.

Подбежав и включив его, он стал нервно вертеть ручку с волнами вправо и влево, но всё без толку. Приёмник молчал: программы все были выключены.... И вдруг, о чудо! на коротких волнах он услышал сбивчивый голос какого-то неизвестного диктора, призывавшего всех москвичей идти к

зданию Верховного Совета РСФСР – защищать первого президента России Бориса Ельцина и российскую демократию от захвативших-де власть путчистов. Понимай – восьмерых членов-руководителей ГКЧП, что взяли на себя руководство страной в отсутствие якобы заболевшего Горбачёва.

«Мы передаём из самого центра Москвы, с Тверской-Ямской улицы! – торопливо вещал в микрофон охрипший и уставший диктор. – К нам в двери уже барабанят агенты КГБ, и долго мы, судя по всему, не продержимся: нас вот-вот арестуют и бросят в тюрьму! Но мы не боимся их, тиранов-коммуняк и их холуёв с Лубянки, и готовы пострадать за правду и за свободу родины! И умоляем всех честных и порядочных москвичей последовать нашему примеру: не трусить, не сидеть и не прятаться по квартирам и тараканьим углам, немедленно идти к Белому дому на строительство баррикад, на защиту молодой российской демократии! Извините, заканчиваем репортаж! – уже не говорил, а кричал истеричный диктор своим предполагаемым слушателям. – Здесь стучат! К нам уже какие-то громилы с лестничной площадки ломаются!»

Дальше шёл треск, и не было ничего слышно...

«Сейчас этим отчаянным парням головы-то пооткручивают за такие призывы и репортажи, за явную антисоветчину, – помнится, было первое, что подумал тогда Стеблов, выключая приёмник. – С нашим КГБ шутки плохи... В особенно-

сти, когда дело государственных устоев касается».

Голова его шла кругом. Он ничего из происходившего не понимал. Всё это было так ново, остро и неожиданно. ГКЧП какой-то! Белый дом! Бузотёр и непоседа-Ельцин, которого надо было опять от кого-то там защищать, который всё никак не унимался!... А где президент страны Горбачёв? Почему его нет в столице в такое-то время? А его заместитель Янаев в компании министров-силовикиов выступает от его имени?... И почему отключили радио с телевизором, наконец, погрузили страну в информационный мрак, в неведение, в гадание на кофейной гуще? Что за дикость и необходимость такая – страсти сознательно нагнетать?...

Всё это были такие вопросы острые и предельно-горячие, которые раскалёнными гвоздиками сразу же забились в голову и крепко засели там этакими занозами, причиняя боль. Ему, политику-самоучке, но социально-активному гражданину, душою болевшему за страну и её будущее, на них хотелось немедленно получить ответы. Немедленно! Иначе он не успокоится и не уснёт, про отпуск и отдых забудет...

Но ответов не было. Никаких. Всё было окутано непроницаемой, глухой завесой тайны... И даже и москвичи, находившиеся в гуще событий “по определению”, уже в силу местожительства своего, были в полном неведении...

Он был в шоке и глубокой растерянности. И не знал, не представлял даже, что ему требовалось предпринять в данный конкретный момент, чтобы хоть что-то путное прояс-

нить и вызнать. И потом уже начать действовать по привычке – гражданскую позицию и сознательность проявлять...

– Ну что? – за ужином опять спросила его с ухмылкой жена. – Ельцина-то защищать собираешься или нет? – я что-то не поняла. Собираешься ехать баррикады у Белого дома строить? Конституцию оберегать?

– Какие баррикады? от кого? Опомнись, – растерянно ответил поморщившийся Вадим, машинально овощной салат пережёвывая, а сам при этом весь в себя погрузившись, в думы свои невесёлые. – Разве ж они смогут спасти от спецназа? – группы “Альфа”, или группы “Вымпел” той же. Спектакль какой-то, цирк-шапито прямо, как ты сама же и окрестила всё это чудачество... Да и кого защищать, непонятно? Кто на этого придурковатого Ельцина нападает-то? кому он, прохвост неугомонный, нужен?... Стал президентом России пару месяцев назад, получил что хотел, Горбачёва по носу щёлкнул, из-под него наполовину выползая. Ну и живи – не тужи, казалось бы, пей любимую водку вёдрами у себя на даче... Нет, ему всё мало и мало. Всё никак не уймётся, не успокоится, паразит. Столько лет уж страну и народ баламутит...

После ужина не находивший места Стеблов опять включил “Океан”, без всякой надежды, впрочем, что снова там что-то на коротких волнах услышит.

«Давно уж, небось, приехали и забрали всех поголовно, и уже на Лубянке допрашивают, “хвосты” паренькам крутят, яйца каблуками щемят», – растерянно думал он, к приёмнику припадая... Но какого же было его удивление, когда на той же самой волне он услышал уже знакомого диктора с неведомой радиостанции “Эхо Москвы”, всё так же истерично и настойчиво призывавшего надтреснутым от усталости голосом собираться и ехать на защиту Ельцина и демократии, уверявшего радиослушателей, что к ним-де всё так же ломятся и стучат, да достучаться и вломиться вроде бы пока не могут; но это всё временно, дескать, что вот-вот их всех арестуют и поставят к стенке свирепые сотрудники из ЧК. Это как пить дать. Но они этого будто бы не боятся, будто бы до безрассудства смелые...

«Тут что-то не так, слушай, лажа какая-то стопроцентная, а может просто – брехня, – подозрительно подумал Стеблов, с недоверием приёмник опять выключая. – У нас что, КГБ разучился уже работать, что ли? или дверь не могут сломать, чтобы парней скрутить и заткнуть глотки?... Их же пару-тройку часов назад собирались арестовать, отчаянных журналистов этих, – и всё никак не арестуют. Хотя они уже и координаты в прямой эфир выдали, улицу свою назвали... Или же до Тверской-Ямской чекисты добраться никак не могут с Лубянки за целый день? Почему?... У них там что, у оперативных работников, машин уже нет? или бензин у всех

разом кончился?...»

Когда он часов в десять вечера, не утерпев, в очередной раз включил “Океан”, и опять услышал там того же самого парня, что настойчиво призывал москвичей собираться и ехать на защиту Белого дома, при этом ещё и нагло продолжая врать в эфир, что к ним-де в квартиру чекисты ожесточённо ломаются, и вот-вот ворвутся и всех повяжут до одного, – тут уж Вадим не выдержал: взорвался негодованием и полную волю чувствам дал, со злостью выключая приёмник. Он, помнится, от души выругался тогда и обложил по матушке невидимого “отчугу-агитатора” из радиоэфира: «Кому другому мозги засерай, дружок, кто помоложе и поглупей, – с ядовитой ухмылкой сквозь зубы прошипел на того. – А нам не надо! Мы – люди грамотные!...»

Ему вдруг стало ясно как Божий день, что это “Эхо Москвы”, единственная незакрытая радиостанция на всю страну, – стопроцентно подсадная и вражеская, как и “Голос Америки” из Вашингтона, или английская “Би-Би-Си”. И создана она была, скорее всего, для одной-единственной цели – собрать у Белого дома побольше одураченных москвичей. Чтобы те обеспечили моральную поддержку и прикрытие забузившему в очередной раз Ельцину... И никакие чекисты к ним на самом-то деле не ломаются и не ломились никогда: это всё байки, рекламная пыль, чтобы людям мозги запудрить.

Больше он после этой догадки-прозрения приёмник включать не стал, ещё сильнее вознегодовав против взбал-

мошного прохвоста Ельцина, за спиною которого такие тёмные силы стояли, которым даже и советский КГБ не страшен был...

Уже перед самым сном, часов в одиннадцать вечера, к ним в дверь неожиданно позвонил сосед Николай и, извиняясь за поздний визит, настойчиво позвал Вадима выйти с ним покурить на лестничную площадку – для разговора. С Николаем этим Стеблов работал в одном институте, только в разных отделах. Они приятельствовали лет восемь уже, симпатизировали друг другу, ежедневно встречались и подолгу беседовали в курилке, новости обсуждали; вместе участвовали в ДНД, Москву по вечерам патрулировали; вместе же несколько лет назад в жилищный кооператив вступили, а, купив себе и семьям своим квартиры и поселившись на одной лестничной клетке, стали почти ежедневно общаться и на работе, и дома – семьями уже дружить, имея, к тому же, ещё и детишек-ровесников...

– Ну-у, ты слышал, надеюсь, что в нашей стране-то делается? – сразу же спросил он вышедшего в коридор Вадима, ещё даже и сигарету не успев закурить, спички достать из кармана. – Представляешь себе, какая заварилась каша!

– Слышать-то я слышал, Коль, да только ничего понять пока не могу, – виновато ответил Стеблов. – Ты хоть мне растолкуй теперь, что в Москве происходит. Кто там “наш”, кто – “не наш”. Кто – “красный”, кто – “белый”. И на чью сторо-

ну, соответственно, становиться, за кого в драку вписываться. А то ведь я весь день с ребятнёй на пляже был. Вернулся к ужину, а тут такое твориться!... От жены добиться ничего не могу: ей политика до одного места, сам знаешь. Кинулся к телевизору – там “Лебедей” запустили по всем каналам, хоть плачь. Радио не работает – мрак! Так что давай рассказывай, что успел узнать. Ты же, в отличие от меня, не в отпуске: на работу ездишь, с умными людьми общаешься, газеты утренние читаешь. Расскажи, что в институте-то у нас говорят про всё это?...

Соседа долго упрасивать не пришлось последними новостями поделиться: для этого, собственно, он и пришёл к Стеблову. Прикурив сигарету и затянувшись нервно, он, клубы дыма из себя выпуская, стал торопливо рассказывать всё, что знал: что с самого утра, оказывается, в стране было объявлено *чрезвычайное положение* в связи с резким ухудшением внутривнутриполитической обстановки, и в десять утра по телевизору выступили члены Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению во главе с вице-президентом Янаевым. Он-то и объявил громогласно, что для предотвращения развала СССР и в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым М.С. своих прямых обязанностей, он, Янаев Г.И., в соответствии со статьёй 127-7 Конституции СССР берёт на себя всю полноту власти. А значит, становится исполняющим обязанности президента СССР и вводит военную технику в Москву для охраны

особо важных объектов. Всё. После этого заявления, добавил сосед, телевизоры сразу и выключили.

– Зачем? – недоумённо произнёс Стеблов, не понимая последнего действия... и потом, подумав, спросил, переваривая услышанное: – А кто на этой пресс-конференции помимо Янаева был, не помнишь? кто ГКЧП возглавил?

Сосед назвал восемь фамилий главных организаторов ГКЧП, которых показывали по телевизору:

“Бакланов О.Д. – первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В.А. – председатель КГБ СССР, Павлов В.С. – премьер-министр СССР, Пуго Б.К. – министр внутренних дел СССР, Стародубцев В.А. – председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А.И. – президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д.Т. – министр обороны СССР, Янаев Г.И. – и.о. Президента СССР”.

Все были люди известные и достойные, наделённые высшими властными полномочиями. Все как один – патриоты, за исключением чекиста Крючкова, который, пусть только и на словах, но тоже патриотом себя называл и позиционировал.

– Так они что, – Стеблов внимательно и в упор смотрел на соседа Кольку, пытаясь будто бы дальнейшие события предугадать, – Горбачева с трона скинуть собрались что ли?

– Не знаю. Наверное. Ближайшее время покажет.

– Да правильно решили мужики, молодцы! Давно пора этого гниду продажную выгнать и посадить – за всё то, что он, негодяй, со страной сделал.

–...Пора-то оно пора. Это верно, Вадим, кто спорит, – Николай усмехнулся, прищурился глубокомысленно, потупился и ещё гуще дымом на весь коридор зачадил. – Только... только там ещё и с Ельциным разобраться надо будет, не забывай, который тот ещё геморрой, с потрохами купленный... И тоже сдаваться без боя не собирается, гад. Слышал, небось, какую бучу-то уже поднял, едва появившись в Москве после прилёта из Казахстана от Назарбаева? Выступил после обеда с заявлением – американцы его, говорят, м...дака безпалого, перед тем накачали-науськали, – что он-де не поддерживает ГКЧП, считает членов его узурпаторами и самозванцами, отказывается им подчиняться и всё такое. Ну и призывает жителей Москвы поддержать его в этом неподчинении, прийти на защиту Дома Советов – то есть на его, президента Ельцина, защиту. Ты его, засланного казачка, защити, а он потом с Россией тоже, что и Горбачёв с СССР сотворит: камня на камне уже и от РСФСР не оставит. Молодец, хорошо придумал на пару со своими американскими руководителями. Раздолбай!

–...Я по “Океану” час назад какую-то новую радиостанцию слушал: “Эхо Москвы” называется, – помолчав, поделился Вадим с соседом уже своей собственной информацией. – Радиостанция явно вражеская, как я понял, ибо уже

целый день в открытом эфире работает под носом у Кремля, призывает народ к бунту фактически, – и никто с ней якобы сделать ничего не может, как и с тем “неуловимым Джо” из анекдота. Целый день туда к ним чекисты ломятся – и вроде как вломиться не могут. Короче, бред какой-то, на идиотов рассчитанный, на дурачков!... Так вот, это левое “Эхо Москвы” весь день призывает москвичей ехать к Белому дому, Ельцина защищать. Представляешь, как работают оперативно люди, какую Бориске нашему бесплатную рекламу делают, как умело сгоняют к нему народ. Вот и скажи теперь: подсадной он или не подсадной, полезный для страны или вредный? Тут уж, по-моему, и старой бабке понятно станет, на кого Борис Николаевич пашет и ради кого старается... Не хочешь, кстати, Коль, к Дому Советов-то съездить? – посмотреть своими глазами, что там у них, “защитников демократии”, делается-то? Давай вдвоём туда завтра утром пораньше смотаемся. А оттуда ты уже в институт поедешь, а я – домой.

– Да нечего там смотреть, Вадим, нечего, поверь, – махнул Николай рукой безнадёжно, очередной сигаретой затягиваясь. – Я ведь только что оттуда вернулся: после работы туда ради любопытства заехал со Славкой Наумовым – на тамошнюю публику посмотреть. Поэтому, к тебе и пришёл так поздно: чтобы всё рассказать, увиденным поделиться. Ты уж извини ещё раз за поздний визит.

– Ну так рассказывай давай! Чего стоишь и молчишь – ин-

тригуешь?! – недовольно взглянул Стеблов на соседа вспыхнувшими от любопытства и нетерпения глазами. – Всё вокруг да около ходишь, как котёнок слепой, а самого главного не говоришь: про Белый дом, про Ельцина. Народу-то много там? Что, действительно баррикады строят как в 1905 году?

– Строят, строят, – без энтузиазма уже стал рассказывать Николай. – Доски гнилые из окрестных домов таскают, двери, диваны старые, камни и кирпичи. Дерьма только собственного не хватает, чтобы поверх навалить – до кучи. Все мусорные ящики вычистили, идиоты, дворников без работы оставили. Суетятся, к осаде готовятся. Как дети малые, право. Им ещё только рогатки раздать, для пущей важности, да чёрные повязки с черепами и костями на лоб – для устрашения.

– Это они против кого палки и камни-то собирают, не понял? Против “Альфы” и “Вымпела”, что ли?

– Не знаю, наверное.

– Смешные ребята, – ядовито ухмыльнулся Вадим. – Отважные!... Да офицерам “Альфы” достаточно будет только одну короткую очередь из автоматов сделать поверх их тупых голов трассирующими патронами, и там, возле Дома Советов, ни одного защитника не останется! Их надо будет потом с собаками где-нибудь под Волоколамском или Можайском искать, а, может, даже под Брянском, от страха с головы до ног обосранных и обоссанных... Неужели же там все такие дебильные, чтоб захотеть камнями и палками со специа-

зом бороться? Сколько же м...даков на свете, оказывается! С ума можно сойти! Так вот живешь, живёшь – и не знаешь, и не догадываешься, что кругом тебя одни м...даки отираются!

– Там не м...даки, не дебилы, Вадим, – мрачно сказал сосед. – Там – пидары и евреи. И столько у Белого дома всей этой визгливой публики собралось – аж страшно! Пьют, гуляют, гужуюся группами: жрачки и пошла у них – вагон. Откуда только, интересно, и на какие шиши? И все орут заполошно, митингуют, ерепенятся и кипятятся: героями себя показывают перед иностранными журналистами – чудики безголовые.

– А чего орут-то? чего хотят?

– Хотят очередной революции! смены власти! – не ясно, что ли?! Ибо революция для них – праздник. Они только в революцию, когда бардак и разруха кругом, богато и счастливо и могут жить. Это ж – общеизвестно... И коли, скажу тебе, евреи московские так дружно за дело взялись и на площадь высыпали гурьбой, на баррикады – значит старой власти скоро придёт конец. Это, Вадим, признак верный и безошибочный – как медный флюгер на крыше, который бурю показывает... Представляешь, даже и слюнявого Ростроповича туда из-за рубежа притащили – на подмогу как бы. Бегают там, скоморох недоделанный, с автоматом Калашникова по этажам, что-то безсвязное лопочет – веселит защитников.

– А этот-то урод продажный чего примчался?! – вытара-

щился на соседа Вадим. – Какого х...ра он тут у нас потерял? И чего ему в Париже своём не сидится? Уж лет двадцать, наверное, как там отирается с красавицей-женой – и всё дорогу к нам сюда никак не забудет.

– Ельцина поддержать примчался, я думаю, по указке хозяев, и “молодую российскую демократию”, – в свою очередь уже Николай ухмыльнулся невесело, зло. – Ну-у-у и себе самому, любимому, попутно рекламу сделать как неустрашимому борцу за *“свободу, равенство и братство”*, перед телекамерами покрасоваться, перед страной.

– Это он-то неустрашимый! Этот пугало огородное! сопля на двух лапках! – Вадим сплюнул себе под ноги и грязно выругался. – Не смей меня, Николай, сделай милость! Да он и прославился-то как виолончелист только после того, как Гальке Вишневой под юбку забрался. И так остался там как приклеенный – уж больно ему под юбкой супруги дюже сильно понравилось: мёдом, наверное, там у неё намазано или ещё чем, послаще и повкусней. А не залезь он туда – про него и не знал бы никто: по электричкам бы теперь пел ходил в обнимку со своей виолончелью, или бы давно спился, загнулся под забором... Галька его подобрала, босняка чумазого, беспородного, когда он зашибал безпробудно от скуки и от безделья, когда его из Большого театра толи уже выгнали, толи собирались выгнать – точно и не помню уже давнюю ту историю. Но слухи такие по Москве ходили, про его тогдашний творческий кризис, про неустроенность и безпер-

спективность. Жена мне про то рассказывала, а ей – тётка её, театралка со стажем, эстетка махровая, записная. Чего им обоим врать-то? сочинять напраслину про человека?... Так вот, она, Галья, его и поддержала в те годы, “крышу” ему, долбаку безвольному, сделала и протезе, до уровня мировой величины подняла по своим еврейским каналам, в крутые западные оркестры устроила. Он теперь и бегаёт петушком – ершится и хорохорится, себя показывает вроде как мужиком, и как самостоятельным человеком, гением музыкальным... Неустрашимый! Смешно! Скажешь тоже. Вот Галья у него молодец! – баба с перцем, с задоринкой, со стержнем внутри. Воистину – стальная баба. Баба-зверь! Небось, это она ему, дурачку слюнявому, и дала команду мчаться на всех парусах в Москву – пиариться и тусоваться. А так поехал бы он без неё, пожалуй! Подзатыльник быстро бы получил, или чего похлеще и побольней. Да он, подкаблучник, без её приказа, поди, даже и на горшок не садится, этот герой-то зачуханный и плешивый!

– То, что Ростропович – дерьмо безвольное и подконтрольное, и с потрохами купленное, это давно понятно, – поддакнул сосед с удовольствием. – Его с Солженицыным да с Сахаровым господа-сионисты так высоко вознесли с одной-единственной целью: чтобы Брежневу этой троицей в нос постоянно тыкать, порочить его в глазах простых советских людей. Видите, мол, люди добрые, каких “гениев” выслал, засранец, на которых весь мир-де любит-ся-молится,

которые теперь на Западе как короли живут, деньги и славу Европе и Америке добывают. Плохой он, значит, руководитель, ваш дорогой Леонид Ильич, плохой! – если “гениев” не бережёт, не ценит, “гениями” разбрасывается. А если прямо сказать – х-ровый! Гнать его, значит, надо взащей, других на его место ставить – прозорливых, дальновидных и рачительных. Лукавого Андропова например, Горбачева с Ельциным. Эти, дескать, хорошие и бережливые, эти всю нашу продажную нечисть по миру соберут в мешок и назад возвернут, запустят к нам откормленных “тараканов” заморских...

– Тут, короче, – чистой воды политика, идеологическая борьба двух систем, двух мировоззрений, и сейчас не об этом речь. Тут другое любопытно, Вадим. Подумай, опять-таки, к нашему с тобой разговору и реши: вот стали бы этого попугая безмозглого сюда привозить его кукловоды заокеанские во главе с уже упомянутой тобою супругой, которая, как ты говоришь, его, дятла слюнявого, на горшок ежедневно водит, – если б не чувствовали в себе силу, если б сомневались хоть грамм? Навряд ли бы. Точно могу сказать... Значит уверены, черти, в своей победе, значит кто-то знающий и всемогущий им что-то уже нашептал, куда чаша весов Истории клонится. Вот и слетелись вороны на кровь, вот и горланят-каркают по столице... А коли так – то туго придётся лидерам ГКЧП. Сложат они, по всему видать, свои буйны головы... Потому-то и Горбачёва рядом с ними что-то не видно, который первым бы среди них должен был быть, по всем

правилам-то и раскладам, и просто обязан был самолично ГКЧП возглавить как президент страны... Но наш Михаил Сергеевич тот ещё жук! В него и в ступе не попадёшь! – сам знаешь, какой он двуличный и скользкий. Кинул их, восьмерых, на амбразуру в последний момент, когда судьба Советского Союза решается, да и его судьба – тоже. А сам сидит в Форосе и ждёт: выгорит у них дело – не выгорит. Гнида! Выгорит – он героем из Крыма вернётся, и будет единолично править страной, уже без Ельцина. А не выгорит – он от них восьмерых и открестится тут же, путчистами всех объявит, врагами народа – и всех их с чистой совестью сдаст. Тому же Ельцину и его людям. Вот увидишь, что так оно всё и будет...

Соседи постояли и поговорили ещё минут десять-пятнадцать: Ростроповича с Горбачёвым и Ельциным пообсуждали, трагическую ситуацию в государстве. И под конец разговора Стеблов спросил на прощание:

– И ты, значит, больше туда не пойдёшь – категорически не хочешь взглянуть ещё раз на “доблестных” защитников Белого дома, новости последние из первых уст узнать?

– Нет, Вадим, не зови. Не пойду я в эту демократическую клоаку – настроение себе только портить. Я что пидаров, что евреев плохо переносу. Ты же знаешь. Как и они меня, кстати, – тоже... Будем ждать, – обречённо добавил он, пепел с брюк и рубашки стряхивая, – чем всё дело кончится, да Бога усердно молить, чтобы у членов ГКЧП сил и воли хвати-

ло эту интернациональную шушеру разогнать, надавать им всем по заднице хворостиной... Боюсь только, что сил-то как раз и не хватит: больно силы-то не равны. Там ведь Америка за Ельциным опять стоит, всё золото и деньги мира... И чувствую я одно, Вадим, друг ты мой дорогой, – поделился своими тревогами сосед Николай напоследок, – чувствую, что ежели патриоты из ГКЧП проиграют – Советскому Союзу конец; а следом за ним – и России. Для того подлеца-Горбачёва президентом и сделали, как я теперь понимаю; и безголового пьянчужку-Ельцина прямо-таки бульдозером затащили наверх – чтобы возродившуюся после 1917-го года Россию опять ограбить и развалить, одно мокрое место от неё оставить. На меньшее хозяева горбачёвско-ельцинские не согласны... И как тогда будем жить? чем кормиться? – одному Богу ведомо... В таксисты с тобою пойдём, Вадим. Либо в официанты. Ибо специалисты из оборонной промышленности будут долго тогда не нужны: Америка всё сделает, чтобы нас, русских инженеров-изобретателей, без работы и средств к существованию оставить...

После разговора с соседом вернувшийся к себе Стеблов ещё долго не мог успокоиться: лежал на кровати, угарный и возбуждённый, тяжело вздыхал и сопел, ворочался с боку на бок, тревожа этим жену, – и всё про последние события думал, которые он пропустил... Разумеется, вспоминал он и слова Николая про будущую их, советских инженеров-оборонщиков, безрадостную судьбу, ужасающе-пророческий смысл которых он ещё плохо тогда понимал, но которые крепко запали в душу, произведя у него внутри ещё больший переполох, чем даже был до этого.

Не в силах быстро уснуть, как это происходило обычно, он тайком пробирался на кухню и включал телевизор с радио несколько раз. Но там по-прежнему было тихо. Только провокационная радиостанция “Эхо Москвы” всё от каких-то мифических спецназавцев “храбро и мужественно отбивалась”, при этом истошно призывая слушателей восставшего Ельцина поддержать, прийти на защиту Белого дома...

«Когда же этим провокаторам чекисты глотку-то, наконец, заткнут? Ведь сутки уже вещают, суки! – раздосадованный, матерился Вадим, зло выключая приёмник. – Танки в Москву ввели, государственное телевидение с радио повыключали на всех каналах – на это у них силы и воли хватило, видите ли. А подпольную радиостанцию у себя под носом

закрывать, призывающую к бунту, к неповиновению, не могут. Чудно! Странно всё это!...»

«Ладно, может, к утру закроют, опомнятся. Может, руки пока не доходят до таких мелочей, когда там у них сейчас глобальные вопросы решаются, — далеко за полночь, укладываясь в кровать, самоуспокаивался он. — А заодно и Горбачеву с Ельциным головы пооткручивают! А то надоели оба уже как черти страшные из преисподней, или те же сибирские комары, которые всю кровь из народа высосали!... Открутят, обязательно открутят, — засыпая уже, думал он, улыбаясь натужно. — Коли уж танки с десантом ввели — то это уже серьёзно, это тебе не цирк, не спектакль опереточный, пошлый. Подождать просто надо чуть-чуть, набраться терпения. Не пацаны же всё это дело затеяли из детского сада, не кретины полные и самоубийцы. Три силовых союзных министра участвуют, как-никак, у которых вся власть и военная сила... И коли уж эти люди самого высокого ранга осмелились, соорганизовались, вышли к народу и сказали “А” — то и “В” наверное скажут, не побоятся. Должны сказать, обязаны просто. Так что к нынешнему утру и управятся: это как пить дать... Нет, всё-таки молодцы эти парни из ГКЧП, молодцы! Давно надо было бы разогнать всю эту кремлёвскую камарилью»...

Но и наутро ничего не произошло, как ни странно: всё тот же балет надоевший по всем официальным телеканалам

крутили, и всё те же призывы истощные звучали на радиостанции “Эхо Москвы”, которую, к великому удивлению и огорчению для Стеблова, так и не закрыли за ночь brave парни с Лубянки, “не сумевшие, видимо, дверь сломать”. И засеавшего в Доме Советов Ельцина так и не арестовали, не посадили в Лефортово за неподчинение указам вице-президента СССР Янаева, за бузу и баррикады на улицах, – что было совсем уж чудно и неправдоподобно. Почему в стране такое безсилие и безволие властное происходило? – было и непонятно, и чудно, и даже как-то дико со стороны простым советским гражданам наблюдать, привыкшим верить во всемогущество и суровость советской власти.

«Что-то у них определённо не складывается, у гэкачепистов этих, и что-то идёт не так, – выключая приёмник и телевизор, с досадой подумал предельно раздражённый Вадим, поражённый такой беспомощностью и нерасторопностью лидеров Комитета спасения. – Так долго спецоперации не проводят: это даже и мне, сугубо гражданскому человеку, понятно. И если уж начали, “спустили курок”, поднялись в атаку – сопли уже не жуют, не думают о выгодах и последствиях. Тут уж или грудь в крестах, или – голова в кустах. Или – всё проиграешь разом, или, наоборот, – всё выиграешь»...

Ситуация разрешилась только на третий день, причём – самым неожиданным образом. Заработавшее вдруг телевидение стало транслировать наперебой всеми своими программами, как танки с позором покидали Москву под свист и плевки ельцинистов и примкнувшей к ним нечисти, что сонными мухами слетелась со всех уголков Москвы поглазеть на происходящее и почесать потом свои языки поганые. А “неустрашимый” и “несгибаемый” Ельцин в этот момент на подготовленном броневике праздновал свою очередную победу под оглушительные крики толпы, точь-в-точь как Ленин в Октябре Семнадцатого.

Передавали с каким-то диким восторгом и вовсе ужасные вещи. Что ночью, оказывается, “защитники” Белого дома полезли на танки с целью их захватить, а ошалевшие от страха молоденькие танкисты, брошенные командирами на произвол судьбы, попробовали было бегством спастись от озверелой толпы, от расправы. Но в результате манёвров по незнакомым улицам, да в ночной темноте, толкотне и нервозности, они раздавили-де трёх нападавших ребят гусеницами в Новоарбатском туннеле, за что их выволокли из машин и забили до смерти. Революции непременно нужны были жертвы и кровь, а иначе, какая же это революция – без крови-то! Она и пролилась на улицы Москвы, как того и заказывали

“сценаристы”.

Понятно, что танкисты были здесь не причём, как теперь это уже отчётливо видится, которые сами стали жертвой интриг и достойны не меньшей жалости. Тех трёх дурачков маляхольных, глупых “защитников демократии”, скорее всего сознательно пихнули под гусеницы переодетые под простых москвичей бейтаровцы или чекисты. А может – уже и мёртвых и изуродованных в тоннель привезли, заранее приготовленных к ритуальной жертве (в пользу чего говорит их вера: один из погибших был иудеем, другой – православным, третий – мусульманином, – то есть, чтобы представителей всех трёх главных религиозных конфессий этой трагедией разом озлобить и возбудить). Но списали этот кровавый акт на Армию и солдат, на руководителей ГКЧП в конечном итоге. Чтобы жертвенной кровью помазать их всех, которую русский народ не терпит, не переносит – в секунду теряет разум.

Приём этот излюбленный и безотказный, с успехов Бог знает сколько веков в России уже применяемый для дискредитации неугодной власти и немедленного свержения её: “убиенного” царевича Дмитрия хотя бы вспомните, к каким страстям и государственным катаклизмам его “насильственная смерть” привела, и как повлияла на ход Русской Истории в Смуту... Вот и Янаев с компанией были унижены, раздавлены и посрамлены. Их политическая и государственная карьера на этом закончилась.

Ельцин же, наоборот, вознёсся очень высоко как герои-

ческий и безстрашный усмиритель путча, сделался национальным героем на несколько месяцев – пока в декабре в Беловежье не съездил и Советский Союз не разрушил одним росчерком пера. После чего он героический ореол потерял естественным образом, ибо не хотели жители РСФСР в подавляющем большинстве своёю страну рушить.

А после гайдаровских реформ Борис Николаевич потерял и уважение в обществе. Стал человеком, глубоко ненавистным патриотической национальной России, которому она все девять лет упорно сопротивлялась и восставала, и из себя выдавливала-сблёвывала как инородный, глубоко-враждебный предмет, “проглоченный” по незнанию и глупости. Пока, наконец, не выдавила его окончательно в 1999 году. И только тогда лишь свободно выдохнула и успокоилась...

22 августа на площади перед Белым домом давали большой праздничный концерт, транслировавшийся по всем каналам ТВ в прямом эфире. На него слетелись со всего мира (по предварительной договорённости, вероятно, не предполагавшей отказов и возражений) артисты-куплетисты интернационально-космополитической ориентации во главе с Ростроповичем – поддержать победившего президента России. *«Новой России, свободной»* – как они в один голос все утверждали со сцены, не в силах скрыть бурной радости и восторга. Концерт был хорошим, слов нет. Настроение москвичам он поднял.

– Новая жизнь наступает, Вадим, – сказала Стеблову жена, сидевшая рядом с ним на диване перед телевизором, у которой от увиденного светились счастьем глаза и дыхание перехватывало. – Без всех этих склок политических и противостояний, когда Ельцин с Горбачёвым всё бодались и бодались, как два бычка на лугу. Всё силами мерились и выясняли, кто из них двоих популярнее, желаннее и круче. Уж так они надоели оба за семь перестроечных лет этим своим идиотским “боданием”! Сил нет! Может, хоть теперь всё уляжется и утихнет...

– Ельцин так Ельцин, – задумавшись, добавила она через

секунду, глаза сощутив. — Пусть будет он, коли так, ежели он ловчей оказался, и его вон сколько народу поддержать приехало. Он, как ты там ни говори и ни хай его, — а вещи-то говорит правильные по сути. России и вправду надо “освободиться”, дать чуть-чуть отдышаться и отдохнуть от всех этих общесоюзных “братьев”-нахлебников наших: от грузин-бездельников и лежебок, которые сроду-то не работали, а только пили и жрали за наш с тобой счёт, и нас же на кавказских и черноморских курортах безбожно обирали-грабили, а девочек наших насиловали; от прибалтов сонных и долбанутых и таких же сонных и дебильных узбеков с таджиками, не вылезających из чайханы, а деньги с какого-то хрена мешками в Москву везущих, «Волги» да «Жигули» за десять-двенадцать цен тут у нас покупающих. Машины, которые нам, честным русским труженикам, в принципе недоступны, даже и за одну цену. Сколько можно их всех поить и кормить, держать этих бездарей, паразитов и жуликов неблагодарных на шее! Учить в институтах и университетах себе в ущерб, вместо того, чтобы самим сидеть и учиться!... Да и порядок, как мне представляется, Ельцин быстро везде наведёт: это тебе не чистоплюй Горбачёв, пустомеля и мямля противный, которым вечно жена командовала, министров за чубы трясла, советников и прислугу... {7}

— А Борисом Николаевичем не покомандуешь, поверь. Он — человек необузданный, дерзкий и абсолютно дикий. Коли что не по нём — то и матюгом пустит, и в лобешник засве-

тит за милую душу, не дрогнет, не призадумается, не остановится в последний момент. Дерзкий, дерзкий мужик: это же видно. Таковую всем “кузькину мать” покажет – мало никому не будет! Как прокажённые зачешемся все или наскипидаренные... Это он на словах “демократ”, перед телекамерой и журналистами. А на деле, вспомни по работе в нашем МГК КПСС, как бык упёртый и нестибаемый, взбалмошный и агрессивный... И такой человек, наверное, сейчас нам и нужен...

События августа 91-го, которые Стеблов болезненно переживал, всем сердцем сочувствуя гэкачепистам, не Ельцину, стали переломными в его жизни. После подавления путча и ареста восьмёрки организаторов (к которым А.Н.Яковлев ловко так и дальновидно приказал ещё и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова присовокупить – теневого лидера патриотического лобби в окружении Горбачёва, который к путчу прямого отношения не имел, что потом и выяснилось на следствии, но был в Кремле во второй половине 1980-х годов ключевой фигурой, от которого в плане политики многое что зависело), – после этого последовала немедленная зачистка всех державников-патриотов в верхних эшелонах власти страны – в партии и правительстве, в силовых структурах. Было понятно и обывателю, что дело идёт к развалу, к демонтажу, ибо защитить Советский Союз стало уже больше некому. И впереди их всех ожидает крах некогда могучей Советской Державы.

А значит, и новая жизнь на руинах СССР грядёт неминуемо – супруга Вадима, а перед этим сосед, здесь были сто процентно правы. Какая она будет? – Бог весть. Поди, узнай её заранее... Но к этой грядущей жизни, стремительно приближавшейся, хочешь, не хочешь, а надо было начинать го-

товиться загодя: психологически, в первую очередь, и социально. А для этого надо было осмелиться – и послать к чертям прежнюю привычную жизнь, знакомую, комфортную и счастливую, которую эти отчаянные и порядочные, но недалёкие гэкачеписты пытались, но не смогли защитить, и которая теперь на глазах, как водица из решета, утекала...

И первый самостоятельный шаг, на который решился Стеблов после проигрыша патриотов-путчистов, было твёрдое намерение уволиться, наконец, из НИИАПа – где он психологически просто уже не мог находиться из-за творившегося там бардака, где ему ужасно осточертело всё и обрыдло. Уволиться – и на вольные хлеба податься, дать нервам и душе успокоиться и отдохнуть, сбросить накопившееся напряжение. Ибо числиться старшим научным сотрудником со средним ежемесячным заработком в 500 рублей и ничего не делать вот уже больше года, слоняться по тёмным углам без всякого шанса оттуда выбраться ему становилось невыносимо... Поэтому решение это – уйти – спонтанным и необдуманным не было, зрело давно: ещё с середины 90-го года Стеблов себе новое место работы втайне подыскивал, с нужными людьми встречался, делал в разные места звонки.

Сердце ему подсказывало математику пойти преподавать в институт, что многие его товарищи-аспиранты и делали, и были счастливы, по их словам, на этом учебно-образовательном поприще. Уже даже и место тёплое тёща ему на-

шла в центре столицы, постаралась для зятя. Жила она на “Новослободской”, на улице Готвальда (ныне Чаянова) в 16-м доме, расположенном прямо напротив бывшей ВПШ (ныне РГГУ), где первые несколько семейных лет жил и Вадим с молодой женою (до того, как купил себе в Строгино кооперативную квартиру). Работала Клавдия Николаевна (тёща) заведующей аптекой на Селезнёвке, рядом с театром Советской Армии, – микрорайоне элитном, блажном, населённом крутыми дядями и тётями по преимуществу. Ввиду чего она имела многочисленные знакомства из-за дефицита хороших лекарств, хронического при коммунистах. Её многолетней подругой, между прочим, была народная артистка СССР Н.Сазонова, проживавшая в этом же доме, где располагалась аптека, и часто спускавшаяся вниз – поговорить по душам, потрепаться с сердобольной заведующей, на свою тяжёлую жизнь пожаловаться (у неё были большие проблемы с сыном), выпить по рюмочке коньяку. И таких знакомых у Клавдии Николаевны имелась тьма тьмущая... Одним из её постоянных клиентов был и проректор Московского химико-технологического института им. Менделеева, что на Миуссах, у которого серьёзно болела жена и который в аптеке тёщиной можно сказать “прописался”. К нему-то однажды она и обратилась с просьбой трудоустроить затосковавшего от безделья зятя, помочь род занятий тому поменять, на что проректор с готовностью и откликнулся.

Несколько раз с ним встречался Стеблов, обо всём вроде

бы договорился. И всё его на новом месте устраивало, главное: и график работы не обременительный, и то, что *математический анализ* он должен будет преподавать, который он хорошо знал и любил ещё со студенческих лет, с первых двух общеобразовательных университетских курсов. Одна серьёзная проблема была – деньги, которые при предполагаемом переходе он терял бы вдвое почти в сравнение с прежними заработками. А сажать на голодный паёк семью, привыкшую уже к сытой и широкой жизни, не очень-то и хотелось.

Это-то Стеблова и удерживало, главным образом, от перехода на новое место работы. Потому он долго так и тянул: всё прикидывал и выгадывал, надбавок лишних к окладу просил, – чем в итоге проректора и обидел. Сделка их сорвалась. Как не состоялась и заманчивая карьера преподавательская...

И к своему университетскому научному руководителю он ездил несколько раз с подобной же просьбой, *Свирежеву Юрию Михайловичу*, что, помимо профессорско-преподавательской деятельности в МГУ, ещё и заведовал лабораторией в МИАНе, был крупным советским учёным в области *математической генетики, биологии и экологии*, продолжателем дела Н.В.Тимофеева-Ресовского. С ним Вадим хорошо расстался после защиты кандидатской, время от времени перезванивался даже, встречался и по душам беседовал, науч-

ные и околонуточные новости обсуждал.

Но и там всё упиралось в низкие академические заработки, катастрофически низкие в сравнение с заработками советских инженеров-оборонщиков, на которые, опять-таки, не хватало сил перейти. И разговор их душевный, предельно честный и искренний, ничем, увы, в плане будущего совместного творчества не заканчивался, в воздухе повисал — ждал момента особого или случая...

Зато уж после разгрома ГКЧП Судьба подарила Вадиму шанс кардинально поменять профессию на другую, самую что ни на есть для новой жизни престижную и подходящую – начинающим предпринимателем стать, коммерсантом, как тогда говорили. А если поточнее и попонятнее – начать торговать на столичных многолюдных улицах импортными сигаретами и жвачкой, только-только тогда появившимися в Москве, которые шли на “ура”, как хлеб в голодные годы.

Произошло сие знаменательное событие так, если генезиса его кратко коснуться. Инициатором такой перемены решительной и крутой стал всё тот же сосед Николай, брат которого, профессиональный торгаш, выпускник Плехановки, перестройку горбачёвскую сразу же и всей душою принял, долго задумываться не стал о правде и смысле жизни – организовал свой собственный кооператив по торговле европейской и турецкой жвачкой, пивом баночным и сигаретами. Сначала сам за границу ездил с друзьями какое-то время, привозил душистую, но абсолютно пустую резинку мешками в Москву, сигареты коробками, пиво контейнерами, и с женой продавал потом это всё у метро с лотков, и очень даже успешно.

В конце бесславного, в целом, правления Горбачева это можно было делать легко и свободно: разрешение на торгов-

лю, согласно закону о кооперации, выдавали в два счёта столичные коррумпированные чиновники за небольшую мзду. А налогово-фискальных органов тогда ещё не существовало, совсем: их только планировали ещё создавать, только нужных людей подыскивали и правила их работы писали сонные чиновники министерств, не успевавшие за стремительно-развивавшейся жизнью.

И милиция к первым кооператорам особо-то не лезла с поборами и крышеванием, по незнанию побаивалась ещё их, как и всего нового и диковинного. Да и совестью, верностью делу и долгу, незамазанной репутацией тогда ещё дорожили служители правопорядка, сохраняя чистоту рядов в правоохранительных органах со сталинских славных времён, когда честь офицерская, мужественность и доблесть не были пустым звуком для тамошних рядовых, сержантов и офицеров.

Разве что перед кавказской и закавказской мафией, всеми этими упырями и “гнидами черножопыми”, обильно спустившимися с Кавказских гор в предвкушении богатой добычи, требовалось некоторый необременительный отчёт держать, которым все начинающие бизнесмены столицы регулярную дань платили. Но была она каплей в море в сравнение с их, молодых бизнесменов, баснословными и умопомрачительными доходами, величину которых реально посчитать и измерить со стороны не представлялось возможным: грузинам, чеченцам и ингушам, дагестанцам тем же мозгов и

знаний на то не хватало, да и элементарного экономического образования, опыта...

Словом, брат матерел и “пёр в гору” как на дрожжах на такой-то торговле беспощинной и бесконтрольной. Лакеев себе нанял довольно быстро, которые на него батрачили и челночили, нанял рабочих и продавцов, купил им доходные точки в центре Москвы возле станций метро, места их законной работы. Разбогател несказанно за год с небольшим всего, временный офис и склад заимел на Петровке напротив Пассажа, машин себе импортных, стареньких накупил – для торгового шика и понта. А всё оттого, что люди на его жвачку диковинную и пиво баночное с “курятиной американской” как голодные звери на мясо парное набрасывались, как метлой с прилавков мели. При коммунистах-то всё это было в диковинку и под запретом строгим: экономической диверсией почиталось, тлетворным влиянием Запада.

Потом он брата к себе позвал сразу же после путча, когда коммерсанты широко плечи расправили, победу свою почувяв, когда работы стало невпроворот, – определил его себе в помощники. А брат Николай, поработав снабженцем (коммерческим директором это стало тогда называться на новый манер, или менеджером) и новое дело всей душой возлюбив – ещё бы, такие деньжищи на голову сыпались! – позвал к себе маявшегoся от скуки и от безделья Вадима.

– Приходи, Вадим, не робей и не жди у моря погоды, – уго-

варивал он его весь сентябрь, когда дело проигравших гэкачепистов расследовали. – В нашем институте, поверь, долго теперь никто не задержится, не засидится. Скоро его вообще к ядрёной фене закроют. И что тогда делать будешь, скажи, с женой и двумя ребятишками?... А тут новое дело мы с брательником разворачиваем, за которым будущее, и которым у нас в стране никто не занимался раньше. Вообще никто! Прикинь! Мы – пионеры, курчатовы и королёвы зарождающегося российского бизнеса: прокладываем новый путь, раздвигаем горизонты сознания, а попутно шоры снимаем с глаз, что коммунаки народу навесили, буквально всё запретив, кроме науки, нефте- и газодобычи, и производства... Поэтому, фронт работы – неограниченный. Перспективы – ошеломляющие. Прибыль... прибыль такая, что страшно про неё вслух говорить, чтобы не вызвать ярость. Мы с братом деньги уже устали таскать и считать, не знаем, в какие углы и коробки их складывать. Людей катастрофически не хватает... Поэтому-то люди до зарезу нужны, надёжные, порядочные, проверенные и толковые, как ты, на которых смело можно было бы положиться. Так что, бросай давай наш Филиал гавённый и приходи, очень тебя прошу! – не пожалеешь. Пока ещё есть куда, пока столько мест свободных. А то других работяг найдём, а ты останешься с носом. Мы же не можем сидеть и ждать, пока ты надумаешь и отелишься...

И в октябре-месяце раззадоренный пропагандой Вадим, наконец, решился, когда уже окончательно стало ясно, что Союзу не сдобровать, и когда дела у них в институте стали совсем уж плохи. Написал заявление на расчёт, уволился и стал торговать с лотка импортным ширпотребом возле метро “Площадь Революции” и музея Ленина – самом доходном месте в Москве в смысле розничной торговли.

– Постой пока так, на свежем воздухе, – со знанием дела напутствовал его сослуживец-сосед, первый раз его и приведший к месту работы, всё ему там рассказав и показав. – Опыта поднаберись, поварись в нашей улично-торговой каше; да и задницу свою отяжелевшую разомни от прежней институтской сидячки. Точка эта самая лучшая, самая прибыльная и ходовая, знай. За неё у нас на фирме все продавцы насмерть бьются! И до офиса рукой подать – за товаром, если закончится, всегда прибежать можно... Когда же освоишься и заматереешь, вкус к торговому делу почувствуешь, к бизнесу, – тебя к себе в офис возьму: будешь моим заместителем. Такими делами ворочать начнём – чертям тошно станет! Палаток, магазинов по всей столице откроем штук сто, не хуже самого купца Елисеева. Чтобы и навар не меньше был, чем у него. А как же! Всё будет!... Шампанское будем ведрами пить вперемешку с колумбийскими ананасами, как

дворяне наши когда-то пили-гурманили, – помнишь?! Классиков наших вспомни – Бунина, Куприна, Алексея Толстого того же, – как они “вкусно” про те времена писали: со знанием дела, что называется, и богатым питейным опытом! И мы точно также станем жить и гулять, барствовать и развратничать напропалую.

– А что?! А почему нет-то?! Ну почему?! – слащаво и похабно стоял и скалился Николай, дорогой американской сигаретой затягиваясь, – коли коммунизм теперь не в почёте, а товарищей-гэкачепистов судят и травят как настоящих волков, или врагов народа. И если прежние советские равенство, братство и аскетизм с уравниловкой медным тазом накрылись – так, стало быть, по-другому жить и начнём, по-капиталистически. Нам, татарам, ведь всё едино – что водка, что пулемёт: лишь бы с ног сшибало!... Слуг себе заведём, Вадим, лакеев и шлюх длинноногих, молоденьких, которые нас за доллары как леденец оближут. Таковую с ними карамболь закрутим, у-у-ух!!! Дадим им, сучкам продажным, жару! Эти шлюшки похотливые ещё от нашей любви взвоют! кипятком сосать начнут, в истерике биться! – умолять, чтобы их в покое оставили, не мучили сильно! Затрахаем их с тобой до смерти! Да-а-а?!... Грузинам и чеченам их трахать можно, видите ли, и в хвост, и в гриву, и в другие интимные места, а нам, русским хлопцам, нет. Почему, а? – ответь. Почему такая дискриминация по национальному признаку? – непонятно... наших русских красавиц, подумай и ужаснись, Ва-

дим, теперь одни только черножопые нацмены и трахают-то по притонам и кабакам, прямо-таки монополию на наших тёлочек установили, взяли их будто в полон. А мы, хозяева-москвичи, ходим и облизываемся, слюнки пускаем, как дети малые завидуем им. Презервативы использованные собираем и трусики рваные по чердакам и подъездам, порно-кассеты смотрим и продаём, а по вечерам онанируем втайне и вырождаемся как мужики... Нет, всё, кончилось кавказское засилье на Святой Руси и сексуальное над нашими женщинами издевательство-рабство. Теперь мы сами с тобой развратничать и развлекаться станем, паря, сами своих девок любить! Хватит по ночам на койках лежать и дрочить как пацанам желторотым, “солод” напрасно гнуть. Хватит!

—...Ну, чего глядишь так смурно?! и чего стоишь, супишься?! Не доверяешь мне, да?! Зря! Ведь так оно всё и будет – увидишь, поверишь мне, поработав у нас с недельку. Особенно, первые денежки на руки когда получишь, а потом пойдёшь и с шиком потратишь их, – не на шутку разойдётся и разговорившись, блудливо улыбался сосед, на Стеблова лукаво посматривая. – Пердуны-коммунисты из Политбюро старую жизнь просрали-профукали – ну и х...р тогда с нею, тьфу на неё. Пропади она пропадом! Не надо, Вадим, не стоит сопли по прошлому распускать, плакаться и канючить. Последнее это дело, поверь, не достойное мужиков настоящих. Давай уж лучше с тобой новую жизнь попробуем взять под уздцы, как меня мой брательник учит. И на греб-

не её мощной волны попробуем на самый верх вознестись – чтобы хозяевами, а не рабами стать, господами, а не лакеями... Мы с тобой ещё очень молоды, Вадим, и, слава Богу, здоровы. Поэтому, можем всего добиться, коль того захотим. Главное, не зевать, не ждать у моря погоды. И побыстрее начинать крутиться, пока другие ещё не чухнулись, ещё в раздумье находятся. Вот и надо лучшие куски успеть себе отхватить, пока страна ещё лежит на печке и животы чешет...

– Обратной дороги нет, и не будет – пойми, – завершил Николай ту памятную возле музея Ленина беседу. – Нового Иосифа Виссарионовича Сталина России ещё долго ждать и молить придётся. Глыбы, подобные ему, титаны-строители раз в столетье рождаются... Да и не надо ничего строить-то пока, Вадим, – вот в чём главная штука-то заключается. За семьдесят прошлых лет такого уже понастроили деды и родители наши! – что страшно становится! Хватит!... Пусть лучше уж измученный и измождённый русский народ от прошлого Имперского велико-державного строительства пока отдохнёт, десяток-другой годков попьанствует, дурака поваляет, силёнок себе накопит, на завалинке сидячи. И это надо, согласишься, – посидеть в тишине и отдохнуть, сил набраться... А потом уж видно будет, куда выгребать, и чем нам всем в будущем предстоит заниматься...

В общем, соблазнившись такой вот перспективой радужной и захватывающей, и особенно-денежной, 33-летний кандидат физико-математических наук Вадим Сергеевич Стеблов и начал в конце 1991-го года новую вольную жизнь в качестве бизнесмена, торгаша сигаретами, пивом и жвачкой, которая – жизнь, понимай, – ему на первых порах очень даже заманчивой и стоящей показалась.

И то сказать: свобода действий полнейшая, которой его ещё не уволившиеся сослуживцы-инженера могли только лишь позавидовать. И ни тебе начальства нудного и привязчивого и пустопопорожных планов; ни пессимизма хронического и хандры; ни опостылевших душных и тесных комнат, коридоров, курилок, испытательных Стендов и АЦК, под завязку забитых, как банки со шпротами, ошалевшими от скуки бабами и мужиками в белых крахмальных халатах. Сотрудниками и сотрудницами Филиала, то есть, молодыми и старыми, обыкновенными и блатными, образованными и безграмотными, всякими, не знающими, чем себя целый день занять и как убить время, представляете! Отчего все они становились совершенно дикими и несимпатичными день ото дня от хронического безделья и безысходности, от осознания собственной пустоты и ненужности впереди, никчёмности. И, как следствие, – нервными, злыми и агрессивными.

сивными, невыносимыми для других, некоммуникабельными, галдящими как голодное зверьё, и только кости друг другу перемывающими. Со стороны за ними наблюдать было и больно, и мерзко, и чрезвычайно противно...

А тут, в коммерции, не так: тут изначально всё было разумно, правильно и достаточно справедливо устроено, по чести и по уму. Бездельников и захребетников в торговом деле не могло быть в принципе, как и в любой частной лавочке, маленькой или большой, посреднической или производственной: хозяин денежки никому просто так платить не станет, нахлебников у себя держать. Это – основа основ бизнеса, золотое правило его: не плодить дармоедов.

И не мозоли тут люди друг другу глаза, не надоедали, не портили настроение сплетнями, склоками и каждодневным присутствием – потому что друг друга не видели почти, не пересекались, и мало совсем общались и разговаривали. Некогда было, и незачем. Не до того. Приехали, получили рано утром товар на складе – и на улицу, в центр Москвы: работать самостоятельно, без кнута, прибыль хозяину и себе добывать, кусок хлеба. И любоваться попутно столичными пейзажами и красотами, которых не увидишь из окон НИИ, как ни пытайся.

А на улице хорошо – солнечно, светло и вольготно. Там людишки вокруг тебя проворными толпами крутятся, как бестолковые куры возле зерна снуют. И все перед тобой ле-

безят и расшаркиваются как перед представителем новой жизни, до которой многие не доросли, которую ещё просто боятся. Но, однако же, чувствуют и её громкую твёрдую поступь на горизонте, и неизбежный её приход... Оттого-то и поглядывают на тебя с уважением – молодого, красивого и богатого, не испугавшегося тёплое место на шумную улицу променять, с её непредсказуемостью, капризами погоды и криминалом. Ты для них – первопроходец отчаянный, удалой, открыватель “новых земель”! – как какой-нибудь храбрый казак из Ермакова войска или из свиты доблестного воеводы Хабарова, как тот же Миклуха Маклай или Афанасий Никитин. Как и они в своё время, ты всё бросил, собрался тихо, самостоятельно; потом с женою, с семьёй попрощался – и в путь. А там – будь что будет, как говорится.

«Поживём-де по-нашенски, по-древнерусски: широко и привольно, со смыслом, – в дверях озорно будто бы улыбнулся всем, и потом добавил глубокомысленно: – Не таракан же я, в самом деле, не гнида порточная, не упырь, чтобы за печкой всю жизнь просидеть-промаяться, не принеся никому никакой выгоды, пользы, добра. А как умирать-то тогда, скажите, посоветуйте, люди, с такими чёрными мыслями и настроением, и скотским житьём-бытьём?! Да ещё и к себе самому презрением?!... Нет уж, извините, как говорится, и поймите правильно. Не осуждайте, не поминайте лихом, милые мои родители, родственники и друзья. И простите, если сможете, за всё, за всё – за слёзы будущие и печаль, и долгую

и изматывающую разлуку. А я поеду смысл жизни для себя искать и голубке-душе успокоения и комфорта».

После чего будто бы бодро из дома вышел – и на коня.

«Бог-де не выдаст, свинья не съест, – на дорожку мысленно сам себя подбодрил-подзадорил крёстным знаменем, на жеребце молодом по-хозяйски усаживаясь. – Чего от ма-тушки-жизни прятаться-то, ну чего? Не желаю трусом и тварью дрожащей встречать красавицу-Смерть, неотразимую, холодную и очень гордую, равнодушную к воплям, стонам и слезам людским, предельно-беспощадную и безжалостную... Но только тот, кто Её не боится, не гнёт голову и не вопит заунывно, и попадает в Рай. Иного пути в Божье Царство, в Бессмертие нету, не существует...»

Именно так, в таком приблизительно ореоле геройском многие растерянные москвичи и воспринимали начинающего коробейника Стеблова, ново-русского ухаря-купца, расположившегося на пяточке между Красной площадью и гостиницей «Москва», – это хорошо по их глазам прищуренным было видно: ошибиться было нельзя. Отсюда – и уважение тайное, зависть у взрослых и молодых, у обнищавших мужчин и женщин.

Приятно было наблюдать, чёрт возьми, особенно – в первое время, как люди подходили к нему осторожно, смотрели изумленными глазами минуту-другую на его диковинный заморский товар... и потом робко так спрашивали-интересовались: а какую-де жвачку лучше купить – не подскажите? какое пиво попробовать? сигареты какие выкурить? Вы сами-то, дескать, что жуёте и курите? Просветите пожалуйста, подскажите, мил-человек: для нас это всё в диковинку и в новинку... Да и стоило тогда это всё очень и очень дорого: сразу-то всего не купишь, не приобретёшь, что купить и приобрести хотелось. Вот и приходилось москвичам выбирать, тратить на самое лучшее.

А он стоял в окружении их как Гулливер среди лилипутов или как фон-барон, вроде как всё уже и попивший и покупивший, всем этим импортным барахлом пресытившийся, и

несведущим покупателям этак свысока советовал со знанием дела: для начала попробуйте это, мол, попробуйте то; понравится – придёте ещё, я вам что-нибудь ещё порекомендую: мне, мол, из-за границы, из Америки или Европы той же, другое что-нибудь подвезут, получше и повкуснее. В общем, вёл себя с ними так, будто бы сам всё это давно прошёл – импортной жвачкой будто пресытился и набил оскомину...

На людей это действовало потрясающе, такое его поведение менторское и чуть снисходительное. И они начинали перед ним пуще прежнего гнуться и лебезить, проворно доставать шуршащие рублики из кошельков, его теми рубликами трудовыми одаривать. И столько этих рубликов и червонцев набиралось за день, что под вечер Стеблов приходил на фирму, по виду напоминая азиатский курдюк, до краёв деньгами набитый; и долго потом их вытаскивал из разных мест, долго раскладывал и считал на пару с товароведом. А, сдав, наконец, выручку, сразу же получал себе десятую часть от дохода и ехал домой с полным карманом денег, количество коих за один раз многократно превышало его прежнюю месячную зарплату.

Такое количество денег кружило голову, гордостью распирало грудь. А у кого бы не закружило, скажите?! Одиночный день постоял на лотке у Кремля – и уже можно было вечером зайти в любой магазин, хотя бы даже и Елисейский, и что хочешь там себе закупить на глазах изумлён-

ных зевак, не оглядываясь на ценники, на количество. Заработанных за день денег ему хватило б на всё: сырокопченую колбасу и икру, дорогие сыры и конфеты. И ещё осталось бы на шмотки и на шампанское – вот ведь сколько платили за жвачку, пиво баночное и сигареты “Magna”, какая пёрла в те первые торговые дни деньга, с которой дуревшие продавцы не знали что им и делать.

Вот когда Стеблов прелесть шальных и бессчётных денег впервые по-настоящему почувствовал и оценил; понял, почему многие люди так настойчиво стремятся к ним, жизни за них кладут, не жалеют. Большие деньги в кармане – это гордость великая за себя, реальная сила и власть, возможность жить как хочу, как вздумается, и, как следствие, – особое положение в обществе. Это экономическая свобода и огромное самоуважение, наконец, – не ребяческое, не напускное, не театральное, – без которого не существует личности...

Первый месяц, поэтому, он, молодой бизнесмен-коробейник, на кураже прожил, чрезвычайно довольный собой и новой своей работой. Прежний его институт на фоне Красной площади и Кремля, рядом с которыми он торговал регулярно и куда на прогулку частенько ходил воздухом древним дышать, любоваться седыми красотами, – институт стал казаться Стеблову тюрьмой, спрятанной за высоким забором в глуши Филёвского парка. Или местом, если помягче, про которое он и слышать уже не желал, куда не планировал возвращаться. Шальные деньги застили ему первое время всё, которые на него валом сыпались...

Особенно густо и мощно денежки пёрли под Новый 1992-й год, когда озверевший от полного отсутствия товаров народ всё буквально сметал с прилавка, даже и пустые заморские фантики и этикетки. В этот момент особенно урожайный Стеблов даже и жену на помощь призвал, которая его дневную выручку сумками по несколько раз на фирму, таясь ото всех, таскала, пока он стоял – торговал, окружённый оголодавшими покупателями. За предновогодние десять дней он, помнится, такой куш сорвал, столько денег себе заработал, сколько в институте своём не зарабатывал и за несколько лет; и семью такими подарками завалил, которые те, отродясь, не видывали.

Стебловы были чрезвычайно довольны мужем своим и отцом, и при каждом удобном случае его перед родственниками и знакомыми славили как кормильца крепкого, защитника и мужика, за которым-де они как за каменной стеной живут и горюшка себе не знают. Это было особенно важно именно в тот момент – *конец 91-го, начало 92-го года*, – когда расправившийся с Горбачевым Ельцин руки себе окончательно развязал и уже остервенело принялся крушить и грабить саму Россию...

Глава 10

«Не раз великая Империя наша приближалась к краю гибели, но спасало её не богатство, которого не было, не вооружение, которым мы всегда хромали, а железное мужество её сынов, не щадивших ни сил, ни жизни, лишь бы жила Россия» /М.О.Меньшиков/.

1

Первое, что сделал Борис Николаевич в качестве нового хозяина Кремля, – это дал отмашку *“правительству реформаторов”* во главе с Егором Гайдаром начать проводить в жизнь в 1992-м году знаменитую *программу либерализации цен и приватизации*. Сиречь *программу тотально-го разграбления нажитого советским народом за всё послевоенное время добра*, если перевести эту замысловатую формулировку на простой и понятный язык, и *превращения “новой свободной России”, России Бориса Ельцина, в колонию Запада...*

Следствием той людоедской и совершенно дикой программы стала немедленная разбалансировка и разрушение всей прежней кредитно-финансовой системы страны. А дальше – галопирующий и ежедневный рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, равно как и на промышленные товары вообще, чего отродясь не было; невыплаты пенсий, пособий, зарплат, всеобщее обвальное обнищание населения. И, как итог, массовые самоубийства граждан от полной безысходности и нищеты, что по стране широкой волной прокатились и оставили после себя ужасающий *“людской бурелом”*, который можно отчётливо теперь проследить по кладбищенским захоронениям.

Уже в январе-месяце цены на основные продукты и хлеб увеличились в сотни раз, после чего того же хлеба вдоволь купить и наестся стало сложно даже и работающим горожанам. Про мясо, котлеты и колбасу, молоко, сыр и рыбу и говорить не приходится – они стали доступно лишь очень богатым и оборотистым людям, да ещё коммерсантам и кооператорам – “новым русским”, как их тогда за глаза называли все. Люди же со средним достатком и бедняки начали *голодать*, в прямом смысле этого слова, выходить на улицы массово и за безценок распродавать припасённые вещи свои, посуду, хрусталь и книги – чтобы хоть как-то концы с концами свести, а порою и просто выжить.

Рубль стремительно обесценивался как денежная единица и уже никому не был нужен и интересен – даже и внутри страны. Республика Татарстан, например, стремясь избежать экономического хаоса и коллапса, уже даже намеревалась вводить в оборот свою собственную денежную и кредитно-финансовую систему с прицелом на отделение, на обретение полной самостоятельности – финансовой, экономической и политической.

Ближе к весне бывшие советские деньги и вовсе превратились в бумажки, в мусор. Россия повсеместно переходила на бартер, на товарообмен. На многих предприятиях уже даже и зарплату работникам начали выдавать водкой и мукой, гречневой крупой и сахаром...

Это было так ново всё, непривычно, дико и неожиданно, и неприятно очень после коммунистической райской стабильности и уверенности в завтрашнем дне, — это не укладывалось ни в чьей голове и сознании. Молодая российская демократия, с хвалёного Запада занесённая, уже с порога показывала доверчивым русским гражданам, прежней тихой и спокойной жизнью избалованным до крайности, своё всепожирающее нутро — алчное, хищное и бессердечное. От которого всем сразу же захотелось спрятаться куда-нибудь, убежать. Как убегают обычно люди от внезапно налетевшего смерча, грозящего опешившим и растерявшимся россиянам большой бедой, а то и вовсе страшной, смертельной опасностью.

Да только бежать-то им было некуда, одураченным, — вот в чём проблема-то вся заключалась! Куда убежишь и спрячешься на стремительно-тонущем корабле?!...

Горбачёвский хронический дефицит сменился ельцинским изобилием (как и при НЭПе в 1920-е годы, помните), которое не очень-то и радовало глаз россиян, нищавших и опускавшихся по часам и минутам. К весне 1992-го года, повторим, гайдаровская *шоковая терапия* и безудержная инфляция съели у народа все сбережения и накопления, до копеечки. Нищий народ оказался действительно в шоке и не мог понять, что такое вокруг творится и происходит с их некогда огромной и богатой страной? И почему их всех так

пошло и грубо, не боясь никого и ничего, ограбили? Власть-то в России есть или нет? Кто-то за этот циничный и подлый грабёж ответит?...

Подобного рода вопросы при встречах растерянно задавали детям своим и до нитки обобранные и ограбленные в одночасье родители Вадима Стеблова, у которых, до переезда в Кремль Бориса Ельцина и начала реформ, лежало на книжках в сберкассе по 12 тысяч твёрдых советских рублей, что оба они старательно целую жизнь копили, отказывая себе во всём – в надежде, памятуя о голодном детстве и юности, обеспечить себе спокойную и безбедную старость хотя бы, сытую и привольную. Оба верили, что так оно всё и будет. А иначе как?! Ибо эти их сбережения трудовые, не жульнические и не спекулятивные, были огромными суммами на рубеже 1980-х-90-х годов: четыре автомобиля “Жигули” первой модели гипотетически можно было бы на них купить, или же две машины “Волга”.

И вдруг к весне 1992-го года их совокупные 24 тысячи превратились в пыль, в копейки нищенские, гробовые, на которые можно было приобрести в магазине разве что два батона хлеба, не больше того. Так что про сытую и спокойную старость родителям Стеблова можно было смело опять забыть. Как и про накопленные сбережения, которые, оперативно и умело переведённые в доллары, шекели и золото, в иностранных и российских банках густо осели, на счетах

новой российской знати из окружения первого президента страны.

Хорошую “программу” придумали Ельцин с Гайдаром, не правда ли? — что позволила им так ловко и нагло, и профессионально, главное, всех россиян обчистить, объегорить, обуть! Ну и как, скажите, двум этим реформаторам-махинаторам за такую-то их подлую и подрывную работу на Западе было в ладоши не хлопать?! А в ограбленной и порабощённой России не ставить белоснежных мраморных памятников по стране?!...

Родителям Вадима ещё “повезло”, если так можно выразиться: их украденные 24 тысячи не были рекордной суммой, потерянной навсегда. Куда хуже и больнее, и горше, как теперь представляется, в психологическом плане было их соседу по дому – хохлу Сапроненко Александру Александровичу, например. Дяде Саше, как Вадим его всегда называл, с детьми которого провёл всё своё детство и отрочество.

Так вот, дядя Саша этот в начале 70-х годов завербовался с кем-то из города на Чукотку: за *длинным рублём* подался, как в народе тогда говорили, – работал там долгое время шофёром в совершенно диких условиях и местах, в темноте и мерзлоте вечной. Где только олени и чукчи одни и выдерживают, как известно, и больше никто, и где солнышко лишь месяц в году светит. А когда приезжал в отпуск раз в два года, – всё, бывало, хвастался перед соседями, трепло длинноязыкий, крутыми ежемесячными заработками под тысячу рублей. Представляете, какие деньжищи там человек огребал, которые ему там и тратить-то было негде!... Тратить их он намеревался здесь, в Европейской части России. Уверял, что вот, мол, ещё чуть-чуть поработает и потерпит, на цинготной рыбе и оленине там проживёт, а потом уволится-де оттуда к чёртовой матери, деньги под расчёт получит – и поедет с семьёй жить в родную Хохляндию, по которой он здорово

тосковал, куда в разговорах непременно вернуться стремился. Всё мечтал и надеялся, чудачок, что дом себе там трёхэтажный купит, новую машину “Волгу”, только с конвейера спущенную, – и будет жить-поживать где-нибудь под Мариуполем-Ждановым на берегу Азовского моря, греть обмороженные косточки под тёплым украинским солнцем, есть сало с галушками, пенное пиво пить – и в ус не дуть, не печалиться. Мечтал и загадывал, словом, как тот известный *музик на огурцах* (у которого потом огурцы украли).

Бросить Чукотку он намеревался и после пяти лет работы, и после десяти, и после пятнадцати – да всё никак не бросал, не решался бросить. Уж больно до денег был жадный и алчный, этот хвастливый хохол: мечтал их все увезти оттуда, по-видимому, ни копейки другим не оставить. А когда, наконец, собрался, проработав там двадцать лет, – весь больной, измождённый, худой, высушенный до посинения, – то ему, бедолаге, как раз Егорка Гайдар дорогу и перешёл, всего его там до трусов по-либеральному обобрав и до нитки либерализацией цен обчистив. Еле-еле на обратный билет да на железнодорожный контейнер дяде Саше заработанных денег только тогда и хватило, чтобы нажитое там за 20-летнее пребывание кое-какое добро на родину перевести: гардероб дубовый, кухонный гарнитур с посудой, диван продавленный и кровать, одежду ношенную-переношенную. Наверное, можно б было всю эту рухлядь и барахло там, в Анадыре, и оставить – чукчам на разграбление, – не гнать через всю страну,

не тратить последние деньги. Да уж больно скупым и охочим, повторимся, был дядя Саша даже и до барахла: с дерьмом не желал расставаться.

И вышло всё так, в итоге, что хуже и не придумаешь: с чем уехал на заработки когда-то, с тем и вернулся домой их трепливый сосед-фантазёр, в обшарпанную свою квартиру. Если не считать ветвистых оленьих рогов – его единственное стоящее чукотское приобретение. Их он по возвращении у себя над кроватью повесил – в память о загубленной на далёкой Чукотке жизни и о проделках своей жены, которые та, живя 20 лет одна, в городе у них вытворяла. Про родную солнечную Хохляндию ему надо было срочно забыть. Как и про новую машину “Волгу”. Всё немаленькое богатство его – около двухсот тысяч рублей даже и по самым скромным подсчётам – прямым ходом в карманы к Ельцину с Гайдаром и их поделникам и перетекло, на счета в коммерческие банки, которые тогда как грибы после дождя росли, которые как на дрожжах поднимались, пухли и здоровели.

Покрутился до нитки обобранный дядя Саша с полгодика дома, горем, тоскою убитый; походил очумело по городу и по двору в старой ондатровой шапке да в потёртом полушубке овчинном (который он ещё перед отъездом на север купил и в котором так назад и вернулся); послушал ядовитые насмешки соседей, родственников и жены, кто ежедневно над ним как над дурачком-простофилю потешались, просвистевшим-профукавшим всё, что только можно было

профукать, – а потом взял да и умер с горюшка от обширного инсульта, три дня провалявшись в коме. Не смог человек отобранных денег и порушенной мечты пережить, как и впустую оставленных на Чукотке сил и здоровья, жизни.

Да ведь и вправду сказать: ободрали его новые власти как липку, или как *волка позорного*, ежели говорить их разбойничье-воровским языком. И сколько было таких вот бедолаг обобранных и униженных по всей России? – не сосчитать. Примеров можно здесь привести многие и многие тысячи. Времени только жалко – и своего, и читательского, – и бумаги...

В целом же, при Е.Гайдаре жить становилось невыносимо-тяжко всем честным гражданам новой и “свободной” России: и тем, кто работал, и тем, кто уже был на пенсии. Работающим платили гроши в сравнение со стремительно растущими ценами, которые индексировать не успевали, а возможно и не хотели даже: как можно правильно оценить и проиндексировать то, что каждый Божий день меняется?! А пенсии, тоже копеечные, стали задерживать регулярно по многу месяцев кряду, чего при коммунистах не было никогда, что являлось для прежней жизни нонсенсом. Неработающие пенсионеры начали с голоду пухнуть и вымирать; в первую очередь те, кто бобылями жили, и у кого огородов с дачами не было, собственных садов, что обеспечивали их хозяевам подножный корм и сносное существование.

А теперь представьте себе, читатель, каково было жить безработным по тем или иным причинам гражданам. Людям предпенсионного возраста, например, кого безжалостно сократили со службы, или кто вознамерился работу в этот роковой момент поменять. И с одного места он взял и уволился сдуру, а в другое не смог, не успел попасть. Или же одиноким женщинам с грудными и маленькими детьми, кто вольно или невольно выпал из поля государственной деятельности и опеки, лишился социальных пособий и льгот от новой “демократической власти”. Подумайте и представьте, каково было им остаться “на улице” без единой копейки в кармане, с голодом и холодом один на один, с нищетою! Такие накладывали на себя руки дружно, своих голодных детишек продавали и убивали, не в силах отчаяние с безысходностью пережить. Как и недоедание ежедневное, и ежедневный же сумасшедший рост цен, который страшно нервировал, сводил с ума, и которому конца и края не было видно.

Количество смертей и самоубийств в это жуткое, воистину сволочное время, как уже говорилось, приняло массовый характер, что было сродни эпидемии, и о чём демократическая печать, радио и ТВ упорно теперь молчат, словно воды в рот набравши. Они, демократы российские, абсолютно-коррупцированные, жуликоватые и продажные, только о “зверствах” Сталина могут до потери пульса визжать, о родном и любимом ГУЛАГе. Зверства же и ужасы режима Ельцина они в упор не видят: пытаются их мифической демократией,

“свободой слова” и “правами человека” прикрыть как листиком фиговым, или красочной этикеткой от жвачки...

О тяжёлой участи оставшихся не у дела людей той поры добровольный уход из жизни прекрасной русской поэтессы *Юлии Владимировны Друниной* ярко свидетельствует. Чудной и милой женщины, умницы и красавицы, которая, обладая тонкой душевной структурой, совестью пушкинско-лермонтовской, честью, да ещё и будучи дамой беззащитной и беспомощной с юных лет, но очень и очень гордой на удивление, очень порядочной, так и не смогла перенести то ужасное время – наложила на себя руки. Но перед тем, как уйти, оставила России стихи, которые уже вовсе и не стихи получаются как таковые, не рифмоплётство продажное, не заработок, не сочинительство, – а **Господу Богу трепетная молитва, благодарная исповедь или предсмертный отчёт. Каковыми были и предсмертные стихи Есенина, Рубцова, Талькова, лучшие рассказы Л.Толстого, Чехова и Шукшина.** И одновременно – это иуде-Ельцину приговор с его продажным премьером Гайдаром, оценка их подлой и людоедской работы.

Мы приведём здесь некоторые из них полностью вместе с предсмертным посланием – для тех, кто любит Россию и хочет полную правду узнать про ужасы того сучьего и волчьего в целом времени. Это крайне важно, поверьте. Хотя бы потому уже, что эти замечательные стихи только один раз

всего в оппозиционной газете «День» и появились-то. После чего их изъяли из обращения новые антирусские власти. И, скорее всего, навсегда. Жалко!

Так вот, *«...Почему ухожу?»* – написала она в предсмертной записке, что была обнаружена следователями на её рабочем столе рядом с томиками Пушкина, Лермонтова, Есенина и Рубцова. – *По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно только имея крепкий личный тыл...»*

А вот и сами стихи, почитайте, вдумайтесь, оцените и насладитесь, и запомните их навсегда – детям и внукам своим передайте!... А ещё помолитесь о ней, замечательной русской женщине-поэтессе с талантом, какого ещё и среди поэтов-мужчин надобно поискать:

Судный час

Покрывается сердце инеем – очень холодно в Судный час...

А у Вас глаза как у инока – я таких не встречала глаз.

Ухожу, нету сил. Лишь издали (всё ж крещёная!) помолюсь

За таких вот, как Вы, – за избранных удержат над обрывом Русь.

Но боюсь, что и Вы безсильны. Потому выбираю смерть. Как летит под откос Россия, не могу, не хочу смотреть!

* * *

Вот и нету ровесников рядом – не считаю я тех, что сдались.

Почему им “под занавес” надо так цепляться за “сладкую жизнь”?

Разве гордость дешевле опалы? А холуйство – спасательный круг?...

Я устала, я очень устала оттого, что сдаются вокруг.

* * *

Пусть было черно и печально, пусть с разных палили сторон -

Не скажет надутый начальник, что шла я к нему на поклон.

Порою казалось, что силы кончаются, но никогда

Я даже друзей не просила – была и осталась горда.

Шагаю по белому свету, порой пробиваюсь сквозь тьму,

Считая присягой лишь это: “Жизнь – Родине, честь – никому!”

Запас прочности

До сих пор не совсем понимаю, как же я, и худа, и мала,

Сквозь пожары к победному Маю в кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы даже в самых слабейших из нас?...

Что гадать! Был и есть у России вечной прочности вечный запас.

* * *

*Только вдумайся, вслушайся в имя “Россия”!
В нём и росы, и синь, и сиянье, и сила.
Я бы только одно у судьбы попросила -
Чтобы снова враги не пошли на Россию.*

* * *

*Я музу бедную безбожно
Всё время дёргаю: – Постой!
Так просто показаться “сложной”,
Так сложно, муза, быть “простой”.
Ах “простота”! – она даётся
Отнюдь не всем и не всегда -
Чем глубже вырыты колодцы,
Тем в них прозрачнее вода.*

Перед закатом

*Пиджак накинул мне на плечи – кивком его благодарю.
“Ещё не вечер, нет, не вечер!” – чуть усмехаясь, говорю.
А сердце замирает снова, вновь плакать хочется и петь.
...Гремит оркестра духового всегда пылающая медь.*

И большие ничего не надо для счастья в предзакатный час,

Лишь эта летняя эстрада, что в молодость уводит нас...

Уже скользит прозрачный месяц, уже ползут туманы с гор.

*Хорошо уса́тый капельмейстер, а если проще – дирижёр.
А если проще, если проще: прекрасен предзакатный мир! -
И в небе самолёта росчерк, и в море кораблей пунктир.*

И гром оркестра духового, его пылающая медь.

...Ещё прекрасно то, что снова мне плакать хочется и петь.

*Ещё мой взгляд кого-то греет, и сердце молодо стучит...
Но вечереет, вечереет – ловлю последние лучи...*

Приблизительно в это же время по срокам наложил на себя руки и писатель-патриот В.Кондратьев, не в силах разграбление и унижение милой Родины пережить, которую он после войны с жаром из руин восстанавливал. И сколько было таких самоубийц-патриотов по всей стране, у кого силы и нервы сдали от осознания надвинувшейся беды и собственного своего бессилия. Попробуй их всех сосчитай, всех перечисли!...

Против разрушительных антинародных реформ Ельцина и Гайдара патриотическая Россия поднялась и ошестинилась сразу, в первый же год. В особенности и в первую очередь – древняя столица её, Москва, вперёд всех, как всегда, почувствовавшая надвинувшуюся угрозу *Русскому миру* и вставшая на защиту страны от губительной западной демократии. Как вставала она когда-то на Куликовом и Бородинском полях, а позже, в лице мужественных стрельцов, – против оголтелого и дикого *Петровского чужебесия*. Уже 23 февраля 1992 года, в день Советской Армии и Военно-Морского флота, святой светлый праздник для всего русско-советского воинства, в Москве прошла многотысячная демонстрация протеста против затеянных кабинетом Гайдара реформ, которую властям столицы с трудом удалось подавить с помощью только что созданного ОМОНа. Было много раненых с той и другой стороны. Может быть – и убитых. Пролилась первая в правление Бориса Ельцина кровь: торговавший в центре столицы Стеблов, быстро свернувший работу, но не ушедший домой, тогда всё это отлично видел.

И после этого пошло-поехало как под копирку – “сорвался камень с горы”, и “душа понеслась в рай”, не ведая сомнений и страха. Антиправительственные демонстрации следовали в столице одна за другой, усиливаясь раз от разу коли-

чественно и качественно. Сиречь: радикализацией требований, которые из экономических быстро переросли в политические – в требование отставки всего кабинета министров с Егоркой Гайдаром во главе, который обнищавшим и оголодавшим за зиму москвичам был уже словно кость в горле. Особенно мощные и многолюдные демонстрации прокатились по Москве в мае-июне, когда началась пресловутая **программа приватизации** советской общенародной собственности. И на передний план выступила из тени зловещая фигура гайдаровского помощника и сподвижника Чубайса Анатолия Борисовича, “известного экономиста”, естественно, убеждённого рыночника и бравого реформатора-западника, кто, собственно, за ту приватизацию и отвечал перед заокеанскими финансовыми воротилами, и кто фактически и правил страной за спинами марионеточных Гайдара и Ельцина.

А.Б.Чубайс – человек решительный и волевой, безпринципный, умный, циничный, самоуверенно-нагловатый, как и все революционеры, с длинным как кнут языком, – был ключевой фигурой в правительстве Ельцина, *серым кардиналом* его или *смотрящим* от Тайного Мирового правительства, масоном самой высокой степени, вероятно, Мастером или даже Гроссмейстером, проводником разрушительных интернациональных идей, какими были в правление Горбачева А.Н.Яковлев, при Брежнев – Юрий Андропов, при Ленине – Лейба Троцкий-Бронштейн, при Сталине – Каганович

и Мехлис. Это всё вещи известные и очевидные для историков. Хотя и не принято про это писать, не полагается — если сказать точнее. Его, Чубайса, правильно и уместно будет с часовым механизмом на Кремлёвских курантах сравнить, который хотя и не видно с улицы через непроницаемый циферблат, но который крутящимися по кругу стрелками и управляет, по сути.

Так всё и было в Кремле все 1990-е годы, если метафору в сторону отложить, точно так. Именно через Анатолия Борисовича западный олигархат проводил в России свою колониационную политику, осуществлял тотальный грабёж страны, стальной намордник на русских граждан в очередной раз набрасывал в виде различных общественных организаций, иностранных компаний и фондов, частных банков, фирм и контор, и подконтрольного же себе правительства. Чубайс был в этом порабощении и ограблении, в расстановке нужных и верных людей безусловно главной и особо-важной фигурой... Оттого-то и опекали его западные спецслужбы больше и надёжнее всех, прямо-таки горой за него стояли как за сыночка родненького и единственного, безкомпромиссно и горячо поддерживали в самые критические минуты, не давали в обиду. В отличие от тех же Ельцина и Гайдара, которых за мальчиков для битья держали, за ширму или громоотвод, роль и участь которых в большой Российской политике была достаточно узка и жалка, и поверхностна, как и у всякой ширмы.

Чубайс же был личностью, “шахматным королём”, заводилою-режиссёром; особо-секретным и особо-эффективным оружием Запада в борьбе с патриотической Россией. А ещё – таким мозговым аналитическим центром или живым компьютером, с одной стороны, просчитывавшим сложнейшие в битве за власть варианты; а с другой – мощным и безотказным насосом, качавшим в американские и европейские банки богатства нашей страны, превращавшим страну в колонию, в резервацию.

Поэтому-то именно ему и была доверена важнейшая программа *приватизации* (как в своё время Троцкому – программа *национализации* всей бывшей собственности Царской России). Именно он, Чубайс, стал её *крёстным отцом* и *проводником-вдохновителем*.

Ни Ельцин и ни Гайдар, заметьте, ни кто-то другой из либеральной Кремлёвской тусовки подобной чести не удостоились...

Теневым лидером *новой России* Анатолий Борисович сделался не *по щучьему велению*, разумеется, не за красивые глазки и не за один день. Это должно быть понятно каждому. Перед тем, как встать на такую крутую, денежную и архиважную должность стратегического значения, ему необходимо было “пуд соли съесть” и в деле себя показать, предъявить хозяевам-кукловодам все наличествующие таланты и “карты”, знания, умения и способности.

Он это и сделал с успехом, и был молодцом. Попыхтел, покрутился какое-то время, силы и волю напруг, разум – и предстал перед *сильными мира сего* как безусловный крепкий вожак, инициативный, умный и тонкий политик, да ещё и отменный оратор и организатор. Ведь это именно вокруг него ещё с начала 1980-х годов в Ленинграде сформировалась группа главных действующих лиц той гнусной в целом эпохи, костяк т.н. *российской криминальной буржуазии* ельцинского периода. Ими-то, *прожжёнными ельцинскими олигархами*, он умело и талантливо управлял на протяжении долгого времени, щедро одаривал богатыми жирными кусками госсобственности в обмен на лояльность и деньги. Что было, то было: чего уж теперь-то скрывать, “выбрасывать слова из песни”?!...{8}

Один у него был “минус”, если так можно выразиться: он был еврей, хотя и полукровка, по матери. И выдвигать его на первые роли, как и Явлинского того же, Авена и других, было никак нельзя – порочить славную еврейскую нацию, навредить народное озлобление на неё, естественное в той криминально-воровской обстановке.

Поэтому-то его и прятали за спину Гайдара вначале, а потом – В.С.Черномырдина. Это манера всех аферистов и пламенных революционеров во все времена, всегдашняя революционно-закулисная практика – действовать исподволь, исподтишка: из-за спины какого-либо деятеля-пустозвона... {9}

Итак, прозорливые и политически-подкованные и искушённые москвичи раньше всех поняли и почувствовали, повторимся, каким вражиной и подлецом оказался “великий реформатор-экономист” Е.Гайдар с помощником своим А.Чубайсом. И ответили на их тотальный грабёж и разор многотысячными митингами и демонстрациями, с которыми справляться и подавлять сил у правительства, начиная с осени 92-го года, уже не хватало. Митингующих поддерживали и депутаты Верховного Совета России из партии патриотов во главе с Аманом Гумеровичем Тулеевым (будущим губернатором Кемерово), которые на своих сессиях, транслировавшихся на всю страну, всё жёстче и жёстче критиковали власть, не выбирая слов, не стесняя себя в выражениях.

Аман Тулеев, к примеру, будучи прирождённым народным вождём и блестящим оратором-трибуном, человеком абсолютно-безстрашным и безрассудно-отчаянным, плюс ко всему, чьи пламенные выступления из зала заседаний Дома Советов народ слушал, широко раскрывши рот, запоминал из них всё до единого слова и долго потом обсуждал, делал выводы, – Тулеев уже в ультимативной форме стал требовать от президента Ельцина отставки Гайдара с Чубайсом от власти, сурового и справедливого суда над ними и одновременной отмены их грабительской приватизации.

«Вы посмотрите, что делается-то у нас на глазах, люди добрые! – с болью в голосе и глазах убеждал он на съездах и заседаниях коллег-депутатов, а через них – одураченную и одурманенную Россию. – Все главные сырьевые богатства и природные ресурсы нашей с вами Державы, что прадеды нам в наследство щедро когда-то оставили, буйны-головы за них сложив, эти младореформаторы-сосунки с Гайдаром во главе теперь решили пустить в распыл. Со своими американскими хозяевами ими щедро расплачиваются: чтобы они их у власти подольше держали, кредитовали, негодяев, их, морально и информационно поддерживали. Всё распродали уже, мерзавцы, все самые жирные и сладенькие куски, владельцами которых стала разная интернациональная шваль! – только не мы, не русские! А мы как негры будем с вами жить в какой-нибудь Южно-Африканской республике: пахать на новых хозяев круглый год за их бананы вонючие и стакан паленой водки – и вымирать, подыхать от недоедания и болезней...»

«А ведь всё к этому и идёт, поверьте! – переведя дыхание, с жаром продолжал он дальше правду-матку прямо с трибуны рубить, на съёжившегося Егора Тимуровича пальцем грозно показывая. – Поглядите, как эти сопливые мальчишки рушат нашу Оборонку и Космос, наш славный советский Атом – самые передовые и конкурентоспособные отрасли в мире, гордость прежнего СССР! – наглухо перекрыв им заказы и финансирование. Чтобы, значит, оттуда все разбежа-

лись как можно скорей, и некому стало работать. А попутно распродают за бесценок уголь, нефть и газ, золото и алмазы, металлургические и сталелитейные комбинаты. Гробят лёгкую, пищевую и перерабатывающую промышленности на корню! И делают это сознательно и планомерно: чтобы мы, россияне, за каждой мелочью и ерундой в Европу или Китай ездили и кланялись там перед всеми как босяки, как самые последние нищие-попрошайки! Аж страшно становится, честное слово, от их разрушительной деятельности! по-настоящему страшно! Как катком проходятся по нашей с вами стране, или гигантским бульдозером!...»

«Я уж спать давно перестал – так мне за нашу Державу обидно и горько бывает, за участь нашу сиротскую, обездоленную! Пашем, пашем всю жизнь как каторжные, жилы последние рвём, с голоду подышаем на стройках до срока, на лесоповалах, шахтах, урановых рудниках, где один только русский мужик и выдерживает, и никакой другой: будь то немец хвалёный, англичанин или француз. А потом приходят такие вот “молодые волчата” из интернациональных банд и масонских лож – жулики-казнокрады махровые! – и всё, что мы сотворили и возвели, что успели на старость себе отложить, – всё у нас выгребают до последней крошки. И ещё сидят, вон, и посмеиваются вдогонку, молокососы! Уверяют, что так, мол, всё оно и должно быть по их воровским законам. Которые они теперь *демократией*, видите ли, обозвали на американский и европейский манер, *тенденцией миро-*

вого экономического развития. Хорошо устроились, подлецы, профессионально и грамотно! То Карлом Марксом нам мозги засерали 70 лет, теперь – Жоржем Соросом... А потом ещё какую-нибудь наживку заморскую привезут, когда на Сороса люди клевать перестанут. Твари продажные! паразиты!...»

«Эта пресловутая экономическая политика их – либерализация цен и приватизация – необходимостью которой и неизбежностью они так высокомерно перед страной кичатся, – заканчивал он своё выступление, – это не недомыслие, не ошибка, не временное явление переходного периода – вот что главное-то! о чём я хочу сказать! Это сознательная стратегия на развал: чтобы у нас своего ничего не осталось. И мы с голым задом сидели опять на печке, с одними руками, ногами и шеей, как выючные лошади или волю; а всё для жизни необходимое от соседей своих завозили, повторю ещё раз, второсортное и просроченное, не нужное там никому. И за этот цивилизованный мусор, отходы дешёвые и несъедобные соседи нами бы ещё и помыкали-командовали, драли б с нас десять шкур, ездили б на нас задарма до Рая небесного и обратно... Это ж государственная измена чистой воды! экономическая диверсия! Да за такие проделки и фокусы в 37-ом Сталин ленинских соратников-негодяев справедливо к стенке и ставил. И правильно! И поделом! А теперь вот внуки их кругленькие да пухленькие опять до власти в стране дорвались: *троцких, зиновьевых, каменевых и бухари-*

ных. И опять то же самое нам устраивают: открыто издеваются над нами, презируют и грабят нас, в рабство к Западу тихой сапой определяют... Вы, Егор Тимурович, уж извините за резкость, – бесстрашно обращался он под конец к сидевшему в первом ряду Гайдару, что всякий раз раздувался как помидор и обильно обливался потом после каждой подобной критики-взбучки, – Вы либо сознательный враг, либо полный дурак, который не ведаёт, что вытворяет. С Вами и Вашей политикой марионеточной и гнилой мы всю Россию *прочмокаем!* Так и знайте!...»

После таких выступлений, помнится, зал долго не мог успокоиться: поднимался с мест и оратору рукоплескал, кричал “браво”, “правильно всё”, “молодец”! А исполнявший обязанности Главы правительства сидел как оплётанный в кресле, предельно-раздувшийся, потный и злой – и не знал, что и сказать в ответ. Защититься ему было нечем... Потому что всё, что говорилось с трибуны Тулеевым, было истинной Правдой, истинной! глубоко выстраданной и пережитой, самой жизнью не раз и не два подсказанной и проверенной, самим народом... А с Правдой бороться – всё равно что с Господом Богом самим – дело абсолютно-пустое и безнадёжное!...

Авторитет Егора Тимуровича как руководителя кабинета министров таял прямо-таки на глазах, как снежная баба на солнце. Не помогали уже ни реклама бешенная и кругло-

суточная, ни его знание английского языка, на котором он иной раз, для форсу псевдо-учёного, делал свои выступления, ни даже громкая слава обоих его дедов: деда Аркадия, в первую очередь, командира карательного отряда в Гражданскую, ставшего потом сочинителем, и другого деда, по матери, Павла Бажова, не менее известного писателя-сказочника. Оголодавшему народу было уже не до них.

Поэтому-то его, Гайдара, американским хозяевам-кукловодам надо было срочно что-то предпринимать, чтобы сбить протестные настроения и в квартирах народ удержать, не допускать безконтрольного выхода его на улицу.

А поскольку прекращать делить Россию на части, колонизировать и приватизировать её, нагло и пошло грабить никто из них не собирался (не для того же они, в самом деле, приходили к власти, израсходовали столько денег на гранты, подкупы и подарки, уйму умственных сил потратили, как и сил душевных), – то кукловоды и решили пожертвовать малым: марионетку Гайдара “слить”, выбросить его на помойку Истории за ненадобностью.

В декабре 1992 года президент *«свободной России»* Ельцин, по настоятельному требованию депутатов от оппозиции и совету своего окружения, назначил на должность премьера Черномырдина Виктора Степановича вместо обанкротившегося Егора Тимуровича (про которого острослов-обыватель со злорадством после этого говорил, вспомнив известную в народе поговорку, что у нашего-де “*косого Егорки был глаз*”).

больно зоркий; одна беда – глядел не туда”). Эпоха Е.Т.Гайдара на этом и закончилась худо ли, бедно ли, с его людоедской *шоковой терапией*, до основания потрясшей страну, безудержной и безконтрольной инфляцией, сделавшей всех россиян нищими и голодными в одночасье, бесконечными склоками в парламенте и вокруг него...

Казалось бы, радуйся честной народ. Ликуйте вослед и господа-товарищи депутаты: послушал вас всех президент, прогнал бездарного и холуйствовавшего перед мировыми финансовыми спекулянтами вельможу.

Но долго радоваться народу русскому, добропорядочному, и на этот раз не пришлось, увы: не простые оказались люди из Администрации первого президента, совсем не простые!!! Ибо заместителем к недалёкому и простоватому Черномырдину был ими назначен всё тот же непотопляемый А.Б.Чубайс. А с 17 марта 1997 года ещё и Борис Ефимович Немцов – другой крутой демократ и видный деятель *перестройки*, что перед этим успел поработать губернатором Нижнего Новгорода несколько лет и почудил-покуражился там на славу, *перестроечного* опыта поднабрался. Бюджет дербанил и разворовывал по чём зря, любовниц имел без счёта, или подруг; и тоже *«перепачкался на своём посту»*, – как и Г.Попов в Москве, А.Собчак в Питере, К.Титов в Самаре, Д.Аяцков в Саратове, – *всеми видами криминальной грязи»* – куда ж без неё деваться и как прожить **либералам** и **ельцинистам**! Простым нижегородцам Борис Ефимович запомнился как безпринципный повеса, заправский кутила и плут; человек пустой, но авторитарный и жёсткий в работе, скандальный и сутяжный, плюс ко всему, вечно судив-

шийся с кем-то, деливший какие-то *левые деньги* и займы, тесно с криминалом связанный, с местной братвой. А попутно умудрившийся пустить по миру, обанкротить и распродать в частные руки – *приватизировать* и *акционировать* по-либеральному! – всю богатейшую промышленность области – и оборонную, и гражданскую, доставшуюся от советских времён. Впрочем, это была обычная повсеместная практика тех перестроечных лет: банкротить и распродавать. Немцов здесь исключением не был...

Оторопевшие депутаты от оппозиции сразу же смекнули, матерно глаза скосив, что Ельцин с помощниками опять их цинично и пошло надул. И назначенный Черномырдин Виктор Степанович станет этаким “свадебным генералом на чужом воровском пиру”, клоуном-скоморохом, “ведущим концерта” – не режиссером, не лидером, не заводилой, обязанностью которого отныне станет разве что заседания правительства открывать, да пить на банкетах шампанское. К самой же работе, к руководству кабинетом министров его не подпустят и близко – и к гадалке не надо ходить. Править будут, большими делами и деньгами ворочать Чубайс на пару с Немцовым – два махровых деятеля-либерала и сверхоборотистых перестройщика, или же “два кислых друга наподобие хрена и уксуса” – как почти сразу же стал их обоих называть народ. И политика грабежа, развала и колонизации России Западом не претерпит никаких изменений по сути,

даже и набранной при Гайдаре скорости не потеряет...

И так оно всё и случилось в итоге, точно так! Смена “вывески” на фасаде правительства на разрушительную работу его ни коим образом не повлияла: тотальный грабёж и делёж России продолжился ускоренным темпом.

Об этом, кстати, красноречиво свидетельствовала и простодушная исповедь самого Виктора Степановича, когда он незадолго перед своей отставкой в марте 1998 года расстроено и обречённо заявил депутатам Государственной Думы – на их законный упрёк в никчёмности своего правления, – что, дескать, попробовали бы они на его месте что-нибудь путное и полезное сотворить, имея двух таких заместителей. Одного (и это почти дословное его выражение) рыжего и хитрющего как кота, волевого, двуличного и безконтрольного из-за тайной любовной связи с дочерью президента и МВФ; а другого вертлявого как юла, развратного, наглого, кучерявого, – которые-де всё время потешались над ним и его приказами, дружно их саботировали и нивелировали. А сами при этом творили всё, что хотели за его спиной, что им советовали их кураторы. Прощаясь с должностью и людьми, он во всеуслышание заявил тогда напоследок, каясь перед Россией-матушкой, которую, в отличие от своих ушлых замов, почитал и любил, что его-де использовали как ширму по сути, как тот же презерватив. И что он не отвечает никоим образом за творившийся в стране бардак, за тотальное

разграбление и насилие.

И это тоже было правдой! – хотя и крайне обидной и горькой для народа и страны. Да и для него самого, вероятно, – потешного, как ни крути, премьера...

Единственное, что предприняла *закулиса* (*тайная власть*) в этот черномырдинский пятилетний период руками своего резидента Чубайса, чтобы умиловить россиян и умерить протестные настроения в связи с грабительской приватизацией, – это придумала фантики под диковинным названием ВАУЧЕР и раздала их каждому взрослому жителю на хранение, предварительно шумно те фантики прорекламировав, некую значимость им придав.

«Оппозиция нас упрекает в алчности, – стал раз за разом вещать с телеэкранов вечно ухмыляющийся Чубайс, расхваливая на все лады своё знаменитое ноу-хау, – что мы, якобы, всю Россию разворовали и прибрали к рукам, а народу не дали-де ни шиша, даже и ржавой ложки. Для опровержения подобной гнусности и клеветы мы и выпускаем *ваучер*, ценную государственную бумагу, на которую каждый гражданин страны сможет приобрести себе, по желанию, часть государственной собственности: то есть стать полноправным хозяином фабрики или завода, нефтяной или газодобывающей скважины. Для этого, мол, надо будет лишь этот ваучер получить и обратиться с ним в одну из инвестиционных компаний, двери которых будут широко открыты по всей России, с целью приобретения акций. После чего автоматически стать одним из акционеров-выгодоприобретателей, как

это всё по-научному называется, по-экономически. И жить себе потом – не тужить: получать ежегодно доходы от прибыли той компании, одним из совладельцев которой вы, дескать, с нашей помощью станете. Поди плохо, да?! Согласитесь, граждане?!...»

«А ежели кто, допустим, не захочет акции покупать, – хитро добавлял Чубайс, с высокомерной усмешкой с голубых экранов на притихших зрителей посматривая, с некоторой безразличностью даже, – кто попытается оградить себя от всякого вероятного в инвестиционном бизнесе риска и головных болей, – тот может эти ваучеры попридержать и впоследствии обменять их на автомобили, к примеру. Две новые “Волги” можно будет в будущем на них купить, а может даже и больше. Это я вам, как разработчик, обещаю клятвенно, головой могу поручиться, что так оно всё и будет. Мои помощники и я сам эту ваучерную программу тщательно, и не один раз, взвешивали и просчитывали вручную и на компьютерах. Понимай: научную базу и строгий расчёт под всероссийскую ваучеризацию подкладывали. Мы же, дескать, экономисты о-го-го какие! Все, как один, учёные – не забулдыги! А экономика – наука серьёзная и надёжная: ошибок и сбоев не даёт. Можете на нас положиться...»

Итак, напечатали и раздали народу эти самые ваучеры действительно (их ещё при Гайдаре начали раздавать, если уж быть совсем точным), компаний открыли кучу по их об-

мену на акции с названиями самыми что ни наесть оскорбительными и унижительными, в открытую над русскими горе-инвесторами издевавшимися – Хапёр-Инвест, например, Обьегорь-Продакшен, Идиот-Интернэшэнэл и другие, – которые по сотне раз на дню рекламировали бессовестные артисты из либерально-демократической тусовки. Имена их хорошо известны: они и по сей день в шоколаде все, как и сам Чубайс.

И вот уже люди мечутся как угорелые, рекламою как наркотой одурманенные, – не знают, куда полученные ваучеры вложить. Спорят, кричат, горячатся, громко обвиняют друг друга в тупости и невежестве, в незнании сырьевого рынка и мировой конъюнктуры на лес и на нефть, на цветные металлы с газом, за добычу и последующую реализацию которых те кампании, якобы, и отвечали. Всё пытались тогда отыскать себе, дурачки, компанию “понадёжнее”, выбрать “почестнее” шулера из тех, что на выбор предлагал им кремлёвский аферист-реформатор, “чистую карту” себе из краплёной колоды вытащить, с профессиональными “напёрсточниками” посоревноваться.

И только наиболее мудрые и дальновидные – кто хорошо понимал жизнь и, одновременно, подленькую натуру Анатоль Борисыча насквозь видел, отчего ни грамма не верил ему, ни одному его слову, – те решились тогда побыстрее продать свои ваучеры расплодившимся повсюду дельцам и хоть что-то себе купить на вырученные от продажи деньги.

Те же китайские пуховики или куртки турецкие, пока ещё такая возможность была, пока чубайсовские фантики хоть чего-то стоили.

Но таких было мало, увы. Умных людей всегда и везде мало. Основная же масса народа разрекламированных акций понабрала, в укромные места их запрятала – и стала сидеть и ждать: когда же обещанные денежки-то в карман закапают.

Месяц сидели и ждали, наивные, два, полгода, год... А потом всё же поняли под конец – когда их компании инвестиционные стали вдруг дружно лопаться как пузыри, словно по чьей-то команде, – что всех их, доверчивых русских людей, на слова и обещания падких, опять наеб...ли!!! по-чёрному!!! После чего принялись пуще прежнего глотку драть, клясть на всех перекрёстках Чубайса и Ельцина. Всех рыжих плутней-котов в стране отныне Чубайсами стали звать, а ему самому присвоили гордую кличку Толик-Ваучер...

Вообще же, это было время безчисленных финансовых пирамид, куда легко вовлекали несчастных русских людей, простых и безхитростных по натуре, да ещё и инфляцией замордованных и задёрганных, умопомрачительными процентами. Набирали таким манером (широко используя электронные и печатные СМИ) огромные суммы по всей стране и исчезали бесследно с чужими деньгами, словно сизый дым из трубы. И делали это паскудство безсовестные дельцы с двойным и тройным гражданством в те годы почти что ле-

гально и безнаказанно!

Забодяжит, к примеру, какой-нибудь картавый, пархатый и пучеглазый хлыщ фирму-однодневку спекулятивную, наобещает с три короба всяческих выгод и благ, сорвёт куш немаленький – и преспокойно едет потом в Америку или Израиль с мешком наворованных русских денег. Пьёт и гуляет там, сволота, в окружении срамных девок-баб, царствует-развлекается, собой гордится: вот, мол, каков я удалец-молодец, как ловко их там всех объегорил-“кинул”, вокруг воровского, поганого пальца обвёл.

И никто не ищет его в России, не предъявляет судебных исков, не начинает уголовных преследований по поводу исчезнувших огромных денежных сумм, не требует выдачи и ареста, и возвращения награбленного. 1990-е годы, поэтому, стали раздольем для патентованных аферистов, громил и воров, циничной и пакостной интернациональной жуликоватой сволочи. Причём, небезызвестный Сергей Мавроди со своей МММ был самый среди них порядочный и мало-грешный. Без сарказма и кавычек! Он хоть что-то давал заработать людям в течение нескольких лет – и ни от кого не скрывался, не прятался: жил и работал в России, имел прописку и квартиру в Москве, и одно-единственное, российское, гражданство. А вся его вина лишь в том заключалась, как это теперь представляется, что он был *единственным русским* среди них. По духу, во всяком случае, если и не по крови.

Вот его и выбрали козлом отпущения для показательной

“порки”: чтобы и в чужой огород не лез со свиным рылом, и, заодно, взял бы все правительственные грехи на себя, за всех *нерусских катал* и *кидал* один расплатился...

Как бы то ни было, но с весны 1993-го года убаюканный было отставкой Гайдара и раздачей ваучеров народ с новой силой начал борьбу за жизнь и достойное существование, что захватывала уже всю страну от Камчатки и до Калининграда. Всплеск от “камня”, грабительского и разрушительного, что осмелились бросить Гайдар с Чубайсом в Москве, широкими протестными волнами покатылся по всей России.

Митинги организовывались чуть ли ни каждый день представителями оппозиции. Возникали и стихийные демонстрации с перекрытием центральных улиц, проспектов и федеральных трасс. Обозлённые и обманутые новой властью люди, изголодавшиеся и измученные психологически, дошедшие до последней черты, до края, – люди справедливо требовали прекращения ельцинского бардака и возвращения прежних строгих советских порядков.

Чтобы в очередной раз успокоить народ и отвратить его от бунтов и крамолы, в страну в спешном порядке принялись завозить из Европы в огромном количестве полюбившийся спирт “Roal” и дешёвую водку “Rasputin”, просроченные собачьи консервы и чипсы соевые, которые с голодухи шли на “ура”, выкашивая народ как косою. А чтобы пополнить разграбленную Гайдаром и Чубайсом казну, на Западе в МВФ занимались огромные суммы денег под совершен-

но-немыслимые и грабительские проценты, – денег, что вешались тяжелейшим бременем на Россию и будущие её поколения, превращая их в хронических должников, в вечных данников Запада. Иуде Ельцину спасибо за то – этому *святоше от демократии*.

Но это было лишь половиной беды, и не самой страшной. Вся же беда заключалась в том, что большую часть полученных из американских и западно-европейских банков кредитов, денежной помощи так называемой, дельцы из правительства, те же Чубайс и Немцов, и все российские олигархи, благополучно рассовывали по своим карманам, как и карманам своего лакействующего окружения. И потом тайно переправляли кредитные деньги обратно на Запад – уже на собственные банковские счета. Приём известный и широко тогда применяемый новыми “демократическими” властями большинства союзных республик, ставшими независимыми после распада СССР.

А на оставшуюся, меньшую часть помощи, закупали консервы и спирт для народа. И в спешном порядке укрепляли ОМОН – символ правления Ельцина и его подручных, – новый демократический карательный орган, созданный, главным образом, для разгона всех недовольных, кто позволял себе возвысит голос протеста на власть, усомниться в качестве и ценности насаждаемой западной демократии, как и лично первого президента России человеческих качествах.

Итогом той людоедской и грабительской, откровенно

враждебной и чуждой большинству добропорядочных российских граждан политики стали кровавые события Октября 93-го года, расстрел из танков восставшего Верховного Совета и оппозиционных режиму Ельцина депутатов России, цинично показанный на весь мир всеми ведущими телеканалами Запада в сугубо назидательных целях.

Для чего? — понятно: *честной патриотический мир этой ритуальной казнью до смерти запугать, до трясушки и заикания.* Чтобы не попытался больше никто, даже и в мыслях не смел покушаться на торжество “госпожи-демократии”, поганый рот разевать, высказываться-кочевряжиться. И, уж тем более, вредничать, сопротивляться, палки в колёса вставлять Новому Мировому Порядку, что горделиво шествует теперь по Земле твёрдой хозяйской поступью...

От *шоковой терапии* Гайдара и связанной с ней лихорадки, от повсеместной тогдашней полуголодной жизни Стеблова, как уже говорилось, спасла торговля. Или, коммерция, бизнес по-современному, в который он, здоровый молодой человек в полном расцвете сил, насидевшийся без работы в своём оборонном НИИ и ошалевший там от хронического прозябания и безделья, как в омут с головой погрузился. Который, бизнес, на первых порах только и делал, что ублажал и радовал его, дорогие подарки преподносил в виде сумасшедших заработков-получек – ежедневные длинно-рублёвые “гранты” и “бонусы”, на которые можно было всё что угодно купить, невзирая на ценники.

Судите сами, читатель. Уже в январе 1992-го года инфляция была такой, что с прилавков магазинов Москвы и торговых палаток бесследно исчезли дешёвые, доступные всем товары: рыба мойва, минтай и треска, варёная колбаса и мясо, плавленые сырки, привычные консервы те же – килька в томате, скумбрия и камбала, шпроты. Товары, которых прежде было не счесть, которые на полках годами валялись, пылились, никому не нужные и не интересные. Люди очумело носились по городу с тощими кошельками и не знали, бедные, чем им себя и домашних животных кормить; с ума сходили от этого, духом слабели и нервами.

А семейство Стебловых в этот переломный момент ело красную икру ложками, которой были завалены все продуктовые точки столицы из-за непомерно высокой цены, и к которой большинство москвичей даже и подступиться боялось: как музею через витрины с завистью на неё посматривало. И сырокопчёная колбаса, повторимся, не переводилась на их столе, и твёрдый сыр Пармезан, и дорожущее парное мясо с рынка ежедневно дожидалось своей участи в холодильнике. Всё было – и всё в огромном количестве, не так как у других, простых смертных россиян.

А ещё у них была в доме кошка Маркиза, которую жена и дети баловали и любили так, что позволяли ей часто даже и есть с ними из одной тарелки. Кормили её в прежнее время исключительно свежим минтаем и молоком, и такой же свежей мясной вырезкой, которую ели сами. Никаких дешёвых консервов в её рационе не было никогда; оттого и прожила она аж 18 лет – срок для кошек огромный.

И вот в январе 92-го вся свежемороженая дешёвая рыба вдруг исчезла с прилавков, и избалованную лакомствами Маркизу нечем стало кормить. Совсем. И тогда супруга Стеблова, жалея животное, повадилась ходить в “Океан” и покупать там целыми упаковками дорожущее *филе минтая* в фирменных заводских лоточках, залитых сметанным соусом, которое предназначалось для москвичей в качестве дорогого кушанья быстрого приготовления, стоило почти столько же, сколько и икра, и считалось деликатесом. А жена

приносила те алюминиевые упаковки домой, вскрывала их все без дрожи и сожаления, вываливала оттуда не нужную сметану в помойку, а белоснежные куски свежей рыбы давала не мужу и детям, а любимой кошке своей. И та их с удовольствием съедала на глазах домочадцев, и долго потом ходила, облизывалась, лежебока, и у жены под ногами тёрлась, добавки себе прося. Ей тоже, видимо, новая жизнь была по вкусу и по душе. Ещё бы: такие-то продукты лопать!

Вадим, наблюдавший подобное, всегда усмехался и думал, что если бы увидели его супругу в этот момент голодавшие родственники и друзья, не дай Бог, соседи, чем она кошку кормит, как сметану рыбную, аппетитную безбожно в помойку льёт, – растерзали бы, наверное, за подобное барство и расточительство в два счёта, порвали бы на куски. А уж знать бы перестали точно, проклинали бы навсегда, давась лютой злобой и завистью. А у Стебловых это стало нормой всю первую половину 92-го года – деликатесами себя и кошку кормить, и ни в чём себе из одежды и еды не отказывать.

Так, на широкую ногу, можно сказать, и встретили они новую жизнь, – у которой, впрочем, не одни только радости были. Были и огорчения!...

И первым неприятным моментом, что поразил в новой жизни начинающего коммерсанта Стеблова, заметно омрачил и испортил её, было бедственное положение его родных – родителей, сестры и брата, в первую очередь. Состарившихся отца и мать, и про это выше уже говорилось, опять-таки, оставили без сбережений, без средств, бессовестно украв у каждого по 12 тысяч докризисных советских рублей и сильно этим поступком варварским обоим их подкосив, к последней черте приблизив. Батюшка их, скорее всего, именно из-за этого раком тогда и заболел: из-за расстройства дикого и страшенной на новую власть обиды. Промучился несколько лет от боли рад Божий Сергей – и умер в муках, сгоревший изнутри, почерневший душой и телом. И у матушки в этот период времени начались серьёзные проблемы с сердцем, что у врачей аритмией зовётся. Да и уровень жизни брата с сестрой многократно понизился, так что оба стали почти что нищенствовать, каждую копейку считать, чего ранее никогда не делали.

Брат его, например, закончивший МВТУ им.Баумана и работавший до прихода Гайдара заместителем начальника цеха на одном подмосковном оборонном заводе, после завершения учёбы горя не знавший, нужды, – так вот брат с января 92-го вынужден был ежедневно, придя с работы, “бом-

бить” в течение целого года, пока уж не бросил завод и в торгаши не подался, – то есть зарабатывал себе извозом на хлеб, дешёвую колбасу и масло. Прежних заводских получек и премий, баснословных для советского времени, ему уже катастрофически не хватало... Схожее положение было и в семействе сестры, супруг которой, инженер-конструктор, вынужден был оставить КБ и перебиваться случайными заработками, бегая по разным местам, по расплотившимся воровским конторам...

Второй неприятный момент касался уже непосредственно самой его новой работы. Ибо там его довольно быстро посетило открытие грустное, плохо-переносимое, что любая торговля – *бизнес* по-новому, по-американски, – это есть откровенное жульничество, подлость и грязь. И работают там особой породы люди – сугубые циники-материалисты, рвачи, которых кроме денег и развлечений не интересует ничто. И в первую очередь – что у человека внутри сокрыто: в душе его, в сердце и мыслях. Девиз их в целом убогой и ущербной жизни достаточно примитивен и прост: “рубить капусту” или *бабло* любой ценой, пусть даже и криминальной, и потом покупать удовольствий согласно толщены кошелька, безпрестанно баловать, холить и тешить себя сытостью и достатком, жить исключительно ради похоти, ради инстинктов, ради комфорта тела – и плевать на всё и на всех, кто не такой как они, “ниже” их и беднее. Объект их внимания

– исключительно внешний материальный мир во всей своей разновидности и расцветке. *Пассионарностью* в их среде, повышенным интеллектом или духовностью даже и отдалённо не пахнет... Больше скажем. *Люди-пассионарии*, руководствующиеся идеальными ценностями и высшими духовными ориентирами, тратящие свою энергию “не туда”, в направлении, обратном *вектору инстинкта*, – эти люди являются их кровными ненавистниками и врагами, которых они “не видят в упор” и глубоко, всем естеством презирают...

Прирождённому идеалисту Стеблову всё это было сильно не по нутру – такое радикальное несовпадение ожидаемого с действительностью, с тем, что он увидел и понял в итоге, что взамен получил. Он ведь так круто с прошлым порвал после разгрома ГКЧП и бросился в новую жизнь не для того, конечно же, чтобы душу свою продать, или же, в лучшем случае, продолжать мараить её дальше. А, наоборот, чтобы спасти её от прежней советской интеллигентской проказы – туннеядства, безверия, праздности. Он делом мечтал заняться – серьёзным, настоящим, большим, которое бы всецело захватило его опять, себя самого уважать и ценить вновь заставило. Как он уважал и ценил себя прежде, когда в Университете учился, диссертацию там писал, к вершинам Духа тянулся.

А тут вдруг выяснилось довольно быстро, что демократическая проказа оказалась ещё сильнее: она разлагала и уничтожала его куда больше и куда стремительнее. С утра и до

вечера у него был только бизнес один на уме: приход и расход, понимай, дебет-кредит, товар неучтённый, левый, гешефт, — а на всё остальное ни времени и ни сил уже и не оставалось.

Смешно сказать, но за время работы в торговле, начиная с осени 91-го года, он пропустил фактически всё, что творилось в родной стране: не читал ни книг, ни газет, не смотрел совсем телевизор. Только шуршащие деньги домой мешками таскал и считал, и потом валялся без чувств, восстанавливался от торговли. Стоять целый день на ногах, как выяснилось, да ещё и на сквозняке и холоде, был крайне утомительный физический труд, убивавший в нём всё человеческое, всё живое. Он тупел и серел на глазах, будто бы в тёмной одиночной камере запертый деградировал... И конца и края не просматривалось впереди этому ежедневному самоуничтожению и деградации — вот что главное-то! что было ужасно и пугало больше всего, заставляло ночами не спать и про скривившуюся судьбу свою думать и думать. И те мысли ночные его, ночные бдения, получались безрадостными и тяжёлыми.

Он-то, наивный, в торговлю надолго пришёл, и пришёл побеждать: у него не было за душой запасного места работы... А теперь выходило, что напрасно пришёл, напрасно послушался соседа-баламута Кольку. Ибо какое-то время побывать в этом торговом вареве, денег подзаработать, семью накормить — это ещё можно было бы как-то перенести, скрепя

сердце, на это он был бы ещё согласен. Но связывать себя с грязной и чуждой торговлей навечно, как теперь выяснялось, дни, что осталось прожить, ей одной посвящать! – нет, для него уже ближе к весне подобная перспектива становилась просто невыносимой...

А тут ещё и московские праздные бабки стали его донимать своим ежедневным нытьём и проповедями над ухом. Подойдут, бывало, бездельницы, остановятся где-нибудь рядом и стоят минут десять, буравят его глазищами зло: наблюдают, заразы этикие, как он деньги шальные, немереные, по карманам рассовывает, – и при этом голову седой недобро так покачивают из стороны в сторону – от зависти, вероятно... А потом начинают одну и ту же песню дружно “мусолить-петь” у него под носом, нервы ему мотать, и без того натянутые.

«И не стыдно тебе, бугаю, – говорили они ему, подбоченясь, – целыми днями руки в брюки стоять возле Красной площади, честной народ объегоривать?! Да тебе пахать надо от зори до зори, как мы в своё время пахали – при Сталине-то! А ты, паразит гладкий и толстомордый, *новым русским* заделался, жуликом-аферистом на прежний лад! Под гайдаровскую воровскую дудку безсовестно пляшешь, честь и стыд потеряв. Стоишь на солнышке-то и баклуши бьёшь, всё нажитое нами богатство в распыл пускаешь! Кто работать-то будет, скажи, если такие быки, как ты, ни черта не делают, не производят?! Нам, что ли, прикажешь опять к станкам становиться, и вас, молодых дармоедов, кормить и поить начинать, обучать, обувать, одевать и вооружать как рань-

ше! Чтобы немцы с французами в очередной раз вас, торгашей-сладоэстрастников, голыми руками не взяли!»

«Бабки! Ядрёна мать! – не сказать хотелось в ответ, а прокричать Вадиму. – А ни пошли бы вы на х...р отсюда со своими нравоучениями! Без вас, старых ведьм, тошно! Я что ли виноват в том, что мои знания и мои мозги, мой диплом с диссертацией и на хрен теперь никому не нужны?! что довели советских учёных и инженеров до такого нелепого состояния?! Я шесть с лишним лет отработал в сверхсекретном НИИ – и сбежал оттуда. Потому сбежал, что сил уже не было никаких тамошний бардак терпеть и переносить, за здорово живёшь получать зарплату. Вы мне спасибо были б должны за это сказать – по-хорошему-то если, по-человечески, – что я вам на ваши скудные пенсии зарплату свою кандидатскую добровольно отдал, что вожусь теперь вот в этом торговом дерьме, всех москвичей пивом и жвачкой кормлю, снабжаю дорогим куревом. А вы, наоборот, меня грязью мажете и материте, не зная толком дела всего, не зная сути. Дуры тупорылые! наглые! Топайте давайте домой – и побыстрее, пока я ещё себя контролирую...»

Но ничего подобного, конечно же, он праздным бабкам не говорил – как мог терпел и держался. Но только ещё больше мрачнел и чернел после их ухода, за сигареты нервно хватался, за спички – и долго потом стоял и курил, глубоко задумавшийся, дым из себя выпускал густо как паровоз из трубы. Потому что чувствовал, разволнованный, высшую

справедливость в их неоправданно-злых словах, в которой стыдился себе самому признаться...

Держать себя в жёсткой психологической узде и не хандрить, не сдаваться, да ещё и покупателям кланяться и улыбаться ему удавалось с полгода. Но ближе к лету силёнки его моральные и физические подошли к концу, и на него навалилась усталость жуткая, плохо переносимая, да ещё и апатия вперемешку с истерикой, которой он раздражался перед семьёй всё чаще и чаще.

В жарком и солнечном мае ему уже совсем не хотелось, муторно было до тошноты и головных болей на опостылевшую работу ездить. Ежедневно видеть там тупые торговые морды новых своих сослуживцев, бездарей и проходимцев по преимуществу, кретинов полных и неучей, слушать их рассказы похабные про кабаки и секс, и все остальные “преlestи жизни” – такие же грязные в их устах, грубые и отвратительные. Как все они по вечерам лихо “гуляют” и трахаются напропалую, упражняются в сексе, насмотревшись порнухи, а днём объегают лохов-покупателей, товар гнилой и просроченный им нагло “впаривают” и “втюхивают” – и дико радуются от этого. Он понял, что ошибся с новой своей профессией, сильно ошибся, и напрасно в горячке, в запале душевном старую кабинетно-учёную жизнь на торгово-уличную променял, которая стала ему омерзительна.

Он начал здорово тосковать по прежней научной рабо-

те, по институту, книгам и письменному столу, по людям тамошним, наконец, бывшим своим товарищам, которые не были идеальными, нет! – но в сравнение с алчными, грязными и подлыми торгашами они уже стали казаться ему почти-что ангелами.

От навалившейся на него хандры уже даже и деньги бешенные не спасали, как раньше. Наоборот, раздражали только. Ибо деньги хороши и желанны не сами по себе, а именно как следствие проделанной большой и важной работы – так всегда думал и считал Вадим, с такими мыслями жил, учился и трудился прежде. Деньги – это не цель, не смысл всего сущего, и даже и не ориентир, каковыми они являлись в бизнесе и торговле.

От этого-то – утерев нечто главное в жизни, призвание похоронив и талант, и этим опрометчивым, глупым поступком как бы добровольно оборвав с Господом Богом связь, с блаженной Вечностью и Бессмертием, – он то и дело срывался на родственников. Детей и жену, главным образом, что были всегда под рукой, всегда рядом, – которые в эти чёрные дни к нему уже и подходить боялись...

В июне Вадим не выдержал, сказал супруге Марине, что очень и очень устал, во всех смыслах, и не хочет больше работать в торговле, пивом со жвачкою торговать, которые ему обрыдли.

– И что теперь делать будешь? куда пойдёшь? – с испу-

гом спросила жена. — Ты посмотри, как сейчас тяжело с работой-то... А как люди плохо живут, посмотри, еле-еле концы с концами сводят, питаются через раз, пустые бутылки по ночам собирают и потом сдают за копейки. Даже и те, кто работают по восемь-десять часов в конторах каких-нибудь, институтах... А у нас с тобой дети, Вадим, а я не работаю, сижу в декрете. Жить-то как будем, скажи? Ты об нас-то троих подумал?

И она дотошно начинала расспрашивать и выяснять причину пессимизма и паники мужа: почему он в такое жуткое, переломное время вдруг вознамерился с больших стабильных заработков уйти и доходной работы, семью пустить по миру. На соседа Николая несколько раз указывала и бедового брата его, которые-де в новую жизнь как лихие гонщики в крутой поворот вписались — безо всяких там чёрных мыслей и переживаний, ненужных и крайне вредных для человека, пессимизмов, паник, проблем.

— Ты-то чего так как они не можешь, ответь? — допытывала она его. — С чего тебя-то так всего трясёт и дёргает ежедневно?

— С того и трясёт, Марин, — нервно и сбивчиво отвечал похудевший и посеревший Стеблов, с тоской и одновременно с мольбой на супружницу милую глядя, — что торговля эта грёбаная постыла и противна мне, до глубины души омерзительна. Как, кстати сказать, и все дебилские торгаши с нашей фирмы, у которых только одно на уме и на языке: кто из

них вчера больше выпил и съел, и у кого больше любовников и любовниц, которых они по ночам до полусмерти якобы “шпарят”, до ору дикого. С ними спокойно разговаривать можно, общаться, только если ты сам с перепоя сильного, с бодуна, когда голова совсем не работает, не соображает. Мне тошно с ними, неучами, пойми. Потому что мы с ними из разного теста слеплены, разной породы! Я в последнее время, как только к офису нашему подхожу и представляю их всех, похотливых, пьяненьких и тупорылых, – так меня сразу же всего тряссти начинает: будто там меня будут насиловать, бить. Мне волком выть хочется, право-слово, назад повернуться и домой убежать поскорей! Разве ж можно жить и работать с таким-то траурным и паническим настроением! Из последних сил себя сдерживаю и терплю. Но и мои силы не беспредельны, как видишь.

–...А как же Колька работает, не поняла, и его брат? Почему им-то обоим там очень даже здорово и комфортно?

– Брат Николая – профессиональный торгаш. Торговля – это его стихия. Рестораны, любовницы и кутежи – всё это ему ещё с прошлых советских времён родное. Он и тогда, при советской власти, вспомни, точно таким же Макаром жил: из кабаков не вылезал неделями, из притонов новоарбатских и казино, баб менял ежемесячно как носки. Раз пять уже был женат, и ещё столько же женится. Потому что человек абсолютно дикий – без тормозов, как про таких говорят, без чести элементарной и совести. Как, впрочем, и все они,

торгаши – поганые, пустые людишки. Подешевле купить, подороже продать; разницу положить в карман и просадить её тут же в борделе со шлюшками, – вот и вся их незатейливая жизненная философия и политика. И срать они хотели на всё и на всех – потому что убогими родились по уму и по сердцу, убогими и безталанными. И оттого-то с рождения всех ненавидят – талантливых и плодовитых, прежде всего, у кого хоть что-то есть за душой, кто хоть к чему-то возвышенному стремится. Хотят непременно унизить и опустить таких, в собственном дерьме извалять, мерзости – потому что дико способным и талантливым людям завидуют...

– И Колькин брательник такой же поганый гнидос, точно такой же! Я его за те семь с небольшим месяцев, что на фирме работаю, хорошо узнал и понял, хорошо изучил. Кого хочешь предаст и продаст с потрохами, скот, не думая о последствиях, а потом опять купит, и опять тебе будет вроде как друг, самый верный и закадычный. Сегодня скажет и пообещает одно, если ему это выгодно будет пообещать и сказать: ну, чтобы чью-то там бдительность с волею усыпить и максимально дезориентировать человека, к себе его, от услышанного разомлевшего и расслабившегося, расположить, словом добрым растрогать, расчувствоваться заставить – и с правильной мысли в итоге сбить, с правильного настроения. А завтра уже делает и говорит обратное как ни в чём не бывало, как лично ему и только ему одному это в данное время выгодно и полезно. И при этом даже и глазом

вечно прищуренным не моргнёт, не покраснеет, подлец, ни сколько. Не говоря уж про то, чтобы перед кем-то покаяться или извиниться. Да ну его совсем, трепло бессовестное!...

– Вспомни, чего он мне наобещал, когда я прошлой осенью к нему на фирму устраивался. Что поработаю с месяц на улице, опыта поднаберусь, а потом он меня в офис, дескать, переведёт, сделает одним из своих заместителей... Ну и что, взял? Хрена! Они в своём офисе на пару с братом сидят, баб-бухгалтеров и товароведов трахают целыми днями, шампанское пьют, и никто им там больше не нужен. Зачем?! Остальные пусть на улице пашут, им деньги мешками таскают, на которые они оба себе квартиры новые купят, машины немецкие и японские, дачи, любовниц любых. А мне десятую часть платят от прибыли – и всё. Мол, и за это скажи им спасибо, Вадим Сергеевич, в ножки обоим поклоняйся... А ведь той же осенью, помнится, даже и в долю будто бы обещал меня взять, когда мы с ним пиво в офисе сидели и пили, одним из совладельцев компании сделать. Ты, говорил, Вадим – малый умный и грамотный, кандидат наук. Мне такие нужны: я, мол, таких шибко учёных людей уважаю, знакомством с такими горжусь... А теперь уже ни гу-гу: вроде как забыл уже всё, ничего не помнит. Молчит и только посмеивается при встречах, лишь “как дела” спрашивает. А того разговора нашего с ним будто и не было вовсе. Гнидос хитрожопый!... Теперь он мне магазином каким-то мозги засерает, который он, якобы, намерен скоро купить, и куда меня директором

хочет поставить. Смешно! Думает, дурачок, что я ему всё ещё слепо верю... Нет уж, дудки! Хватит с меня его пьяных пустых обещаний, хватит! Пусть себе ищет других холуёв – попроще и понаивней. И пусть сам с братом Колькой там и торгует теперь, а меня пусть уволит. Я его байками сладкими и обещаниями сыт по горло, так что даже тошнит...

-...Да даже и не в этом дело, Марин, не в этом, – переводя дух, продолжал дальше исповедоваться Вадим, будто бы чуть успокаиваясь от собственной страстной исповеди, тяжёлый камень с измученной торговлей души перед при- тихшей женой будто бы наполовину снимая. – Тут не в оби- де суть... или не в ней одной, если говорить совсем уж точно и честно. Я бы обиду свою пережил, перетерпел, если бы мне хоть сама эта торговля нравилась. А так... Я ведь пони- маю Кольку и брата его, прекрасно обоим их понимаю – не дурак пока. Они завели своё дело, оформили и раскрутили его, в мэрии, как положено, зарегистрировали, людишек на- брали, которые на них пашут, – и теперь оба сидят и пожина- ют плоды, снимают пенки с трудов несправедливых. И я им со- всем не нужен как лишний едок, как совладелец, тем более. Кто я им, в самом деле, чтобы прибылью со мною делиться?! Кум?! Сват?! Брат?!... Хочешь жить как они красиво и ши- роко, и, главное, независимо – заводи своё дело сам, и будь в нём полноправным хозяином. Чтобы уже никому в рот то- гда не смотреть, не ждать от чужих дядей подачек. Тут всё

просто и честно устроено-то, если уж по совести начать разбираться, – или хозяин полный и безоговорочный со всеми вытекающими отсюда последствиями... или холуй, батрак, раб бесправный и бессловесный. Другой альтернативы нету. Свой навар, свою прибыль и власть тебе никто ни за что не отдаст, ни один владелец компании или фирмы. Это аксиома, золотое правило бизнеса, частного предпринимательства в самом широком смысле, где процветают сугубый индивидуализм и эгоизм, где чистоган правит бал и нажива. Я это хорошо уяснил за те семь с половиной месяцев, повторю, что сигаретами и жвачкою торговал возле Музея Ленина.

– Ну и заводи, и становись на здоровье хозяином собственной фирмы. Кто тебе здесь мешает-то? – с жаром подхватила жена высказанную мужем мысль, которая ей очень даже понравилась, очень! – так, что даже и глазки её заблестели. – А я тебе помогу, чем смогу, буду у тебя на фирме бухгалтером, например, или же твоим заместителем: по банкам, по налоговикам буду ездить, документы разные оформлять, чтобы тебя от бумажной работы избавить. А ты будешь заниматься одними закупками и переговорами, глобальные вопросы будешь решать, какие все мужики решают. Неужели же ты глупее Колькиного брата, скажи? Неужто как он не сможешь? Уверяю тебя, что сможешь, лучше сможешь – поверь мне. Ты же у меня человек увлекающийся и заводной. К тому же – человек грамотный и очень и очень умный. Захочешь – горы свернёшь; такое дело раскрутишь – все ахнут! А

они тогда пусть тебе позавидуют, Колька с братом, поскрежущут зубами и пожалеют, что ты от них когда-то ушёл. Таких толковых и ответственных подчинённых, как ты, им ещё поискать надо будет, здорово поискать.

– Да не то ты говоришь, Марин, не то: умнее, глупее; раскрутишь, не раскрутишь; позавидуют, поскрежущут; поплачут, ещё добавь, для самоуспокоения, – поморщился Вадим с досады, выслушав до конца жену и чувствуя, что не понимает она его, а, может, просто не хочет. – Причём здесь это – зависть какая-то?! кого и к кому?! Чего им мне будет завидовать, плакать, тем более, зубами скрежетать, когда у них всё уже есть и сейчас, о чём ты только сидишь и мечтаешь! И ещё вдесятеро больше будет, пока мы с тобою отелимся, надумаем что-то там предпринять! А ты говоришь: «завидовать»! Их-то – двое, а я – один. Никогда я их в одиночку не переплюну... Да и не хочу я их переплёвывать – вот что главное-то, в чём вся суть заключается, пойми! Бог с ними совсем. Не хочу я вообще про них разговаривать и думать, деньги и бизнес их обсуждать, на них походить, тем паче, ровняться. У них – своя жизнь, а у меня – своя. У них там – дела, а у меня – делишки. Но мне-то мои делишки дороже во сто крат, родней и милей, и желанней. И я их ни за что на их крутые денежные дела не променяю, на их миллионы...

– Я ведь всё хочу тебе пояснить уже битый час, девочка ты моя дорогая, что торговля и торгаши – это особый мир и особое людское племя, в которое я никогда не впишусь, при

всём желании и старании. И в первую очередь и главным образом потому, что это совершенно не моё, глубоко чуждое и враждебное мне дело. Не может ягнёнок рядом с волками жить, даже если и очень сильно захочет, – не может... А я “ягнёнок” и есть, или же чистоплюй-мечтатель – теперь я про себя самого это ясно понял. Рождён быть учёным и никем другим, сидеть за письменным столом круглосуточно и думать: что-то изобретать, понимать, открывать, заниматься творчеством. Я – идеалист прирождённый, понимаешь, идеалист! До одури люблю мечтать в одиночестве, фантазировать, жить в воображаемом мире, который внутри меня – в моих мыслях, чувствах, душе, в моём рвущемся и страдающем сердце. А для того, чтобы спокойно жить и мечтать, нужно пустоту вокруг себя создавать – глубокую и непроницаемую, – убегать от людей подальше, от мира нашего грубого и жестокого... Мне даже и друзья противопоказаны, совсем. Потому что время драгоценное отнимают, которого не вернёшь; потому что, опять-таки, здорово мешают мечтать и думать... Поэтому-то у меня их и в Университете не было, за исключением Беляева Кольки, а теперь и подавно нет. Одни товарищи-сослуживцы, коллеги по институту, сотрудники и начальники, с которыми лишь постольку поскольку общаюсь, которых забываю сразу же за проходной... Таким уж я уродился, Марин, таким, видать, и помру. И переделывать себя не стану.

– А в торговле требуется обратное, чтобы всё было с точ-

ностью до наоборот. Там идеалистом-мечтателем быть нельзя – не под каким видом! Тем более, нельзя быть одиночкой: в клочья в первый же день разорвут, и не подавятся... Поэтому-то, чтобы там уверенно жить и работать, как ты предлагаешь, не опасаясь за завтрашний день, за безопасность собственную и карьеру, и мне и тебе необходимо потребуется коренным образом поменять себя, забыть про книги, музеи, театры, про тихую семейную жизнь, и переключиться полностью на внешний мир с его непреложными правилами и понятиями. А правила и понятия эти суровы, поверь. Ибо для того, чтобы там чего-то добиться действительно стоящего и заметного, чтобы “серой мышкой” не быть, попкой никчёмной, пустышкой, – нужно сбиваться в стаи. Да ещё и матёрым “волком” становиться как все, заводить обширные связи, знакомства, поддерживать их постоянно в светских тусовках и кабаках, быть всегда на виду, быть в обойме. У них это там аксиома, как я уже говорил, закон непрременный, незыблемый, которому все подчиняются как один, по которому все живут – и здравствуют, и довольны очень, счастливы даже... Этот *стайный закон* и в нашем научном мире железно действует, к слову сказать: если захочешь, к примеру, к большим деньгам подобраться, к почёту и славе общероссийской и мировой, к значимой солидной должности – академиком-лауреатом стать, чиновником самого высокого ранга, директором какого-нибудь важного и денежного института. Но только ежели академиком или делягой-чиновни-

ком. Во всех же остальных случаях учёный абсолютно свободен, и совесть его чиста. Продавать её никому не надо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.